

Михаил БАРУ

«ДЛЯ ВЕДОМА ВПРЕДЬ ИДУЩИМ ЛЮДЯМ»

Правду говоря, населенных пунктов с названием Остров на свете очень много. Одних только деревень, сел, поселков и хуторов в России, на Украине, в Болгарии, в Словакии и в Чехии больше сотни. Есть город в Чехии недалеко от Карловых Вар, но наш рассказ не про него, а про небольшой райцентр в Псковской области, которому от роду уже около семисот лет. Ну, к вопросу о возрасте мы еще вернемся, а пока скажем, что к счастью, о происхождении названия Острова спорить не приходится. Город находится на острове посреди реки Великой. То есть в наше время Остров находится и на острове, и по обеим сторонам реки, и выше острова, откуда он начинался, и ниже его, но в самом начале своего существования он занимал только остров, а вернее, островок посреди не очень широкой реки, хотя и с названием Великая. Впрочем, в масштабах Псковской области, а раньше Псковской губернии, а еще раньше Псковской вечевой республики она такой была, есть и всегда будет.

Протоиерей Николай Панов, написавший в начале прошлого века «Летопись г. Острова и его уезда Псковской губернии», сообщал в самом начале своего труда: «В давно минувшее время Псковская область была населена славянским племенем кривичей. Для защиты от врагов кривичи устаивали укрепления, или городки, которые строились обыкновенно на вершинах гор по течению рек и на берегах озер, на местах способных к самозащите и сверх того они укреплялись еще стенами валами и рвами. Это наши древние замки, это орлиные гнезда по своей неприступности».

Остров построили псковитяне с одной, но очень важной целью – быть преградой на пути тех, кто с мечом приходит во Псков, а с мечом приходили и литовцы, и немцы, и поляки, приводившие с собой чехов, венгров и даже итальянцев, и... проще назвать тех, кто не приходил. Разумеется, Остров не один стоял на пути всех этих любителей чужого добра. Псковитяне с этими же целями основали и Опочку, и Ржев, и Себеж, и Гдов, и целый ряд других городов-крепостей, но Остров был одним из первых, если не самым первым.

Признаться, город Остров в первые несколько десятков лет своего существования мало походил на орлиное гнездо, с которым его сравнивает Панов, потому как располагался не на горе. Да и городом его было трудно назвать. Это была крепость, построенная на острове из колотого известняка, скрепленного известковым же раствором. Прежде чем мы перейдем к описанию крепости, нужно определиться с возрастом самого Острова. Скажем честно – никто не знает, когда он появился. Если приблизительно, то в четырнадцатом веке, а если точнее, то впервые Остров был упомянут в «Списке русских городов дальних и ближних», который представлял собой список укрепленных пунктов. Упомянут всего двумя словами «Остров камен». Список этот был составлен в последней четверти четырнадцатого века. Выходит, что Остров, который уже тогда был «камен», основали как минимум в середине века, а то и раньше, поскольку в те времена такие каменные крепости быстро не строили. В Псковской летописи Остров и вовсе в первый раз упомянут под 1341 годом. В том году островичи участвовали под началом своего посадника Василия Онисимовича в военных действиях против немцев. Сначала немцы без объявления войны убили псковских послов. Потом псковичи в отместку разграбили ту часть Ливонии, до которой смогли дотянуться, потом вернулись немцы и поставили Новый городок на псковских землях, потом псковичи отправились в поход воевать немецкие села. Собрали отряд из шести десятков охотников повоевать с немцами и послали спросить островичей, не хотят ли они присоединиться к походу. Островичей

уговаривать не пришлось, но к пункту сбора они опоздали, а немцы, не дожидаясь островичей, явились с отрядом в двести человек воевать псковские села, и шестьдесят псковичей, не дожидаясь подмоги, стали с ними биться. Бились изо всех сил, потеряли убитыми двух своих командиров, еще семь человек и отступили. Немцы их не преследовали, а стали своих убитых переправлять на западный берег Великой. Тут как раз явились островичи и ударили по немцам. Так ударили, что часть немцев потонула в реке, а часть побросала трупы и бросилась бежать. Вот, собственно, и все о первом упоминании островичей в летописях. Конечно, разгром отряда из двухсот немцев это не разгром немецкого полка или дивизии, но погодите лет шестьсот с небольшим – будет вам и полк, будет и дивизия.

Поскольку островичи появляются на страницах летописи военным отрядом, с посадником Василием Онисимовичем во главе, то основание Острова можно, скорее всего, отодвинуть еще дальше вглубь четырнадцатого века. Если уж совсем строго, то по данным археологических раскопок толщина культурного слоя на острове почти два метра, и нижние горизонты этого слоя, если судить по находкам, датируются второй половиной четырнадцатого века. Или пятнадцатого. Точнее археологи сказать не могут.

Как бы там ни было, а от первоначального Острова осталось немногим больше, чем ничего, поскольку, как писал Панов в своей летописи города и уезда: «Почти все памятники Островской старины уничтожены пожарами, наводнениями и руками невежественных людей, так что до настоящего времени весьма мало сохранилось исторических сведений и народных сказаний об Острове». Народные сказания мы здесь рассматривать не будем, а вот о крепости, построенной в те времена, когда порохом еще и не пахло, сказать стоит.

Теперь от нее не осталось ничего. Напоминает о ней небольшой макет размером два на четыре метра или около того во дворе краеведческого музея, сложенный из того же известняка, что и сама крепость. Остатки настоящих стен достояли до войны. Сохранились даже фотографии. Увы, то, что осталось от крепости, во время оккупации разобрали немцы, которые превратили плиты, из которых была сложена крепость, в щебень, и этот щебень использовали для ремонта дорог.

Островская крепость была очень скромной, если так можно говорить о крепости, потому как и сам островок, на котором она стояла, был невелик по площади. Мало того, крепость занимала не весь островок, а только его возвышенную часть. От нижней части она была отгорожена рвом, который наполняла вода. С востока на запад крепостная стена тянулась на двести тринадцать метров, а с севера на юг – на восемьдесят пять. Если все это перевести в квадратные километры... нет, лучше в метры. Получится целых восемнадцать с лишним тысяч, а не восемнадцать с небольшим тысячных.

В семьсот семьдесят втором году инженер-прапорщик Гаврила Борзов произвел обмеры сильно обветшавшей к тому времени крепости. Было у нее всего три башни. Вход в крепость был устроен в виде рукавчатого захоба – узкого коридора между стеной крепости и дополнительной стеной. Те, кто штурмовали ворота, должны были пройти этот коридор, в то время как осажденные со стен крепости в них стреляли, кидали камни, бревна, лили кипяток, смолу и все, что можно вскипятить и вылить на неприятеля. Конечно, ничего от рукавчатого захоба не осталось, кроме небольших фрагментов стен, чуть выступающих из земли, а вот Никольская церковь, построенная в середине шестнадцатого века рядом со входом в захоб, стоит до сих пор.

Стены крепости были четырехметровой толщины, а высота их колебалась от десяти до пятнадцати метров. Поверху стен был сделан боевой ход шириной два с половиной метра. Общая протяженность стен составляла немногим меньше полукилометра. Двенадцатиметровые в диаметре башни, покрытые островерхими тесовыми шатрами, имели толстые пятиметровые стены, а их высота доходила до тринадцати метров. Внутри у башен было три боевых яруса. В те времена, когда пусть и обветшавшая, и полуразрушенная крепость еще стояла, на фрагментах стен были видны расположенные в

определенном порядке бойницы так называемого подошвенного боя – то есть бойницы, из которых прямой наводкой били по нападающим из пушек, затинных пищалей и фальконетов. Таких бойниц в четырнадцатом веке быть не могло, поскольку у осажденных огнестрельного оружия попросту не было. Скорее всего, в пятнадцатом веке крепость после появления огнестрельного оружия была модернизирована.

Что касается снабжения водой, то обычного потайного хода к воде в крепости не было, да и какой потайной ход, когда все подходы к небольшому острову прекрасно просматривались. Тайник заменял канал, вырытый внутри крепости рядом с короткой юго-восточной стеной и заполнявшийся водой из реки Великой. В описании крепости, сделанном за два года до конца семнадцатого века, сказано об этом канале: «...пропускная речка сквозе город с Великие реки, обрублена деревом».

Понятное дело, что крепости без подземных ходов и спрятанных в них сокровищ не бывает, а если их и нет, то все равно их ищут, а не найдя придумывают их, наполняя придуманными сокровищами и чудесами. В этом смысле островская крепость не исключение. В восемьсот семьдесят первом году на территории крепости производились раскопки, и ходов никаких не нашли, но выкопали девять заржавленных ружейных стволов, небольшое каменное ядро, детскую сломанную вилку с костяной ручкой, одиннадцать очень ржавых железных деталей бог знает от каких механизмов, несколько кусков железного шлака, железную и тоже ржавую набойку на каблук, пять обломков глиняного горшка, один обломок глазурованной глиняной чашки, около двух десятков человеческих костей и ни одного драгоценного камня, ни одного золотого перстня, ни одной короны, ни даже одного тома из библиотеки Ивана Грозного. Через год снова копали неподалеку от алтарной части Никольской церкви, и снова ни золота, ни драгоценностей, а только несколько старинных пищалей. Делать нечего – стали сочинять легенды.

По одной из них, в незапамятные времена под одной из крепостных башен была каменная лестница, ведущая к железной двери, на которой висел огромный амбарный замок, а за дверью хранились несметные сокровища. В самом начале восемнадцатого века какой-то купеческий сын с двумя товарищами, такими же искателями сокровищ на свою голову, аккуратно в ночь на Ивана Купалу, когда все ищут клады, сумели добраться до этой железной двери и уже принялись сбивать замок, как вдруг из-за двери полыхнуло на них пламенем. Или не пламенем, но полыхнуло и охватило. Купеческие сынки были хоть и не робкого десятка, но бросились бежать оттуда со всех ног. Двое успели перебежать по наплавным мосткам через Великую, а третий, когда по этим мосткам бежал, случайно обернулся и увидел, как за ним по воде плывут две преогромных черных собаки. Со страху он буквально взлетел на колокольню Троицкой церкви и давай звонить во все колокола. Закончил звонить, сошел с ума и натурально помер.

Под другой башней, которая была напротив той, что с железной дверью и собаками, томилась за дюжиной дверей под дюжиной замков заклятая царевна. По какому поводу и на сколько лет ее заклили, теперь уж не узнать. Важно то, что раз в год она выходила пить на реку. Само собой, нашелся добрый молодец, который захотел царевну освободить, но вместо того чтобы дожидаться, пока она выйдет пить воду из Великой, он решил идти напролом и стал ломать двери и сбивать замки. Три двери сломал и уже было принялся за четвертую, как выскочила на него из-за этой двери кошка и начала царапать ему лицо. Тут уж ему стало не до дверей. Между тем царевна в ночь на Пасху вышла из заточения и просила у людей, идущих к заутрене, надеть на нее крестильный крестик, но у них, понятное дело, такого крестика с собой не было. Царевна заплакала и вернулась в свою тюрьму за двенадцатью дверьми с двенадцатью замками, а добрый молодец... наверное, тоже заплакал, когда увидел свое расцарапанное кошкой лицо в зеркале.

Вернемся, однако, к крепости. Чуть выше по течению Великой была устроена плотина из дубовых бревен, служившая защитой крепости от ледохода и наводнений на

реке. До наших дней она не дошла, хотя остатки ее сохранялись еще в начале прошлого века.

Что касается городского управления, то Остров, как и все псковские пригороды, копировал Псков, поскольку зависел от него. Псков назначал в Остров посадника (одним из первых был, как уже упоминалось, Василий Онисимович). Назначал на неопределенный срок – чаще всего на год или меньше, или на несколько лет, но никогда навсегда. Посадник, который во время исполнения своей должности назывался степенным, был и судебной и исполнительной властью в одном лице. В случае необходимости он должен был принять начальство и над островским ополчением, которое, кстати говоря, имело свое знамя. Имел Остров и свою казну, и свое вече. Правда, вече это было подчиненным по отношению псковскому. Мало того, что на нем присутствовал назначаемый Псковом посадник и задавал, так сказать, повестку дня, так еще и псковское вече могло отменить решение островского или же его поправить. Когда псковичи обратились к островичам с предложением идти воевать немецкие деревни, это было совсем не то предложение, от которого можно отказаться. Само собой, вече собралось, этот вопрос обсудили, поскольку только вече решало вопросы войны и мира, пошумели, как это было принято на вечевых собраниях, и... согласились. Какие-то вопросы решались только Псковом, и островское вече их не касалось вовсе. К примеру, смертная казнь без согласия на то Пскова не применялась. Когда в соседней Опочке в четыреста семьдесят седьмом году вече постановило казнить конокрада и приговор был приведен в исполнение, Псков наложил сторублевый штраф на пригород. Остров, если судить по псковским летописям, в таком самоуправстве не был замечен. По крайней мере, квитанций об оплаченных штрафах в островских архивах историки до сих пор не нашли.

Если из летописных источников выписывать события, относящиеся к истории Острова за первые сто... нет, триста лет, то получится не столько история города, сколько журнал боевых действий войскового соединения. В триста сорок восьмом году, когда Остров был еще младенцем, ливонские рыцари, разорвав мир, а тогда миры рвались легче чем бумага, на которой были записаны их условия, пришли из-за реки Нарвы к Пскову, сожгли часть его посада за рекой Великой, потом двинулись к Изборску и дальше к Острову, разоряя все на своем пути. Остров брать не стали, но часть деревень и сел островской волости сожгли. Через пятьдесят восемь лет, в феврале четыреста шестого года, как гласит Псковская летопись, псковский посадник Гурий, набрав в свою команду охочих людей из Пскова, Острова и других пригородов, пошли воевать... нет, не немцев, а Ржев и область вокруг Великих Лук. Опустошили там все, что опустошалось. Еще и пленных привели. Еще и знамя Великих Лук забрали. Сложные отношения были между Псковом и Тверским княжеством, что и говорить. Правда, с Великим Новгородом или с Москвой они были ничуть не проще.

В августе того же года «на память Святого мученика Агафоника, прииде местер Рижский¹ со своею силою... и ходиша по волости две недели и под Островом, и под Котельном, а на устьи Сини стояли по обе стороны реки». Волости, понятное дело, от этих хождений не поздоровилось. Через двадцать лет островичи принимали участие в обороне соседнего псковского пригорода Велье, который осадил литовский князь Витовт. Уже по дороге домой, ночью, островичи наткнулись на стоящих в лесу татар (нанявшихся в войско к Витовту в надежде на военные трофеи), атаковали их и убили человек сорок, а остальных рассеяли. Сами же островичи, как сообщает летопись, «вси от идоша здравии, и отъяша у них кони и снасти».

Если из летописных источников выписывать события пятнадцатого века, относящиеся к событиям мирного времени, то получится... ничего хорошего, если честно. В четыреста шестом году приходила в Остров моровая язва. Как будто мало было немцев. В четыреста сорок третьем был сильный мор железом, что в переводе на современный язык означает бубонную чуму. В четыреста семьдесят втором году, как сообщает

Псковская летопись, «месяца ноября в 28 день, на память Святаго Иринарха, в четверг, в вечер, погоре град Остров, пригород Псковской, и много убытка христианом вельми».

Снова журнал боевых действий. В пятьсот первом году ливонское войско под командой магистра ордена Вальтера фон Плеттенберга вторглось в пределы тогда еще Псковской республики. Седьмого сентября немцы осадили Остров. Сразу же начался артиллерийский обстрел крепости, причем не только обычными каменными и чугунными ядрами, но и зажигательными снарядами. Тут-то и выяснилось, что за стенами крепости, построенной во времена, когда артиллерии не было, отсидеться трудно, если не невозможно. Пушки начали разбивать стены и башни. Деревянные постройки внутри крепости загорелись. Уже в ночь на восьмое сентября начался штурм охваченного огнем Острова. В ходе штурма и последующей за ним резни было уничтожено практически все население города и крепости – четыре тысячи человек. Как говорит летопись: «овы сгореша, а иные истопша, овы мечю предаша». Сразу после захвата Острова, а фактически после его уничтожения, армия Ливонского ордена отступила на свою территорию, поскольку начался в ней кровавый понос, которым заболел и сам магистр, а может и потому, что литовцы отказались помогать ливонцам, и те решили быстро ретироваться.

В пятьсот десятом году Пскову пришлось идти под руку Москвы, и псковские посадники в псковских пригородах, в том числе и в Острове, были заменены московскими начальниками. Для островичей, большинство из которых были людьми военными, это означало участие во всех московских военных походах. Хотя письменных свидетельств об этом участии не сохранилось, но можно быть уверенным, что островичи в составе наряда псковского войска ходили и под Смоленск в пятьсот двенадцатом году и через три года в Литву, под Браулов.

В пятьсот сорок втором году в Островской крепости произошло исключительно мирное событие – построили Никольскую церковь¹. Через два года произошло еще одно мирное, но уже менее радостное событие – Москва прислала во Псков поземельных писцов, которые описали и Псковские земли, и земли пригородов. Как только описали – так сразу и обложили хлебными и денежными оброками пахотные земли, озера и мельницы, на которых они стояли. Через три года, в пятьсот пятьдесят седьмом году, та же напасть из Москвы – приехали царские писцы, описали и обложили еще большими оброками. Нельзя сказать, что мирная жизнь под рукой Москвы островичей баловала, но... жалеть было тоже нельзя.

Как только обложили поборами – так почти сразу, на следующий год, началась Ливонская война, которая была куда злее московских писцов. Остров, понятное дело, был на ее переднем крае, как, собственно, и во всех других войнах. Через семь лет после начала войны, в пятьсот шестьдесят пятом году, приходила литва. Москва, конечно, не смотрела на это сквозь пальцы, и стоявшие в Великих Луках войска под командой князя Ивана Шуйского и Ивана Меньшого Шереметьева дали литовцам бой у соседнего с Островом пригорода Велье, но... неудачный, после которого победители разорили ряд псковских волостей, и среди них и Островскую, уведя многих жителей в плен.

В пятьсот восемьдесят первом году к Острову подошло войско польского короля Стефана Батория. Из дневника бывшего при войске секретаря королевской канцелярии Станислава Пиотровского: «17-го августа. По собранным сведениям, полагали, что Островом легко овладеть и обещали взять его для забавы и ради присутствия короля, но, когда увидели место, занимаемое крепостью, со всех сторон окруженное водою, – так как две реки обтекают его, – так сейчас поняли, что труднее взять его видя, чем не выдавши». На штурм крепости пехоте нужно было идти по пояс в воде. Поляки опасались, что за не очень крепкими каменными стенами островичи построили деревянные срубы, засыпав промежуток между стенами землей. Как выяснилось впоследствии, этого можно было не опасаться. Что касается местности вокруг крепости, то, по словам Пиотровского, она очень красива: «Хотя это и небольшой замок, но очень красивый. Вода со всех сторон окружает остров, на котором он стоит; эту воду русские запрудами собрали под стены и

построили на польский манер немало мельниц, на что смотреть очень приятно, но огонь все истребил. Мне кажется, что нам таких теперь не выстроить».

Король, сразу по приезде под стены крепости, осмотрел ее вместе с литовским Гетманом, а на следующий день, как пишет Пиотровский, «послал к осажденным грамоту в ласковых выражениях, чтобы сдавались; но они не ответили ни слова и хотят защищаться». Поляки перевезли всю свою артиллерию вброд через Великую ниже крепости по течению и ночью установили пушки на валу перед открытыми заранее окопами. Островичи на все приготовления неприятеля не просто смотрели со стен, а все время стреляли. Пиотровский по этому поводу пишет в своем дневнике: «Когда русские нас увидели, то сейчас начали стрелять из пушек; нам приходилось проходить так близко от крепости, что ядра перелетали от нас, пока не направили орудий как следует... Мы расположились близко к замку, на выстрел из гаковницы; но осажденным предстояла забава стрелять не по лагерю, а по окопам, которые уже начали вооружать; сегодня, ночью, насыпали туры, при чем погибло около 40 человек пеших пана Ухровецкого и с ними также 3 дворянина». Стреляли островичи довольно метко, если судить по дневнику Пиотровского «из замка стреляют не очень сильно, но и не слабо. Гетманскому пушкарю прострелили руку из ружья».

Двадцатого августа начался обстрел Острова из двадцати орудий. В первый же день пробили довольно большое отверстие в одной из башен. Как уже говорилось, крепость была построена в те времена, когда порохом еще и не пахло. При внимательном осмотре ее Стефан Баторий заметил место, где западная стена была сильно выгнута и не давала возможности осажденным вести фланкирующий огонь. Именно в этом месте королевское войско и пошло на приступ. К девяти вечера двадцать первого августа крепость Остров, стены и башни которой (две башни были разрушены) не выдержали артиллерийского обстрела и последующего штурма, сдалась на милость победителя. Крепость была окружена стражей, чтобы никто не выезжал и не входил.

Утром двадцать второго августа все осажденные, которых общим числом было полторы тысячи человек², вышли из крепости. В качестве трофея поляки и литовцы получили пять пушек, некоторое количество ружей и довольно большой запас пороха³. У каждого, как сообщает Пиотровский, «отобрано все, только оставили при одной рубашке, а платье раздают пешим, которые все продают». Войско польского короля после падения Острова двинулось к Пскову, которого взять не смогло. Сложно сказать, в какой степени псковичам помогла подготовиться к осаде задержка Батория возле Острова, но будем думать, что помогла. Русскому царю Остров вернули через пять месяцев, в середине января следующего года по Ям-Запольскому миру.

И последнее о взятии Острова Стефаном Баторием. В самом начале девятнадцатого века, то есть в восемьсот третьем году, проезжал через Остров академик нашей российской Академии Наук Василий Севергин. Не просто так проезжал, а оставил нам описание города и его крепости. Среди прочего он пишет: «Сказывают, что в стене находят иногда ядра, оставшиеся якобы от бывшего на сие место нашествия Литовцов, и один из здешних крестьян показывал мне действительно чугунное ядро более пуда весом, уверяя, что он сам вынул его из стены. За сею стеной по ту сторону примечается открытое возвышенное поле, где видны четыре стоящие, весьма высокие, на дерево похожие можжевельниковые кусты, о коих уверяют, яко бы они посажены были над могилою похороненных здесь тел древних Литовцов». Кусты мы обсуждать не будем, поскольку их не сохранилось, а вот ядро... Представим себе, что мужик не сочинил эту историю для заезжего академика из любви к искусству сочинять или в надежде получить рубль за рассказ, а действительно вытащил ядро из стены крепости. Вряд ли кто-то, кроме артиллеристов Стефана Батория, мог оставить в крепостной стене такой сувенир островичам на память.

Теперь подсчитаем убытки от военных действий. До разорения Острова Стефаном Баторием рядом с городом, как писал Пиотровский, было довольно много мельниц,

сгоревших во время осады. В самой крепости находилось тридцать семь дворов ратных, приказных и поповских дворов. Там же имелось восемь дворов «зеленых» мастеров, делавших порох. Посад, от которого, понятное дело, мало что осталось, насчитывал двести четыре тяглых двора. Торг производился в двадцати восьми лавках.

К концу шестнадцатого века разрушенный, сожженный и разоренный Ливонской войной Остров запустел. Кроме военных, в нем почти никто и не жил. По городской описи пятсот восемьдесят четвертого года на посаде, там, где числились двести с лишним тягловых дворов, теперь находилась сотня стрелецких дворов, составлявших Стрелецкую слободу. Пушкарских дворов по описи числилось всего полтора десятка, и они составляли пушкарскую слободу. Кстати, о дворах. Переписчики дворами называют двор осадной головы Микиты Скудина с двумя большими избами и сенями между ними, да еще с двумя клетями и погребом, которые строили крестьяне Островского уезда, двор городского приказчика Андрея Калитеевского с такими же постройками, которые переписчики называют хоромами, и двор наместника, хоромы которому строили «Островского уезда детей боярских и монастырские и церковные крестьяне, а поделявают тот двор государевы дворцовые, и детей боярских, и монастырские крестьяне всем Островским уездом». Дворы местных священников – попа Никольской церкви Парамона Никитина и дьячка Жданка Петрова уже названы дворишками, поскольку хором там нет никаких, а вместо изб избушки, размеры которых даже не указаны. Такие же дворишки у островских пушкарей и стрельцов. Оно и не мудрено – жалованье стрельцы получали такое, что его можно было назвать пособием по безработице, если бы тогда их давали, а потому кормились они огородами⁴. Кто пошустрее держал торговые лавки, но тех, кто пошустрее было раз-два и обчелся. Количество лавок по сравнению с довоенным уменьшилось в три раза. Семь лавок принадлежали пушкарям и по одной стрельцу, островскому попу и дворцовому крестьянину. На весь посад имелось всего две бани, стоявших на берегу Великой, и одно банное место было пусто. Мельниц построили ровно две – одной из них, с «немецким колесом», владел псковский Алексеевский монастырь, а другой – островская Никольская церковь. Пустые дворовые места стали огородами. До войны в Острове был еще и мост наплавной через Великую. В городской описи про него сказано: «был мост на клетках вдоль 60 сажен, а примостье 15 сажен, а делали тот мост всем Островским уездом и посадом. И тот мост сожгли в приход литовских людей».

Между прочим, земля вокруг Острова, расположенного в южной части Псковской земли, была довольно хлебородной, и до разорения Острова в нем держали дюжину житниц новгородские торговые люди, время от времени наезжавшие покупать рожь и овес. После войны «в городе ж царя и великого князя 2 житницы по 2 сажени, да 15 мест житничных пусты...», а вокруг города много пустошей, да перелогов – заросших кустарником и молодыми деревцами пахотных земель, которые несколько лет никто не обрабатывал. «И всего в Острове паханных нив 30 да 13 нив пусты...»

Правда, с вооружением островской крепости все обстояло не так уж и плохо. На стенах было установлено десять медных пищалей, среди которых были и многоствольные, с общим запасом в три с половиной тысячи железных, облитых свинцом ядер. Еще и в казне десяток многоствольных пищалей в станках, еще двадцать две пищали затинных, с крюками, которыми цеплялись за крепостные стены, чтобы уменьшить отдачу при стрельбе, еще почти четыре десятка ручниц, да ко всему этому больше десяти тысяч железных, облитых свинцом ядер разного калибра, да еще шестьсот с лишним ядер, к которым и пищалей нет, да к этому поломанная многоствольная пищаль, которую можно при случае починить, да лом железный, да дюжина кирок ломаных, из которых тоже можно выстрелить, если уж очень припрет, да шесть пудов и два десятка гривенок пороху, да одиннадцать гривенок серы, «да у городских ворот изба сторожна четырех сажен».

Не успели закрыть дверь за Ливонской войной, как в окно влезла Смута и голод, но перед голодом в пятсот девяносто втором году случилось моровое поветрие, и, чтобы с ним справиться, пошли из Святогорского монастыря крестным ходом в Псков, а по пути

зашли и в Остров. Моровое поветрие отступило, но, если честно, то поздновато. Как пишет митрополит Евгений Болховитинов в своей «Истории княжества Псковского»: «Был мор во Пскове и по Засадам, и в Ивангороде. Псковичи почти все вымерли и город населен вновь мещанами из других городов». В Острове мещан было немного: все больше стрельцы, да пушкарки, да местные батюшки – люди служивые. Вряд ли они поехали на освобожденные пустые места во Пскове.

В шестьсот первом году, как сообщают Псковские летописи, «Грех ради наших рано в лете стаха великие морозы. И тогда побил морозом рожь и ярь, и с тово году стало на крестьянский род великий глад». Мгновенно подорожали рожь, овес и ячмень, и высокие цены на зерновые держались два года. «И в те поры многие люди во Пскове и по селом, и по иным городом померло православных христиан несказанно; и оттоле почла хлебная цена низитися».

Ну, и Смуту, как говорится, никто не отменял. Как сказано все в той же Псковской летописи, «...божиим попущением и на отмщение крови неповинных, прииде из Литвы вор Гришка розстрига, назвався царевичем Дмитрием Углецким». Вор Гришка прошел на Москву мимо Пскова и его пригородов, а вот поражение правительственных войск от второго Самозванца в шестьсот седьмом году аукнулось и Пскову, и его пригородам. Отпущенные из плена, как пишет псковский летописец, «пригородские стрельцы с псковскими... пошли на свои пригороды, на Себеж, да на Опочку, да на Красный, да на Остров, да на Изборск, и дети боярские по поместьям, и пригороды все смутили, и дети боярские и холопы их привелоша пригороды и волости к крестному целованию табарскому царю Дмитрею». И такая началась кутерьма... то полковник Лисовский со своими «лисовчиками», то атаман Просовецкий, то оба они вместе, то какой-то яузский дьяк Исидор, объявивший себя царевичем Дмитрием, то литва, то шведы, то лифляндцы, то новгородцы, то черти в ступе, то казаки, которые были еще хуже чертей... Остров, как и остальные пригороды, колебался, так сказать, с линией партии, то есть вместе со Псковом – и Тушинскому вору присягал и Василию Шуйскому. Правда, королевичу Владиславу присягать отказались. Вместе со Псковом, конечно.

По годовой смете, отправленной в Разрядный приказ в шестьсот двадцать седьмом году, проживало в Острове «всяких людей 68 человек». Немного, что и говорить. Все люди военные – воевода Иван Трофимов сын Козодавлев, а с ним полсотни стрельцов, да полтора десятка пушкарей и затинщиков, да два воротника. В крепости имелось тридцать девять разнокалиберных пищалей, и к ним почти шестнадцать тысяч разнокалиберных ядер, еще полсотни пудов пороху, три десятка пудов свинца, прут железа весом чуть больше шести килограммов и двадцать пять железных ложек⁵.

Через четыре года, в шестьсот тридцать первом году островский воевода Афанасий Хвостов делает опись города и роспись имеющимся оружейным, пороховым, свинцовым и хлебным запасам. В то время Остров находился в пятнадцати верстах от границы. Крепость к тому времени обветшала: «...башня рассыпалась, и по твоему государеву указу тое башню ныне делают. А что, государь, стены розсыпалось, и то, государь, худое место в прошлом... году зарублено деревом. И во многих, государь, розных местех стену водою подмыло, и стена ис подошвы высыпалась, и на башнях, государь, и на стене кровли нет... Крепости, государь, около города никакие, опричь реки, нет, а рва, государь, копать и чесноку⁶ поставить не уметь».

Гарнизон крепости остался таким же, как при воеводе Козодавлеве. Правда, на одного человека увеличился. Теперь в посадских стало четверо. В случае осады, пишет Хвостов к тем людям, что уже есть, необходимо будет прибавить еще две с половиной сотни. Правда, в случае осады, такому гарнизону нечего будет есть, поскольку «наряду, государь, болшова, и хлеба запасного, и соли, и никаких запасов в Острове нет, в осадное, государь, время в городе сидеть не о чом». С хлебными запасами, и правда, было плохо, потому как имеющиеся рожь, овес, ячмень и гречку перемерили с точностью до пол-полпчетверика, что на наши деньги означает 0,4 литра.

Что касается пищалей, то их стало меньше на четыре, зато прибавилось восемнадцать ручниц – тех же пищалей, но ручных. Пороху стало больше на один пуд, но свинца стало меньше почти на десять пудов, а ядер на шесть тысяч. Видно, за эти четыре года пришлось стрельцам и пушкарям пострелять. Вот только железных ложек как было два с половиной десятка, так и осталось, да прибавилась к ним кирка.

В учебниках пишут, что Смутное время у нас закончилось в шестьсот тринадцатом году. Впрочем, некоторые историки, считают, что оно продлилась еще пять лет – до восемнадцатого года, но если не по учебникам...

В апреле шестьсот тридцать четвертого года псковский дворцовый дьяк Томила Истомин написал царю Михаилу Федоровичу не то чтобы донос, но... донос на псковского воеводу Дмитрия Воейкова, в котором обвинил последнего не только в уклонении от военных действий против литовцев, но и в ложном донесении в Москву о своих, с позволения сказать, успехах. Из этого письма становится ясно, в начале февраля этого же года приходила литва в псковские пригороды, среди которых был и Остров, разбойничать и грабить, а воевода Воейков, что называется, и пальцем не пошевелил, чтобы этот разбой и грабеж пресечь. Никакой военной помощи от Пскова пригороды не дождались. «И под Островом, государь, литовские люди посады пожгли, и посадских людей и уездных крестьян з женами и з детьми побили ж и в полон поймали...». В ответ на донос Томилы Истомина псковский воевода князь Федор Елецкий, защищая воеводу Дмитрия Воейкова, написал царю другой не то чтобы донос, но... донос с обвинениями в адрес Истомина. Ни его донос, ни последующий ответ дьяка Истомина на его донос мы разбирать не будем, скажем только, что и Федор Елецкий подтвердил, что литовские люди «...и к Острову, государь, приступали, и посад под Островом выжгли, а на посаде, государь, людей дворишков з десять да твой государев кабак». Еще и кабак...

Кстати, о кабаках. Вернее, о кабацких головах. В шестьсот пятьдесят третьем году островский пушкарь Дорошка Данилов написал извет на островского же кабацкого голову Микифорку Назарьева за то, что тот сказал «проговорное государево слово». Что уж там наговорила наверняка пьяная кабацкая голова супротив царя или наоборот обвинила Данилова в злоумышлении против государства, мы не знаем, но еще один стрелец по имени Юшка эти слова Микифорки Назарьева подтвердил. Нарядили следствие. Дорошка Данилов в ходе следствия написал «прибавошный извет», и в этом своем втором извете на Назарьева видимо возвел напраслину, поскольку велено было бить нещадно батогами и Назарьева и Данилова. Почему не всыпали заодно и свидетелю Юшке? Наверняка же пили все вместе да еще и на счет кабацкого головы.

В шестьсот шестьдесят седьмом году псковский воевода князь Иван Адреевич Хованский с товарищи прислали в Разрядный приказ «под отпискою своею изветное дело островского попа Гаврила на островского ж приказного человека на Зиновья Зубатого, что он был у Микитина крестьянина Бухвостова у Ивашка Губанова на поминках, и после обеда он, Зиновей, пил пиво про здоровье польского короля и панов больших, называя их имяны. И ноября в 24-м числе послана государева грамота во Псков к боярину и воеводам и ко князю Ивану Ондреевичю Хованскому с товарищи, а велено ему, Зиновью Зубатову за ево непристойные пьянские речи учинить наказанье – бити кнутом на козле нещадно, а на ево место велено в Остров послать изо Пскова ково пригож».

С одной стороны, бить кнутом на козле нещадно – это, конечно, перебор, а с другой, если ты приказный и пьешь за здоровье польского короля и его больших панов, то куда же это годится?! Тем более на поминках. Оно и сейчас, спустя почти четыре сотни лет, за такие тосты на тебя начальство посмотрит косо, если ты приказный. Невзирая на поминки.

В шестьсот шестьдесят втором году в соседний с Островским Красногородский уезд заявили литовцы. Оттуда до Острова рукой подать. Островский воевода немедля отправил Псковскому воеводе князю Тимофею Щербатову рапорт о том, что в казне наряда нет, то есть отстреливаться от грабителей, кроме как из старых испорченных

пищалей ядрами, которые к этим пищалям еще и не все подходят, нечем. Да и пороха кот наплакал, не говоря о хлебных запасах, которых еще меньше, не говоря о стенах и осыпавшихся башнях, которые вопиют о ремонте. Неизвестно, что отвечал князь Щербатов в Остров, но островский воевода направил во Псков еще один рапорт о том, что по данным разведки литовцы готовятся напасть на Островский уезд. Псковский воевода дал, конечно, какие-то ценные указания своему островскому коллеге о том, как стрелять из ржавых пищалей неподходящими ядрами, но литовцы все же разграбили и пожгли все, что смогли в этом набеге пожечь и разграбить. Острову повезло – его не захотели брать.

И снова воеводская отписка в Разрядный приказ. Теперь уже воевода Исая Иванович Дубровской⁷ в шестьсот шестьдесят седьмом году переписал в Острове «служилых стрельцов, и пушкарей, и посадцких, и жилецких всяких чинов людей, и их детей, и братью, и племянников, и всяких свойственных людей, и приимышев, и с каким хто боем, и сколко в Съезжей избе подьячих, и что им государева годового денежного жалованья, и что в Острове по городу какова наряда на лицо медного и железного, и какова которая пищаль мерою, и что в государевой казне зелья ручного и пушечного порознь, и свинцу, и всяких пушечных запасов, и сколько х которой пищали ядер порознь, и каково х которой пищали ядро весом, и что в Острове хлебных всяких запасов, и запасные соли, и то писано в сих переписных книгах подлинно порознь».

Правду говоря, мало что менялось в лучшую сторону в понемногу ветшающей крепости и в островском посаде. Вот разве что у одного из пушкарей появился сын Вася, недоросль, да еще шесть пушкарей стали отставными. У стрельцов появилось два с половиной десятка детей. Захребетников, то есть вольных или гулящих людей не на службе в Острове не было, да и откуда им было взяться в бедном псковском пригороде за пятнадцать верст от границы. Тут и у подьячего в съезжей избе было годового царского жалования всего семнадцать рублей, да и то платили через раз. В посаде проживало семнадцать человек да детей у них, братьев и племянников чертова дюжина. Все посадские были вооружены топорами, а у двух человек по пищали.

Стали ржаветь пищали, мушкеты. Замки к некоторым и вовсе развалились. В негодность пришло больше сотни солдатских мушкетов. «Зелья ручного мушкетного в бочках, в остатках после отходу польских людей 28 пуд 35 гривенок, грязен, к замочным пищалем не годитца». Пушечный порох, которого осталось всего двенадцать пудов, тоже грязен и толку от него... Шесть барабанов оказались попорчены – то ли сгнили от сырости, то ли били в них слишком сильно. Да еще от пожара в шестьдесят шестом году четыре пищали пришли в негодность. Из хлебных запасов только ячмень, да еще сто с лишним пудов соли. «А денежной великого государя казны в Острове нет».

И через тридцать один год, в самом конце семнадцатого века, в годовой смете, составленной воеводой Иваном Васильевым сыном Бормасовым, эти сто четыре пуда соли записаны. Все остальное в прежнем состоянии не оставалось. Все остальное продолжало ветшать. «На городе две башни: одна цела, другая сыспаду и поверху ветха: третья с верха до земли осыпалась; верхние, и средние, и нижние бои все поосыпались; захаб у других ворот осыпался весь». Прибавилось у стрельцов детей, братьев, племянников и свойственников. Теперь их сорок три человека. У церковных дьячков и пономарей, коих всего-то пять человек, набралось по описи тринадцать человек родственников и свойственников. Посадских людей стало больше почти в три раза – сорок девять человек. Количество их родственников тоже выросло почти в три раза. Было тринадцать, а стало тридцать семь. По тем временам уже не деревня, а целый город. Кстати, все, кроме детишек и малолетних племянников, были вооружены. У всех посадских людей и даже у церковных дьячков с пономарями, если верить смете, были свои топоры и бердыши.

Мало-помалу город стал разрастаться: «За городом же на том острове, где город, кабацкой и Таможенной двор. Мост с одной стороны от Стрелецкой слободы через Великую реку строят откупщики из себя». Учел воевода Бормасов и островские церкви: «...в пределе Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа да соборная

церковь Николая Чюдотворца, те церкви каменные: за городом на посаде церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, девич монастырь, деревянная».

Теперь про наряд – про пушки, пищали, фальконеты, мушкеты и ядра. Нет, они не заржавели окончательно. Вернее, прислали в Остров из Пскова новые на замену тем, что испортились в результате пожара. Так что на стенах и башнях (на тех, что еще не осыпались) стоят годные к бою орудия. Правда, колеса у них «огнили», но сами они стреляют. Еще почти полторы сотни годных к стрельбе мушкетов, но в погребе, в том, что устроен в городской стене, лежат еще сорок неисправных пищалей, к которым нет замков. Там же лежат и ядра, к которым нет пищалей. С порохом все обстоит лучше, чем при воеводе Дубровском. Его, ручного и мушкетного, сорок шесть пудов, да еще четырнадцать гривенок, да еще полугривенка, а по-нашему выходит почти семьсот сорок килограммов. Свинца много – шесть с лишним десятков пудов. И это не все. Еще девятнадцать связок фитилей, девять целых железных ломов, лом железный ломаный, железная соха, гвоздодер, пять бердышей и девяносто две пики. Еще в приказной избе цепь с колодкой, да ножные кандалы. Вот только денежной казны в Острове как не было, так и нет. Это плохо, но судных дел нет, что хорошо. «Книг записных делам никаких нет же, потому что больших дел Острове нет». Так и вижу, как после написания этой фразы воевода тяжело вздыхает и говорит корпящему над бумагой подьячему:

– Как дам сейчас по уху! Будешь у меня знать.

– За что, Иван Васильевич?! – спрашивает изумленный подьячий⁸.

– Знал бы за что – убил бы, – отвечает воевода, берет у него из рук перо, размашисто подписывает смету, пинает носком сапога курицу, увлеченно клюющую что-то под лавкой у окна, и кричит куда-то в глубину Приказной избы, за дерюжную занавеску:

– Марфа, тащи сюда штоф и сухарей ржаных! И моченых яблок!

Снова тяжело вздыхает и шепчет себе в черную, с проседью, бороду:

– Господи, ну за какие грехи ты отправил меня воеводой в Остров, в эту...

Восемнадцатый век начался в Острове в семьсот восьмом году – псковский пригород, которому к тому времени было почти четыреста лет, сделался уездным городом Псковской провинции, а Псковская провинция сделалась частью Ингерманландской губернии. В семьсот девятнадцатом году, не сходя с места, Остров в составе Псковской провинции был переведен из Ингерманландской губернии в Санкт-Петербургскую. В промежутках между этими двумя событиями в семьсот десятом году в город, как и в другие псковские провинциальные города, приходила из Риги моровая язва. В семьсот двадцать седьмом году Остров вместе с Псковской провинцией еще раз переместили. Теперь уже из Санкт-Петербургской губернии в Новгородскую. За три года до этого Остров стал управляться городским магистратом. Не стало уездных воевод, которых переименовали в коменданты, а потом снова в воевод, земских старост переименовали в земских бурмистров, таможенных и кабацких голов в таможенных и кабацких бурмистров, появились городские обыватели, приказные избы переименовали в земские, магистраты переименовали в ратуши, а ратуши снова в магистраты... Несмотря на все эти нововведения, Остров как был обнищавшим и захолустным городом – так и остался. После окончания Северной войны граница отодвинулась от Острова так далеко на запад, что город потерял всякое военное значение.

В начале августа семьсот шестьдесят седьмого года в Остров приехал Новгородский губернатор Яков Ефимович Сиверс. В докладе, который губернатор подал Сенату о состоянии городов своей губернии, об Острове сказано: «Город Остров – сушая деревня, имеет около 120 душ купечества, в воеводском доме только сороки и вороны живут, ни площади, ни лавок не нашел...». Деятельный Сиверс немедленно определил места для того и для другого и приказал открыть воскресные базары. В торговых рядах, устроенных на месте, которое указал Сиверс, потом торговали зерном, мукой и скобяными товарами.

Императрице же Сиверс пишет, что «старый замок теперь только груда мусора; собор похож на часовню, а канцелярия и дом воеводы представляют какие-от полуразвалившиеся хижины. В городе сто двадцать граждан и столько же разночинцев, всего сто пятьдесят домов. Однако есть значительные купцы, которые ведут значительную торговлю льном и пенькой, доставляют их в Нарвскую гавань и пользуются там кредитом. В канцелярии не нашлось ни одного гражданского процесса, никаких недоимок и очень мало денег, потому что по получении они немедленно отправляются в Псков. Арестантов, ожидавших решения, оказалось трое. Уездный воевода незадолго умер. Магистрат помещается под соломенной кровлей. У жителей нет ни полей, ни лугов и многие из них нанимают помещичьи и экономические земли».

О том, как управлялся Остров во времена губернаторства Сиверса, можно прочесть в заметке «О монументальных остатках или следах древних псковских пригородов» члена-секретаря Псковской Археологической комиссии Евлентьева, опубликованной в восьмьсот семьдесят восьмом году в Псковских губернских ведомостях. В семьсот семьдесят втором году островским воеводой был премьер-майор Трофим Мизроедов, воеводским товарищем капитан Иван Ладыженский и секретарем Терентий Вязовитинов. На службе в штате воеводской канцелярии состояло восемь приказных, которых называли канцеляристами, подканцеляристами и копиистами. Канцелярия делилась на три приказных стола, или повытья: протокольное, подушное, оно же и экономическое, и разыскное. Жалованье тогда исчисляли «в треть», то есть за третью часть года, и воевода получал в треть, как записано в протоколе воеводской канцелярии, 125 рублей. Его товарищ, то есть заместитель, получал в треть 83 руб. 33 ½ коп., а секретарь 66 руб. 66 ½ коп.⁹ Жалование всех служащих воеводской канцелярии составляло 383 руб. 83 ¼ коп. В среднем... Впрочем, среднее тут лучше не высчитывать, поскольку канцелярский сторож получал в квартал ровно шесть рублей, и не серебром, а ассигнациями.

При канцелярии имелась воинская штатная команда из тридцати человек нижних чинов, которой командовал прапорщик. Прапорщику этому полагалось в треть 42 руб. 12 ½ коп. На содержание воинской команды отпускалось в квартал из казны пятьсот рублей ассигнациями. На человека выходило около семнадцати рублей.

Кроме воеводской канцелярии в Острове находилась еще Нижняя Расправа, бывшая судом для служивых людей, черносошных и государственных крестьян. Судьей в ней был капитан Василий Уставщиков. Платили ему куда меньше воеводы – всего 250 руб. в год. Сельским заседателям по 60 руб. в год, секретарю Вязовитинову, который здесь работал совместителем, 200 руб. Канцелярским служащим платили сущие гроши – копиист за три месяца 13 руб. 33 ½ коп., а сторож и вовсе 4 руб. 66 ½ коп. Как они жили, а вернее, существовали на эти деньги... Правда, если пересчитать жалованье сторожа в курицах, не говоря о цыплятах...

Член-секретарь Псковской Археологической комиссии в своей заметке приводит народные предания о тех временах, которые мы процитируем дословно, не комментируя: «В народной памяти сохранилось сказание об одном местном воеводе, большом оригинале. Рассказывают, что докладчиком дел у него была баба, сидевшая в передней за прялкой, и что пушки в городе у него были дубовые, окованные железными обручами, что донесения воеводы Наместническому правлению о происшествиях отличались замечательною курьезностью; например, когда бежали колодники из островской тюремной избы, воевода доносил кому следует, что у него бежали колодники в старую дыру, которая дыра при старом воеводе была!» Видимо, в те времена военное значение Острова упало так низко, что пушки можно было иметь на вооружении деревянные, хотя и окованные железными обручами..., впрочем, это уже комментарии, от которых мы обещали воздержаться.

В семьсот семьдесят седьмом году Остров стал уездным городом Псковского наместничества. Через год Екатерина Вторая подтвердила план города и еще через три года в мае семьсот восемьдесят первого года Острову был присвоен герб: «В верхней

части щита герб Псковский. В нижней остров среди реки и на нем три дуба в голубом поле, означающий имя сего города» и... все. Ни крепости, ни башен, ни пушек, ни стрельцов с пищалями. Все поросло быльем – и осады, и ливонские рыцари, и Витовт, и Баторий, и сожженные посады, и убитые, и уведенные в полон. Остался только остров посреди реки и на нем три дуба в голубом поле.

За год до того, как утвердили герб, Остров посетила Екатерина Вторая проездом в Могилев. Понятное дело, что власти перед приездом императрицы поднимали и красили поваленные заборы, прятали за эти заборы мусор, сметенный с улиц, приводили в порядок присутственные места, строго настрого приказывали обывателям не выпускать на улицы в день проезда Ее Величества коров, свиней и гусей, не говоря о курах. Может быть, кого-то из хозяев этих домашних животных даже и высекли в профилактических целях. Архиепископ Псковский и Лифляндский предписал Островскому, Опочецкому и Новоржевскому Духовным Правлениям: «...где будет Ея Величество прибытие иметь в церковь, должно быть от ученых протопопов или священников приветствие, пристойное сему вожделенному случаю, которое б было сколько можно краткое и ясное». От Островского духовенства приветствие должен был сказать протоиерей Сергей Владимирский – настоятель Никольской соборной церкви. Можно сказать, что островскому священству этим была оказана честь – в соседнюю Опочку для этой цели пригласили протопопа из Изборска.

По межевой книге семьсот восемьдесят первого года площадь, на которой стояли островские дома, дворы и огороды, составляла около пятидесяти шести десятин. В переводе на наши деньги – около шестидесяти гектаров. Если перевести гектары в квадратные километры, то получится... даже и одного не получится. Если точнее, то ноль целых и шесть десятых квадратного километра. Вот на этой-то площади и стояло 58 купеческих и мещанских дворов, в которых проживало 184 лица мужского пола и 122 женского.

Такой город можно проехать в карете со средней лошадиной скоростью минут за пять, если ехать с толком, чувством и расстановкой. Конечно, к этим пяти минутам нужно прибавить столько, да еще полстолько, да еще четверть столько на дорожные ухабы, канавы и перебегающих дорогу кур, да приветствие островского протопопа, да торжественный молебен в соборной Никольской церкви, представление местного начальства императрице, разбор полетов, обед или хотя бы чай со свежими густыми островскими сливками, свежеиспеченными калачами, маслом, черной икрой, фруктами, мороженым, стерляжьей ухой, расстегаями, вишневой наливкой, собственноручно приготовленной супругой городничего... Лучше, однако, обратиться к документу под названием «Дневная записка путешествия Её Императорского Величества через Псков и Полоцк в Могилёв, а оттуда обратно через Смоленск и Новгород», в которой, хотя и скупно, описаны детали визита Екатерины Алексеевны в Остров. Надо сказать, что городу в «Дневной записке» дана весьма лестная характеристика:

«В сем уездном городе все места, по учреждениям назначенные, находятся в действии. Дела производятся с довольным успехом, так что нерешенных считается только одиннадцать, в том числе уголовное дело и по оному колодник один; денег налично, вступивших с первого мая, до десяти тысяч рублей; недоимок за прошлые годы менее трех тысяч рублей, кои и взыскиваются с успехом. Оброчные статьи отданы с платежом в год по семи сот по пятидесяти осьми рублей, жителей в городе: купцов пятьдесят три, мещан семьдесят четыре. Торг производится льном, пенькою и другими товарами на сто тысяч рублей. В припасах съестных, по урожаю хлебному и хорошему положению города и уезда, недостаток, дороговизна не оказываются. Нужды городские состоят в даче ему выгона и в ссуде для лучшего построения. Вследствие сего Ея Величество повелеть соизволила: выдать на закладку ста домов на каждый по двадцати рублей, а на все две тысячи рублей, на строение соборной церкви шесть тысяч рублей, на богадельню сто рублей... на городскую школу сто рублей».

На следующий день: «Ея Императорское Величество слушав в тамошней церкви Божию службу, по окончании которой протопоп тамошний говорил Ея Величеству речь. После чего представлены были Ея Величеству дамы тамошнего дворянства и оттуда прямо Ея Величество в путь свой вступить изволила...».

Вот уже и деньги в городской казне появились, уже и съестные припасы имеются в достаточном количестве и по сходной цене, уже и торгу льном, пенькой и другими товарами на сто тысяч в год, уже и дела производятся с довольным успехом, а все потому, что «все места, по учреждениям назначенные, находятся в действии». Не так все печально, как докладывал Сенату и писал императрице Сиверс. Это, между прочим, всего через три года после его визита. Правда, выгона у города как не было – так и нет, а в те времена провинциальному и не только провинциальному городу иметь выгон для скота было так же необходимо, как сейчас места для автомобильных парковок.

Хотел я было написать, что со ста рублей, выданных Екатериной Второй на городскую школу, и началось в Острове народное образование, но... нет. Началось оно лишь спустя семь лет. По уставу народных училищ, утвержденному Екатериной Второй, в уездных городах положено было открыть эти самые народные училища. Генерал-губернатором Смоленского и Псковского наместничеств генерал-аншефом князем Николаем Репниным было поручено правителю Псковского наместничества генерал-поручику Ивану Пилю предложить островским городничему и городскому голове открыть народное училище в городе к первому января семьсот восемьдесят седьмого года, так как Островское общество «объявило свое усердие к споспешествованию общему добру желанием содержать училище от себя». Для такого случая в городе был уже приготовлен дом.

Если выпало в империи родиться, то просто открыть народное училище и посадить за парты народных детей и начать их учить грамоте нельзя. Империя разработала специальный обряд открытия народных училищ, которого необходимо было неукоснительно придерживаться и городничему, и городскому голове. Это и было сделано. В торжественный день открытия городничий секунд-майор Христофор Беккенгаузен и городской голова Леонтий Новиков собрали все уездное начальство, не исключая даже судей и канцеляристов, вместе с городовым магистратом, знатнейшим купечеством и мещанством в соборной Никольской церкви и туда же приказали привести будущих учеников, которых было тридцать семь человек¹⁰. После литургии и молебственного пения за здравие Государыни все отправились в дом, где располагалось училище, и окропили его святой водой. После этого... еще нельзя было садиться за парты. Прежде протоиерей Сергей Владимирский сказал поучительное слово будущим ученикам. После протоиерея выступил с приветственным словом первый островский учитель Иван Соколов. После Соколова вступил городничий и поблагодарил императрицу за «Ея матернее попечение о благоденствии и просвещении народном». Наконец, когда все, а особенно дети, среди которых были и пятилетние, уже устали, утомились, а некоторые заплакали и запросились домой, училище было открыто. Как писал первый островский историк протоиерей Панов в своей «Летописи города Острова и уезда»: «Так открыт был первый рассадник просвещения в городе Остров – малое народное училище».

Попечителем училища назначили «в рассуждении состояния и поведения добропорядочного Островской второй гильдии купца Якова Иванова, который возложенную на него должность без всякого упущения отправлять может». Еще не уходя с церемонии открытия, приглашенные на торжество собрали в пользу училища 121 руб., из которых 74 руб. служащими, а 47 руб. купцами. Прямо скажем – не бог весть какая сумма, если учесть, что учителя из экономии наняли одного, а не двух, и полагалось ему зарплаты за совместительство двести десять рублей, из которых полторы сотни за, собственно, обучение, а еще шестьдесят за рисование. И эта зарплата не в месяц, а в год. Да еще на содержание самого училища нужно было сто семьдесят рублей. Впрочем, все это должно было быть по плану Приказа общественного призрения, в ведении которого

были малые народные училища, а в действительности даже дрова и свечи, которыми город должен был снабжать учителя, приходилось ему добывать с боем, и выдавали их зачастую меньше чем нужно. Островское купечество обещалось давать на содержание учителя сто сорок рублей в год, но... получал он сто двадцать, да и те деньги выдавались несвоевременно. Городская Дума, которая должна была содержать училище... нечего и говорить о Городской Думе, если ни купцы, ни мещане, из которых она и состояла, не хотели отдавать детей учиться, не видя в том никакой для себя пользы, а дворяне своих детей отдавали в учебные заведения для дворянского сословия. Какое уж тут содержание...

Да и те, кого все же отдавали в учение, родителей своими оценками радовали редко. В Островском, как и в других начальных училищах, был двухгодичный курс обучения, но и его многие ученики, если судить по спискам учащихся, не могли освоить в течение четырех, а то и пяти лет. Были дети, которые и по семь лет сидели за партой, но в результате все равно выпускались без аттестата. В те далекие и совсем не толерантные времена учителя Островского начального училища в графе об успехах детей за некоторые годы писали кратко: «туп» и такие оценки имело больше половины учащихся.

Просуществовало Островское уездное училище в таком виде семнадцать лет, Образование в нем получили пятьсот тридцать маленьких и не очень островичей, из которых только пятьдесят две девочки, а остальные мальчики. В восьмьсот четвертом году в соответствии с новым уставом малые народные училища были преобразованы в уездные. Ну, это в столицах все быстро делали, а в Острове преобразования случились только в начале восьмьсот пятнадцатого года.

Впрочем, это уже следующий век, и прежде чем мы перейдем к девятнадцатому веку Острова, скажем еще несколько слов об островских событиях конца восемнадцатого века. В семьсот девяностом году на шесть тысяч рублей, которые дала из казны Екатерина Вторая, возвели Островский Троицкий собор, и по сей день украшающий главную площадь города. Через три года построили церковь Покрова Богородицы. В семьсот девяносто шестом игумен Святогорского монастыря написал жалобу на островичей в Псковскую духовную консисторию. Дело в том, что каждый год в Петровский пост отправлялся крестный ход из монастыря в Псков. По такому случаю монахи в специальной ладье плыли по реке Великой из монастыря во Псков вместе с иконами. Они бы и плавали себе, никого не беспокоя, но островичи в черте Острова и около него устроили множество рыбных ловель, перегородили реку запрудами, сетями и даже каменными перегородками, через которые ладье с монахами и иконами перебраться затруднительно. Люди они, конечно, богобоязненные, но рыбные ловли их сильно испортили, и потому игумен просил консисторию, чтобы та обратилась к Островскому городничему и нижнему Земскому суду, чтобы те распорядились «во всех местах по Великой реке, чрез которые прописываемой со святыми иконами ладья проходить будет, имеющиеся запруды тотчас снять... и сверх того... во время сего крестного хождения делать всякие уважения и требуемую помощь, так и всем... жителям... внушить, чтоб и они для того богоугодного дела прилагали душевное свое усердие во всех случаях надобности». Псковское наместническое правление просьбу монахов без внимания не оставило и направило Островскому городничему и нижнему Земскому суду указы, коими велено запруды немедленно снять, и сверх того жителям внушить, чтобы они для такого богоугодного дела...

Забегая вперед скажем, что и через восемь лет все запруды и все каменные перегородки оставались на месте. Участникам крестного хода пришлось обходить город посуху. Еще и ладью при этом обходе повредили. Монахи немедленно отправили еще одну жалобу губернским властям. Тут уж Псковский губернатор Яков Иванович Ламздорф лично предписал Островскому городничему и нижнему Земскому суду запруды немедленно расчистить и доложить начальству, кем и с чьего разрешения таковые сделаны.

Не стоит, однако, думать, что островичи только о своих рыбных ловлях и беспокоились. За год до наступления девятнадцатого века островский купец Иван Антипов просил городскую Думу разрешить ему за свой собственный счет построить в Острове каменную богадельню, и не просто построить, а восьми будущим ее жильцам, мужчинам или женщинам, выдавать по три рубля ежегодно каждому.

И последнее о восемнадцатом веке. В конце его Остров занимал первое место среди уездных городов по количеству каменных зданий. Город за собой следил, и в нем даже был создан «Комитет о замощении улиц». В семьсот девяносто восьмом году в Острове было двести пятьдесят купцов и чуть меньше мещан. Если точнее, то на одиннадцать меньше, чем купцов. Вот эти-то четыреста восемьдесят девять человек, к которым нужно прибавить небольшое количество дворян, приказных, отставных военных, священнослужителей и крестьян, торговали льном, пенькой, кожей, щетиной, застроили Остров каменными домами, учредили комитет по замощению улиц, много лет упорно сопротивлялись монахам Святогорского монастыря, не желая ради крестного хода ликвидировать свои запруды и каменные перегородки на реке Великой, построили собор и богадельню, собирали, хоть и нехотя, деньги на содержание малого народного училища и нещадно пороли детей, когда они в этом училище плохо учились, а тем более сидели не по одному году в каждом из двух классов.

Девятнадцатый век начался в Острове двадцатого июня восемьсот второго года с визита Александра Первого. Нет, это не был визит, подобный визиту его бабушки – император был в Острове проездом из Опочки, в которой он тоже был проездом, в Санкт-Петербург. Подали ему обед, поменяли лошадей на свежих, и он укатил в столицу¹¹.

Через год после императора Остров посетил тоже проездом уже упоминавшийся ранее академик Василий Севергин, пробывший в городе не более трех дней. Севергин не только перечислил обывательские дома, каменные и деревянные, заводы, богадельни, кабаки, лавки каменные и деревянные, но и сделал ряд наблюдений, которые императоры вряд ли сделают, хотя бы и прожили в Острове не три, а тридцать три дня.

«Небольшой город Остров весь почти состоит из деревянных строений. Он лежит при Великой реке, которая здесь узка и имеет низкие берега. В нем только три церкви и народ бедный. Место сие составляло прежде сего вдоль Великой реки слободу из 150 домов состоящую; но от основания города распространилось, а после случившегося здесь пожара вновь застроено и в лучшее приведено состояние. Площадь в нем обширная, и гостинной двор изрядной каменной, кроме коего есть также и деревянные лавки. Вдоль Великой реки простирается в некоторых сажнях от нынешняго ея русла нарочитой вышины косогор, которой, кажется, прежде сего составлял настоящий ея берег... Берега Великой реки здесь глинистыя, и содержат множество обломков серого известнаго камня. Также и дно реки, сколько видеть можно, устлано плитами сего же известнаго камня, который сверх того добывается и в окрестностях города в разных местах; почему церкви и другие каменные здания, и особливо основания домов строятся из сего же камня...

Я перейду к другого рода предметам до сей реки касающимся. Поперек ее делают стенки из камней во всю ее ширины, каковых я здесь заметил четыре, с промежутками или воротцами, куда вставляют верши, то есть воронкообразные плетни из ракушечника делаемые, которыми ловят проходящую здесь рыбу. Рыба же здесь попадается щука, лещи, шерешперы и изредка сомы.

Впрочем, я уже выше упомянул, что жители сего города бедны; ремесел почти нет; сапожников только четверо; однако есть часовой мастер, родом немец. Хлебопашество не великое, а льну сеют тем более, которой, однако дорог.

Жителей в сем городе: купечества 236, мещанства 276, служащих 81, разных отставных военнослужащих 21, церковнослужителей 15, разного звания людей 109, а всего 738. Церквей каменных три, деревянных одна. Домов каменных 11, деревянных 11, питейных 9, обывательских каменных 20, деревянных 240, богаделен 2, лавок каменных

40, деревянных 33, льняных заводов 22, итого всех строений 381. В народном здешнем училище нашел я 30 учеников.

Ржи четверик стоит 1 рубль 10 коп. круп гречневых четверик 1 рубль 50 коп. овса четверик 50 коп. сена пуд 20–25 коп. Мука пшеничная здесь редка, впрочем, пуд ее продается по 2 рубли 40 коп. Сажень дров распашная, то есть размахом рук определяемая стоит один рубль; пуд свечей 8 рублей»¹².

Цены мы обсуждать не станем, тем более что Севергин, даром что академик, указал, к примеру, цену за четверик ржи в рубль и десять копеек, но не указал – ассигнациями или серебром, а про свечи и вовсе не сказано какие они – восковые или сальные. Ну, да это ему простительно – он был химик и минералог, а не чиновник министерства финансов, и со знанием дела написал про островские известняки и глины. И все же... несмотря на то что Остров, как мы помним, уже к концу восемнадцатого века занимал первое место в губернии по численности каменных зданий, несмотря на организованный комитет по замощению улиц, «жители сего города бедны». Церкви три каменных и одна деревянная, но питейных домов девять. «Ремесел почти нет». Сапожников всего четыре. Выходит один сапожник и одна церковь почти на две сотни жителей. С кабаками и льняными заводами в пересчете на душу населения все обстояло куда лучше. Два с лишним десятка льняных заводов не должны вводить в заблуждение современного читателя. Как правило, на таких предприятиях работало три, четыре, много пять человек. На самых крупных их могло быть пять с половиной. О часовых дел мастерах и говорить нечего.

Между прочим, количество учеников в островском малом народном училище снизилось по сравнению с сорока учениками, которые были при его открытии шестнадцать лет назад. В тот год учились большей частью мальчишки. Девочек было всего две. Случались годы, когда девочек не было ни одной. Да и всех учеников приходило на занятия десятка полтора или два, или всего одиннадцать человек.

У островского купечества деньги, хотя и не очень большие, водились. По данным за восемьсот третий год, совокупный его, то есть купечества, капитал составлял 164 250 руб. Этот капитал приходился на почти две с половиной сотни лиц, записавшихся в купеческое сословие. В среднем на каждого выходит чуть менее семисот рублей, из чего можно заключить, что островские купцы большей частью принадлежали ко второй и третьей гильдиям. Интересно, что купчих в Острове проживало больше чем купцов почти в два раза. Через пять лет количество купцов снизилось до ста восьмидесяти. Поскольку обедневшие купцы записывались в мещане, то число последних выросло до трехсот тридцати шести. Доход у города был, мягко говоря, невелик и складывался он из арендной платы за землю, которой у Острова было не бог весть сколько, от различных предприятий – их тоже было немного и они были небольшими, если не сказать маленькими и очень, налогов с трактиров, постоянных и питейных домов, с различных патентов на право производства торговли и промыслов, но... еще раз вспомним слова академика Севергина о том, что «ремесел почти нет». Набегало... такие суммы лучше писать прописью – двести семьдесят рублей и двадцать копеек. К этим деньгам прибавим подушевой налог¹³, и все равно для сведения концов с концами не хватит больше тысячи рублей, потому как сумма, необходимая на выполнение всех «повинностей» города, составляла три тысячи тринадцать рублей и пятьдесят копеек. В эту сумму входили расходы по содержанию народного училища (хорошо еще, что малого, а не большого), мостов, перевозов, наем сотских, десятских, трубочистов, будочников, ремонт пожарных инструментов, жалование сотрудников магистрата, городской Думы, наем помещений для присутственных мест... Для того, чтобы сумма расходов равнялась сумме доходов, был в восемьсот девятом году в Острове даже создан «Комитет для уравнивания повинностей городских доходов с расходами». В состав комитета вошли: один дворянин, один купец, один мещанин и один чиновник. Был ли от комитета толк... На этот счет документов до нас не дошло, но уже то хорошо, что был он небольшой и денег на его содержание уходило немного.

Все же Остров развивался, несмотря на дефицит городского бюджета. Частную инициативу никто не отменял. На строительство библиотек или оперных театров островские промышленные и финансовые воротилы не подписывались, но в восемьсот девятом году купеческая жена Акилина Новикова просила городскую Думу выделить ей место для постройки общественной бани, и Дума указом предписала городничему и магистрату «для удовлетворения просьбы Новиковой к построению в г. Острове бани как полезного для обывателей заведения отвести приличное место».

Хуже обстояло дело с перевозом через Великую. В восемьсот восьмом году его предложил островской Думе устроить псковский губернатор, «чтобы при перевозе через реку войск... и орудий не могло происходить остановок и опасности», и это было не то предложение, от которого можно отказаться. Правда, губернатор, в отличие от купеческой жены Новиковой, не предлагал устроить перевоз за свой счет. Вообще губернское начальство своим вниманием Остров не оставляло и время от времени высказывало пожелание что-нибудь в городе устроить. В восемьсот десятом году оно не просто предложило, а предписало островичам устроить кирпичные заводы в окрестностях города и даже обещало, «что на заводчиков, по мере их успеха, будет начальством обращено особенное внимание, с награждением их».

Это была жизнь светская. Теперь скажем и о религиозной. Вернее, о пересечении этих двух сторон островской жизни в начале девятнадцатого века. Во-первых, в восемьсот четвертом году островские любители устраивать запруды и каменные стенки поперек Великой наконец выполнили приказ губернатора и разобрали все препятствия на пути крестного хода из Святогорского монастыря во Псков. Во-вторых, в восемьсот двенадцатом году островичи попросили Псково-Печерский монастырь принести в Остров иконы Успения, Умиления и Одигитрии Божией матери. Монастырское начальство откликнулось на просьбу островского городского головы Ивана Антипова и иконы разрешило принести. Пробыли они в Острове пять дней, и все эти дни к ним можно было прикладываться без ограничений. На шестой день ~~срок действия демоверсии истек~~ горожанам было предложено самим за свой счет брать иконы из монастыря и возвращать их обратно, на что горожане ответили отказом, и иконы немедленно были увезены обратно в монастырь.

И о погоде. В дневнике островского мещанина Масленникова записано, что двадцать второго и двадцать третьего декабря восемьсот одиннадцатого года в городе были сильные морозы, но при этом грохотал гром и сверкали молнии.

Двадцать седьмого июня восемьсот двенадцатого года через город должен был еще раз проехать Александр Первый по дороге в Динабург – тот, который теперь Даугавпилс. Планировалась его остановка в доме островского коллежского советника Михаила Брылкина. Подготовка к проезду началась еще в апреле. От Острова всего-то и требовалось, что поставить на почтовую станцию двадцать шесть исправных лошадей, укомплектованных такими же исправными хомутами и ямщиками, поскольку у почтового ведомства своих лошадей не хватало. Уже первого апреля островский городничий Бибиков уведомил островского же городского голову Антипова о том, что нужно приготовить лошадей на десятидневный срок. Городской голова, понятное дело, с этим уведомлением ознакомил островскую городскую Думу, а последняя, подумавши крепко над заданной ей задачей, через девять дней взяла да и написала Псковскому губернатору князю Шаховскому рапорт, в котором сообщала, что по такому случаю давать лошадей почтовому ведомству не обязана, а спрошенные на этот счет обыватели своих лошадей давать отказались и потому просит князя Шаховского «учинить натурою наряд или составить особый на то сбор». На этот рапорт разгневанный губернатор отвечал: «За рапорт №112 от 9 апреля из сей Думы мною полученный надлежало бы подписавших оный предать уголовному суду, но не желая сего и полагая более, что оное последовало от скорости и неосновательности, даю впредь на замечание и вразумляю, что ни сбора, ни наряда натурою лошадей от сей Думы никогда не требовалось, а велено было

городничему склонить жителей из усердия к Государю нашему не щадящему для спокойствия нашего ни трудов, ни драгоценного Своего здоровья, шествующего по такой дороге, подставить и изготовить к скорейшему и удобному Его Величества проезду несколько лучших лошадей, и то на малое время вдобавок стоящим на почте, а Дума не поняв оного предприняла в настоящих заботах моих еще обременить Начальство, столь постыдным и недельным представлением: за которое приехав в Остров лично потребую ответа».

Приезжал он в Остров или нет, чтобы потребовать ответа, неизвестно, поскольку ровно через два месяца, десятого июня по старому стилю Франция объявила войну России. Военные действия на территории Псковской губернии не велись – она находилась в тылу, но этот тыл был прифронтовым, и населению пришлось обеспечивать подвоз к частям нашей армии и боеприпасов, и фуража, и снаряжения, и перевозить и сопровождать ополчение из внутренних губерний. Псков и Остров были назначены главными пунктами, в которых накапливались запасы. Жители губернии собирали пожертвования деньгами и натурой, которая представляла собой хлеб, различные крупы, сухари¹⁴, одежду и многое другое. При том, что был еще рекрутский набор, объявленный в ноябре двенадцатого года, от которого губернию никто не освобождал.

Островичи в стороне от всего этого не остались. Только одних подвод с лошадьми на перевозку грузов военного назначения Островский уезд за время военных действий поставил более пятнадцати тысяч. Уже восьмого июля двенадцатого года уезд выставил первый обоз в триста подвод для перевозки больных нижних чинов. В Острове, как и в некоторых других уездных городах Псковской губернии, еще в начале февраля двенадцатого года был организован временный военный госпиталь на сто мест. С началом военных действий число раненых настолько увеличилось, что уже не госпиталь, а город Остров должен был принять до двух тысяч человек. Он и принял две тысячи восемьдесят больных и раненых солдат и офицеров к началу восьмьсот тринадцатого года, которые помещались и в госпитале, и в казенных, и в частных домах. Надо сказать, что островский госпиталь работал по тем временам очень эффективно. Псковский губернатор князь Шаховской писал командиру корпуса Витгенштейну, что из госпиталя в корпус отправлено полторы тысячи поправившихся военных.

Пятого августа Островский нижний суд отчитался в том, что уезд выставил около шести тысяч подвод для нужд действующей армии, в том числе для резервных батальонов из Холма и Пскова, для перевозки сухарей в соседний Себеж, раненых и больных в Порхов и овса для корпуса Витгенштейна. При этом не нужно забывать, что большая часть подвод обратно не возвращалась – их использовали военные для других нужд. Не возвращались и те, кто этими подводами управлял. Погиб или пропал без вести четыреста один кучер, а лошадей не вернулось две тысячи триста три. Подводами дело не ограничилось. На нужды действующей армии жители Островского уезда пожертвовали почти девятьсот голов крупного рогатого скота, чуть более двух с половиной тысяч тулупов, поставили сто семьдесят строевых, артиллерийских и кавалерийских лошадей.

Все эти цифры о количестве лошадей, тулупов, сухарей и подвод, вернувшихся в строй солдат и офицеров, конечно, очень важны, чтобы мы, спустя два века, могли по достоинству оценить вклад Острова в отражение «нашествия двенадцати языков», но куда красноречивее отрывок из письма, написанного в конце сентября двенадцатого года генерал-майором Казачковским своему корпусному командиру, генерал-лейтенанту Витгенштейну. Козачковский пишет из Острова, где он находится на излечении после ранения, полученного шестого августа в сражении с французами за Полоцк: «Здесьняго Городничаго я знаю семь лет и знал что он феникс между гражданскими чиновниками. Не взирая что город сей на таком тракте где непрерывно полки и команды квартируют и проходят то туда, то сюда; нет конечно человека который бы пожаловался на малейшее замедление, а не только затруднение. Со всем тем прибыв сюда и желая осведомиться о больных и раненных здесь находящихся, удивился услышав от всех Афицеров и нижних

чинов единогласной отзыв за спокойствие и во всех случаях пособие они обязаны единственно господину Городничему Надворному Советнику Бибикову который не токмо в собственном доме помещает раненных Афицеров и печется об них как об родных, снабдив их всем, но вообще как здесь лечащихся, так и проезжающих, снабжает собственно от себя пищею, одеждою и постелями. При том так распоряжается во всех случаях что ни в чем никто проходивший с командою не имеет ни малейшей остановки, хотя при том почти вседневно от зори до зори бывает у приёма сухарей поставляемых от жителей уезда и отправлении оных в корпус. Простите, Ваше Сиятельство! Если я похитил несколько минут на чтение сего письма, и позвольте всеубедительнейше просить о оказании милости здешнему Городничему; милости, которую обяжутся несколько тысяч человек...».

В начале июля восемьсот тринадцатого года, когда Бонапарт уже был изгнан из пределов России, через Остров из Петербурга проезжал к армии Великий Князь Константин Павлович. Сведений о том, сколько ему и его свите понадобилось для обеда говядины, яиц, творога, окороков и свежей рыбы, до нас не дошло, зато доподлинно известно, что городской голова Иван Антипов поднес Цесаревичу ведомость, в которой было указано число островских купцов и мещан, а кроме того сумма положенного с них дохода в казну. Так вот, по ведомости, которую ~~неизвестно зачем~~ Антипов вручил Константину, в Острове проживало сто тридцать четыре купца третьей гильдии, и эти купцы на следующий четырнадцатый год объявили капитала без малого четверть миллиона рублей. Пожалуй, этим стоило похвастаться, пусть даже и Константину, которому эти цифры были совершенно без надобности. Тем более сведения о том, что островские купцы торгуют льном, пенькой и разными российскими товарами. Что же до мещан, то их в Острове проживало четыреста один человек, но доход от них казне был существенно меньше – всего три тысячи двести восемь рублей. И еще одна важная сумма, хотя и куда меньше других. Островская городская Дума обязалась в том году вносить на Островское народное училище ежегодно по двести восемьдесят пять рублей. Вот вам и другая небольшая сумма в четыреста тридцать пять рублей. Ее собрали на нужды уездного училища горожане, когда в восемьсот пятнадцатом году малое народное училище преобразовывали по указу правительства в уездное. В день открытия двухклассного уездного училища в Остров приехали профессор Кукольник, между прочим, учивший в те годы великих князей Николая и Михаила римскому и российскому праву, директор училищ Караулов и предводитель уездного дворянства генерал-майор Беклешов. Мало того, что Кукольник сказал пламенную речь, после которой и собрали эти четыреста с лишним рублей, так он еще и вместе с почетным попечителем островского училища и директором училищ губернии выступил в Думе с ходатайством передать училищу каменный дом. И дом передали, и дума от щедрот прибавила на содержание училища тридцать шесть рублей двадцать пять копеек. Правда, дом перешел в собственность училища только через четыре года, да еще и доплатить пришлось училищу семьсот с лишним рублей, но это уж сущие пустяки. Обидно то, что через шесть лет этот дом настолько обветшал и стал так тесен училищу, что пришлось его продать за полторы тысячи рублей одному из островских купцов.

Раз уж речь зашла об уездном училище, открытие которого было, несомненно, событием в культурной жизни города, то упомянем и еще об одном, быть может, менее заметном, но не менее культурном. В восемьсот пятнадцатом году островский купец Федор Савельевич Карузин, имевший в городе кожевенный и юфтяной завод, учредил в городе общественную богадельню. Другой острович – помещик Коптев – отдал под эту богадельню каменный дом. Жили в доме трое мужчин на доход получаемый от пустоши вблизи Острова, каковую пустошь подарил богадельне тот же Коптев. Это была уже третья богадельня в Острове. Еще до войны с французом в городе было две богадельни – одна уже упоминавшаяся нами богадельня купца и городского головы Ивана Антипова при Покровской церкви, а вторая – купца Нефёда Карузина – брата Федора Карузина при

Троицкой церкви (в них призревались на доброхотные пожертвования женщины), а вместе братья Карузины за свой счет построили в восемьсот девятнадцатом году каменную кладбищенскую церковь во имя Св. жен Мироносиц. Кто-то, наверное, скажет, что открытие общественной богадельни к культурным событиям имеет такое отношение... да и вообще... Может, и так, но история Острова – это не история Пскова и тем более не история Москвы, чтобы разбрасываться такими событиями, как открытие богадельни.

К событиям, не относящимся к культурным, но повлиявшим на жизнь в Острове куда сильнее, чем богадельни и уездное училище, можно отнести расквартирование в восемьсот шестнадцатом году в городе егерского полка. Егеря, конечно, не гусары и тем более не лейб-гусары, квартировавшие в соседней Опочке, но все же. Кстати, об училище. Оно в восемьсот двадцать восьмом году было преобразовано из двухклассного уездного училища в трехклассное. Что же до постоянных проездов через Остров Николая Первого, Великих князей и даже принца Евгения Вюртембергского то в одну, то в другую сторону... Эти события... к каким хотите – к таким и относите.

Через три года после преобразования училища в Остров пришла холера... Задержим ее немного. За два года до холеры Псковская Казенная Палата решила строго спросить с Псковской Духовной консистории, почему островские священники собирают хлебную дань с прихожан Троицкого собора, Николаевской, Покровской церквей и еще десятка погостов, в то время как крестьяне эти государственные и хлеб у них можно брать только по разрешению самого Государя императора. Мало того, вышеозначенные крестьяне в свободное от работы на Государя императора время еще и обрабатывают земли священников, что уж совсем ни в какие ворота не лезет. Собственно говоря, все началось с жалоб волостных правлений Островского уезда псковскому губернатору, а уж тот все эти жалобы отправил в Казенную Палату и приказал разобраться. Псковская духовная консистория была не лыком шита, и там сидели такие крючкотворы и такие специалисты по части прибедраться, что... Короче говоря, Консистория ответила, что помощь эта, называемая ругой, такая небольшая, что и говорить не о чем, что хлеб плох и состоит из половины ярового и половины озимого или вовсе какого придется, что крестьяне обрабатывают поповскую землю исключительно добровольно, с охотой и в оплату денег не берут, а вместо этого просят то детишек окрестить, то покойников отпеть, то молодых повенчать, что священнослужители ездят по домам крестьян на своих лошадях и за бензин овес денег с крестьян не требуют, что хлебную ругу берут они с прихожан издревле, что еще по Высочайшему Указу от семьсот девяностого года велено было земли священнослужителей обрабатывать прихожанам или вместо этого давать им отсыпной хлеб, правда, через три года он был отменен, но ведь был же... Островский летописец протоиерей Панов так и не написал в своей книге, чем кончилось это дело, но можно предполагать, в Псковской Казенной палате по адресу Псковской Духовной Консистории немало было сказано таких слов, которые не всякая бумага вытерпит, тем более не привыкшая к ним гербовая.

Конечно, я бы с удовольствием вам пересказал отчет островских астрономов об открытии новой кометы, или новых небесных тел, тем более что в те годы еще ждали своего открытия Нептун, Фобос, Деймос и каналы на Марсе, но астрономов тогда в Острове не было. Да и откуда им было взяться, если обсерватории тоже не было. Их и сейчас нет, а жаль.

Вот теперь – холера. Собственно, о ней и сказать хорошего нечего, кроме того, что считавшиеся чудотворными иконы из Святогорского монастыря были принесены в Остров не в разгар эпидемии, а уже после того как она закончилась. В том же году, по данным губернского статистического комитета, в Острове проживало почти тысяча триста жителей женского и мужского полов, причем практически в равных количествах. Не будем утомлять читателя количеством каменных и деревянных домов, церквей, кузниц, мельниц, богаделен и льняных заводов, хотя и не лишним будет отметить, что каменных

домов стало в два раза больше, то есть тридцать девять, а только скажем, что к этому году в Острове появились больница и аптека. Еще и питейных домов стало восемь – на один меньше, чем было тридцать лет назад. Как хотите, а прогресс налицо.

Что же касается Островского уезда, то в нем проживало без малого восемьдесят две тысячи человек. В уезде одних церквей было семнадцать каменных и четырнадцать деревянных. Правда, с питейными домами все обстояло куда хуже или лучше – их имелось пятьдесят девять. В пересчете на душу населения в Острове выходило в восемь с половиной раз больше. Зато на эти восемьдесят две тысячи в уезде приходилось триста восемь магазинов. Тут хорошо бы сравнить данные по количеству магазинов на душу сельского жителя тогда и сейчас, но как сравнивать, если теперь в Островском районе по переписи десятого года осталось всего 31096 человек, из них жителей города Остров 21699 человек, а собственно сельских жителей 9428 человек, и живут они по той же переписи в 458 населенных пунктах, из которых в 156 деревнях населения вовсе нет, в 133 деревнях живет от одного до пяти человек, в 61 – от одиннадцати до пятидесяти пяти... Нет, есть и большие села с населением от двухсот до пятисот человек, но их на весь район всего восемь, а от пятисот до тысячи человек и того меньше – три. Какие уж тут сравнения... Впрочем, теперь дороги хороши и можно быстро доехать в городской магазин на машине, хотя... дороги там разные. Осенью или весной, в распутицу, на машине можно, но не на всякой и не по любой дороге.

В восьмьсот двадцать восьмом году чиновник по особым поручениям камергер барон Мантейфель по результатам ревизии Псковской губернии в своем рапорте генерал-губернатору Филиппу Осиповичу Пауллучи докладывал об Острове: «город Остров один из древнейших в Псковской губернии, имеет ещё много каменных зданий: довольно хорошо поддерживаемых и вообще содержится в изрядной чистоте; хотя есть деревянные похожие на крестьянские избы строения, однако наружность их чиста. Площадь и главные улицы вымощены; у самого въезда на берегу реки Великой не поставлено перил.

Город сей некогда производил значительную торговлю, но подобного всем городам Псковской губернии, ныне упал... Город имеет ежегодно доходу 6058 рублей 72 $\frac{1}{4}$ копейки. В сем городе с мещан собирается также по 8 рублей с души, вовсе не показанных в раскладке. Городничий человек старый, но притом старательный и кроме некоторых общество им довольно.

Тюремный острог починен, покрашен и находится в полной исправности только недоставало дощечек под койками арестантов с надписью их имён, времени задержания и преступлений, за которые содержатся; в нём также есть особое помещение для больных арестантов. Все арестанты получают определённое им довольствие.

Больница помещается в доме купленном от общества имеющем шесть просторных покоев. Когда в городе стоит полк, то больница сия отводится для полкового лазарета. В ней кровати, столы и поезда в исправности; халаты, туфли и бельё в довольном количестве, последнее грязно. Книги о приёме и выпуски больных не ведутся, а записываются в городническом правлении в журнал. Медицинский присмотр слаб и уездный лекарь пользуется молвою незнания своего искусства...

Богадельня учреждена в доме, принадлежащем обществу, довольно чисто устроенном. Для содержания призреваемых город отвёл землю, которую они отдают с найма и в нынешний год получают с оной 180 рублей. Прописывались в ней призреваемых шесть женщин.

Пожарные инструменты в весьма дурном положении, состоят только в одной иссохшей трубе, без всяких принадлежностей. Они состоят при Градской Думе и Городничий отзывался нехотением принять их в ведение, Полиции не имеется, ее обязанности разложены на обывателей.

В уезде дороги: от границы Опочецкого уезда до Острова и от Острова до границы Витебской губернии, лучшие по губернии.

Кроме некоторых мест, где посаженные для аллей деревья оставлены без присмотра, устройство их весьма хорошо. Мосты все в исправности, только на малых нет перил. По Опочецкому тракту разъединение дорог между Опочкою и Новоржевом не обозначено столбом. Почтовые лошади всегда хороши... Почтовые и жалобные книги в исправности; гостиниц нигде нет».

В восемьсот тридцать втором году в Острове от уездного училища отделили приходской класс и на его основе образовали самостоятельное училище. Сначала оно было двухклассным, а со временем стало и трехклассным. И это училище тоже оплачивалось из скромных городских доходов. Платили на его нужды островичи триста рублей в год. Помещалось оно в доме уездного училища, то есть и в тесноте, и в обиде. Еще и приходилось за это помещение доплачивать сто шесть рублей... С одной стороны, все эти суммы в триста, а тем более в сто шесть рублей – кому они интересны теперь? Да и вообще, кому интересно то, что город почти двести лет назад оплачивал расходы учебных заведений? Только историку, краеведу, но никак не обыкновенному читателю. С другой... ведь отрывала эти деньги островская Городская дума буквально от сердца – наполовину купеческого и наполовину мещанского, которому тогда это ученье светом отнюдь не казалось, но ведь отрывала. Были, стало быть, в ней люди, которые понимали, что это необходимо. Это потом, через несколько десятилетий, появятся гимназии, классическое образование, французский, немецкий, латынь, греческий, история, коммерческие науки, математика, монументальные гимназические здания, в некоторых из которых до сих пор учатся дети, а пока... пока триста рублей, да еще сто шесть, да старый холодный дом, купленный задешево у какого-нибудь купца.

Пятого февраля восемьсот тридцать седьмого года через Остров проехала печальная процессия, которую и процессией-то назвать нельзя было – одни санки с гробом, обернутым в рогожу, один жандармский капитан, скачущий перед санками, одна кибитка позади. Везли тело Пушкина в Святогорский монастырь. Остров стал последним городом на этом пути. Так написано на памятной доске, установленной в Острове на улице Карла Маркса, дом девять. Теперь здесь дорожно-строительное управление, а в девятнадцатом веке была дорожная станция. На доске гравирован профиль поэта и строчка из четвертой главы «Евгения Онегина» «О ты, губерния Псковская, теплица юных дней моих. Ты для меня страна родная». И еще приписано, что Александр Сергеевич неоднократно бывал в городе в годы Михайловской ссылки. И правда, бывал. Через Остров к Пушкину в Михайловское ехал в январе восемьсот двадцать пятого года Иван Пущин. В его воспоминаниях по этому поводу имеется запись: «В Острове проездом ночью взял три бутылки шампанского Клико и к утру следующего дня уже приближался к желанной цели». Вот тебе и Остров. Ночью на почтовой станции можно потребовать три бутылки «Вдовы Клико». Вовсе я не уверен, что это можно сделать сегодня даже и днем, хотя теперь в городе и построен целый железнодорожный вокзал. Впрочем, во времена Пушкина в Острове той каменной почтовой станции, на которой теперь укреплен памятная доска, еще не было. В восемьсот тридцать восьмом году только были назначены торги на ее построение. Строить станцию собирались вместе с гостиницей. Еще через год начали прокладывать Динабургское шоссе, соединившее Остров с Динабургом, который, как мы помним, теперь Даугавпилс, и за год проложили. Как раз к сороковому году почтовую станцию и построили, но считалась она станцией маршрута Санкт-Петербург – Киев¹⁵.

В том же сороковом году члены императорской фамилии проезжали через город не один и даже не два раза. Сначала в конце июля через Остров проехали Их Императорские Высочества великая княгиня Мария Николаевна, герцог Максимилиан Лейхтенбергский и великая княжна Александра Максимилиановна. Не просто проехали, но еще и переночевали. Буквально через день сам император с наследником проехали через Остров границу, а вслед за ними императрица с великой княгиней Ольгой Николаевной проследовали в обратном направлении из-за границы в Петербург. Первого сентября в

Остров приехала все царское семейство: император, императрица, наследник цесаревич, принцесса Мария Гессен-Дармштадская и великая княжна Ольга Николаевна. Вот тут уж Остров и Псковская губерния в грязь лицом не ударили. Императора встретил почетный караул, составленный из роты полка принца Павла Мекленбургского со знаменем, полковой музыкой, командиром отдельного гренадерского корпуса генералом от инфантерии Набоковым и командиром 2-й гренадерской дивизии генерал-лейтенантом бароном Розеном. У квартиры царскую семью поджидали военный и гражданский псковские губернаторы, имевшие, как писали «Псковские губернские ведомости» «счастье вручить Его Величеству рапорт о состоянии вверенной им губернии». При вручении рапорта присутствовали губернский и уездный предводители дворянства, а также камергер двора Его Величества камер-юнкер барон Фитингоф.

В тот же вечер был дан праздничный ужин. Остров при этом был «великолепно и богато освещен усердием и иждивением Псковского Благородного Дворянства, желавшего при этом случае, хотя чем-нибудь, доказать верноподданническую любовь и преданность к Августейшему Дому... Народ радостными восклицаниями и громогласными “ура” изъявлял свой восторг. Много Дворян с семействами их приехали к сему торжеству и оживляли Остров, походивший в то время жизнью и блеском своим не на маленький уездный город, а более на Столицу». Полковая музыка играла до десяти часов вечера на главной площади перед огненными вензелями членов императорской семьи. На другой день, в семь утра, Николай Первый с наследником покинули Остров, а в половине седьмого император с императрицей и наследником принимали и беседовали с прибывшими в город дворянами, которых поименно представил Начальник губернии. Самом собой, тут же было и купечество, традиционно поднесшее хлеб-соль. Так, чтобы дать денег городу на уездное училище или на какие-нибудь другие городские нужды, как это сделала Екатерина Алексеевна... нет, этого не было. Зато хозяйка дома, где ночевала императорская семья, «а именно: супруга барона Фитингофа и девица Неклюдова, удостоились получить драгоценные подарки».

В начале августа восемьсот сорок первого года император снова проехал через Остров, но без семьи, а с шефом жандармского корпуса Бенкендорфом. Тут разыгралась сцена умиленная до такой степени, что лучше ее не пересказывать, а процитировать отрывок из «Материалов к истории города Острова и его уезда» Панова: «...экипаж остановился для перемены почтовых лошадей около самой часовни, в селе Екатерининском. В это время сыновья действительного статского советника Владимира Александровича Симанского Павел 7 лет и Николай 5 лет поднесли Государю корзину с персиками из собственной оранжереи отца их и Император, поблагодарив, взял два персика и сказал: “один беру для себя, а другой для товарища и передал графу Бенкендорфу”. На просьбу детей взять всю корзину, Государь улыбнувшись ответил: мне некуда поставить, кушайте сами, малютки».

Теперь, когда вы умилились, оставим, наконец, царскую семью и перейдем к обычным островским событиям¹⁶. В январе восемьсот сорок второго года в городе состоялся маскарад в пользу бедных. Вот что о нем писали «Псковские губернские ведомости»: «18 января этого месяца в нашем городе был Маскарад в пользу бедных. Собрано на ассигнации 352 руб. 52 ½ коп. Деньги эти были на другой день розданы г. Уездным Предводителем Дворянства тем из бедных, которые по своему крайнему положению наиболее имели право на подобную помощь и явились по предварительному объявлению г. Городничего и Градского Главы. Нуждавшихся и получивших вспоможение из этой суммы, было 71 человек. При виде такого числа нельзя не пожелать, чтобы подобные увеселения на будущее время повторялись почаще. Приятно, утешительно таким образом покупать удовольствия. Мысль, что столько несчастных неделю, месяц может быть, избавлены от голода и стужи, делает удовольствие двойным: веселишься за себя и радуешься за них». Несчастливым выдали в пересчете на брата по пять рублей без четырех копеек. На эти деньги, если пересчитать ассигнации на серебро, по

ценам того же года, опубликованным в Псковских губернских ведомостях, можно было купить на рынке в розничной продаже 26 кг ржаной муки, 4,8 кг меда, 5 кг сливочного масла, 1,2 телят, две с лишним сотни яиц, шесть с половиной совершенно живых кур, 4,1 кг свежесловленных судаков, 9,77 кг свежесловленных больших щук или столько же килограммов хорошей говядины, 5 кг казанского мыла, полтора воза ржаной соломы, 3,33 живых гуся и 120 кг картошки¹⁷.

Не успел отшуметь маскарад в пользу бедных, как в Острове, в самом начале марта того же года, устроили благотворительный спектакль, сбор от которого был роздан семьям бедных чиновников. Сыграли силами местных актеров два спектакля и собрали 156 рублей серебром. В «Псковских губернских ведомостях» и по этому поводу появилась заметка, подписанная «Свидетель событий»: «Нельзя не утешаться, видя, как в нынешнее время филантропические чувства, на помощь страждущих и нуждающихся, развиваются повсеместно. Это уже не единицы, разделяющие часть своего достояния с неимущими, но целые сообщества, стремящиеся наперерыв оказать свою услугу человечеству. Нет почти уголка, можно сказать, во вселенной, где бы не было одушевления всеобщего при предприятии какого-либо доброго дела, даже труда, для облегчения участи несчастных. И наш маленький городок, в котором не считается даже 700 жителей, был в продолжение нескольких недель свидетелем уже двух такого рода пожертвований. Не успели раздать бедным жителям города деньги, собранные на маскараде, бывшем 18 января, как изъявлено было благородными особами желание дать на масляной спектакль с тою же целью. Тотчас г. полковник Меландер предложил свой дом для сцены; г. барон Фитингоф принял на себя издержки декораций и доставление музыки, которой у нас даже и в уезде нет. Несколько любителей и любителей сценического искусства разобрали роли. Сто особ из Дворян и Чиновников записались в число пожертвователей... приятное общество, расположенное добрым делом к веселью, сделало вполне этот вечер самым привлекательным, и заключило блестящим образом всю неделю, проведенную в ежедневных балах, званых обедах, маскараде и катанием с гор. Представление кончилось около полуночи, следовательно, все общество встретило предстоящий великий пост благотворительным поступком, который был как вступлением в то время года, в которое православные оставляли всю суетность жизни, стремятся благими помыслами и делами в пользу других изгладить из памяти то, что сделано было прежде для себя...».

В конце мая того же года горели дома купца Антипова. Так они сильно горели, что из близлежащей Покровской церкви вынесли на всякий случай иконостасы с престолами. Как заканчивался один пожар – так сразу занимался другой. За несколько дней сгорело два десятка домов, и не только антиповских. Успокаивать насмерть перепуганных островичей, а заодно и руководить тушением пожаров приехал из Пскова губернатор.

Буквально в те же дни в Острове, с разрешения министра народного просвещения, вдова титулярного советника Екатерина Попова открыла частный пансион для воспитания и начального обучения детей женского пола. Не просто частный пансион – а первый частный пансион в городе. Еще и первый для девочек.

И еще об образовании, но уже не частном. В конце июня выпускали учеников Островского уездного училища. Все было обставлено торжественно – сначала учитель словесности произнес приветственную речь, потом ученики отвечали на вопросы из курса арифметики, геометрии, математической географии, истории, русской грамматики и, конечно, Закона Божия. И это не все. Учениками, как писали в отчете губернских ведомостей об этом событии, «прочтены две басни Крылова, небольшие сочинения из собственных упражнений и представлены посетителям опыты чистописания и черчения». Пяти ученикам, закончившим курс учения, выданы свидетельства, объявили тех, кого перевели в следующие классы, роздали похвальные грамоты и подарки. После этого уморившимся, замученным вопросами и баснями детям «законоучитель священник Иоанн Флоринский произнес краткое слово, в котором говорил ученикам о необходимости в юном возрасте просвещаться Христовым учением, от которого проистекают все истинные

познания, которыми человек пользуется на пути жизни», а почетных особ, присутствовавшим при сем торжественном акте, почетный смотритель училища угостил завтраком, за которым первый тост провозгласили за здоровье начальствующих лиц.

В восемьсот сорок четвертом году через Псковскую губернию по новому Динабургскому шоссе проезжал главноуправляющий путями сообщений и публичными зданиями генерал-адъютант граф Клейнмихель. Ночевал он в Острове и на другое утро после ночлега вместе с псковским губернатором осматривал место, где в скором будущем через реку Великую власти планировали возвести постоянный мост. Еще бы не планировать, если каждый год, да и не по одному разу, через город проезжал император то один, то с Бенкендорфом, то с Орловым, то еще с каким-нибудь генералом, которых у него было пруд пруди, то с женой, то с наследником, то сами по себе ехали великие князья и великие княгини поодиночке и в компаниях, и всем им приходилось переправляться через Великую, а на ней то наводнение, то ледоход, то волны. И каждый раз император, переправляясь через реку, спрашивает: «Когда же вы, наконец, мост нормальный постройте?»

В середине сороковых годов через Остров проезжал вернувшийся из ссылки декабрист Розен, записавший в своем дневнике: «На другой день приехали в город Остров, застроенный хорошими каменными и деревянными домами, с правильными фасадами и с вымощенными улицами¹⁸. Лет 20 прошло с тех пор, как был в Острове, и теперь узнать не мог: причиною скорой перемены к лучшему было продолжение нового шоссе ковенского, доставившего городу различные выгоды от удобного сообщения. Шоссейные работы хороши и прочны; за Островом шоссе проведено чрез болото».

Клейнмихель не просто так проехал через Остров и осмотрел предполагаемое место строительства моста через Великую – он подал на высочайшее имя рапорт с проектом об устройстве города, на основании которого правительствующий сенат в марте сорок седьмого года издал указ «Об устройстве города Острова Псковской губернии». Согласно этому указу, был учрежден Комитет под председательством уездного предводителя дворянства. Теперь никакое здание в городе не могло быть построено без разрешения Комитета. Мало того, еще и на ремонт старых зданий, не говоря о строительстве новых, необходимо было у этого комитета испрашивать разрешения. Чтобы все эти правила и комитет не остались благими пожеланиями, завели счет, который назвали вспомогательным строительным капиталом и на него положили тридцать тысяч рублей из государственной казны. Из этой суммы островичам выдавали ссуды на строительство и ремонт собственных домов, «чтобы все здания в городе возводимы были... прочно и правильно, и служили к украшению города». Представители Комитета осмотрели все существующие здания в городе, и те из них, которые дешевле было сломать, чем отремонтировать, назначались к сносу. На это и на постройку нового здания взамен снесенного выделялись деньги. Сносили и те здания, которые мешали застройке по утвержденному плану развития города. Понятное дело, при этом выплачивали соответствующие денежные компенсации, и владельцам снесенных зданий выделялись новые земельные участки взамен утраченных. Упразднили Комитет через тринадцать лет после его создания. В результате его работы в Острове был практически полностью реализован екатерининский план развития города. Ну, да, через шестьдесят с лишним лет, но ведь был же.

Теперь, от общих вопросов перейдем к частным. В восемьсот сорок шестом году Островская городская Дума объявила конкурс на поставку съестных и иных припасов в городскую больницу на следующий год. Тем, кто победил бы в этом конкурсе, необходимо было бы поставить для больницы «хлеба белого 206 пудов, ржаного 300 пудов, муки овсяной 42 пуда, меду 10 пудов, круп овсяных 112 пудов, гречневых 25 пудов, соли 26 пудов, сметков 15 пудов, говядины 315 пудов, квасу 990 ведер, капусты квашеной 320 пудов, свежей 5 пудов, дров 115 сажень, свечей сальных 15 пудов, масла постного 10 пудов, бумаги хлопчатой 20 фунтов, уксусу 8 ведер, соломы 540 пудов, мыла

7 пудов, бумаги голландской 45 дестей, ряпинской 60 дестей, сургуча хорошего 3 фунта, красного вина 20 бутылок, сахару 1 пуд 20 фунтов, масла деревянного 15 фунтов, воску 12 фунтов, яиц 150 штук, клюквы 1 четверть, ягод вересковых 2 четверти, песку 2 куб. сажени».

За десять лет до опубликования этого списка в «Псковских губернских ведомостях» на сцене Александринского театра в Петербурге был поставлен «Ревизор». Помните слова попечителя богоугодных заведений Артемия Филипповича Земляники: «Больным велено габерсуп давать, а у меня по всем коридорам несет такая капуста, что береги только нос...»? Вот тебе и капуста – одного красного вина два десятка бутылок, десять пудов меду, говядина, сметки, белый хлеб, гречка, сахар... впрочем, и капуста в изрядном количестве. Без нее не обойтись, особенно без квашеной. Да, прошло десять лет, но это все же девятнадцатый, а не двадцать первый век. Тогда и капуста протухала куда медленнее, чем сейчас. Воображаю, с каким чувством смотрел попечитель Островской городской больницы гоголевскую комедию. «Оно, конечно, все так и обстоит, – говорил он друзьям и знакомым, – и даже может быть еще хуже где-нибудь в Весьегонске или в Гдове, но чтобы у нас в больнице капустой... нет, воля ваша, а тут я с автором категорически не согласен». И это он говорил при дамах, а уж в мужском обществе такое мог прибавить... «Что ж делать? Русский человек, да еще и в сердцах».

Ровно в середине девятнадцатого века, устав от жалоб Николая Первого на переправу через Великую, от устройства наплавных мостов, удерживаемых на течении якорями, канатных паромов, от ежегодного, а то и чаще ремонта этих временных переправ, островичи начали строить постоянные цепные мосты через реку по проекту инженера штабс-капитана Михаила Яковлевича Краснопольского. Кроме того, мосты были нужны и в военно-стратегических целях – на пороге стояла Крымская война, и переправлять через реку армейские части к возможному театру военных действий из северо-западных губерний с помощью канатной переправы...

Добывать камень для опор моста стали рядом со стройплощадкой – на городской базарной площади. Там и устроили карьер, следы от которого можно найти и сегодня. Мост состоял и сейчас состоит из двух пролетов. Первый от Троицкого собора доходит до острова, на котором когда-то стояла крепость, а второй – от острова до другого берега реки Великой. Высота столбов, поддерживающих цепи, равна десяти с небольшим метрам. Высота сплошной части каменных опор – около семи с половиной метров. Опоры сделали из отборных плит и облицевали булыжным камнем. Длина каждого пролета – девяносто три метра, а ширина – шесть с половиной метров. Мостовое полотно пролетов подвесили к четырем цепям, каждая из которых состоит из шести полос толщиной три четверти... Впрочем, все это довольно скучные технические подробности. Скажем только, что испытывали на прочность и каждую часть мостовых конструкций, и сам мост, на который во время испытаний въехали, запряженные тройками, два чугунных стопудовых катка и три тележки, груженные камнями. Каждая весом по двести пятьдесят пудов. Общий вес груза составлял почти двадцать две тонны.

Движение по мосту было открыто в начале ноября восьмисот пятьдесят третьего года, но еще за месяц до этого, тридцатого сентября, возвращавшийся из Ковно Николай Первый в присутствии толп народа прошелся по мосту пешком. Его сопровождал начальник Первого округа Путей Сообщения полковник Герард, который в своем рапорте на имя графа Клейнмихеля докладывал: «К сему честь имею присовокупить, что Его Величество работами остался вполне довольным и несколько раз изволил повторить, что мосты красивы и очень хороши». Император еще и уездному предводителю дворянства отставному генерал-майору Меландеру сказал: «Очень рад, что мое желание, наконец, исполнено: поздравляю вас с мостом». Мост и правда очень хорош. Так хорош, что вот уже сто семьдесят лет ни одна открытка из Острова без его вида не обходится. Вся эта красота обошлась городу Острову почти в триста тысяч рублей¹⁹. Инженера Краснопольского наградили – он получил орден Св. Анны 2-й степени. В девятьсот

двадцать шестом году деревянные фермы жесткости заменили металлическими, поменяли деревянный настил пролетов и заменили сломанные в Гражданскую войну чугунные решетки. В девятьсот сорок четвертом один пролет моста повредили немцы во время боев за освобождение города, в сорок шестом его восстановили, а в две тысячи двадцатом капитально отремонтировали и отреставрировали. Мало того, что мост выглядит как новенький, так его еще и украшают триста шестьдесят энергосберегающих светильников. Правда, ремонт, за который заплатило Федеральное дорожное агентство, стоил триста двадцать миллионов рублей. Инфляция... Кстати говоря, две тысячи рублей серебром, собранных дворянством Островского уезда в восемьсот пятьдесят пятом году в пользу раненых и убитых в Крымскую кампанию, эквивалентны нынешним двум с лишним миллионам рублей.

Раз уж зашла речь о деньгах, то приведем и еще одну цифру. В восемьсот пятьдесят восьмом году городской доход был равен трем тысячам семьсот одному рублю серебром, что в переводе на нынешние деньги почти четыре миллиона бумажных рублей. Если же мы заглянем на официальный сайт городского поселения Остров, то увидим, что в две тысячи девятнадцатом году городской доход составлял немногим более сорока семи миллионов рублей. Тут бы крикнуть ура! и кинуть в воздух все имеющиеся чепчики, но, если посмотреть расходы города, которые в том же девятнадцатом году на почти семьсот тысяч больше доходов... Погодим с криками и чепчиками.

Не будем, однако, отвлекаться и забегать вперед. Вернемся к цифрам. Иногда они бывают занимательными. В восемьсот пятьдесят девятом году в Острове, если судить по статистическим данным, опубликованным в Памятной книжке Псковской губернии на восемьсот шестьдесят первый год, проживало 2067 человек. Почти поровну мужчин и женщин. Проживали они в 278 домах, из которых 44 были каменными. По части каменных домов Остров был уже не первым в губернии, а только четвертым – после Торопца, Великих Лук и, конечно, Пскова. У этих жителей имелось в хозяйстве 75 лошадей, 208 коров, 10 овец и 12 коз. Прямо скажем, немного – одна корова на десять человек. О свиньях и говорить нечего. По данным губернского статистического комитета в Острове торговали льном, кожами, лесом, разными земледельческими орудиями, съестными припасами, рогатым и мелким скотом, лошадьми, домашней птицей и рыбой. Торговых свидетельств островским купцам выдали шестьдесят восемь. Из них только одно – купцу второй гильдии, а все остальные – купцам третьей. Остров по численности и по богатству купечества был на предпоследнем месте в губернии. Пять торговых свидетельств было выдано торговцам-крестьянам по четвертому разряду и десять приказчикам, но тут и говорить не о чем. Как торговали льном и лесом – понятно. Как рыбой и домашней птицей – тоже понятно, но как рогатым и мелким скотом или кожей... Тем не менее, торговали. В городе даже была ярмарка. Проходила один раз в год, зимой.

Кстати, о коже. В городе не было ни одного завода по выделке кож. В городе вообще не было заводов – ни кожевенных, ни щетинных, ни мыльных, ни свечных, ни поташных, ни скипидарных, ни ткацких, ни бумажных, ни лесопильных, ни кирпичных, ни стеклянных, ни красильных. Никаких. Один винокурный, и тот в уезде. Куда заводы подевались... Ведь они были, по крайней мере кожевенные. В восемнадцатом году, как уже упоминалось, в городе держал кожевенный и юфтяной завод купец Федор Савельевич Карузин. Ну, бог с ним, с кожевенным заводом, он был всего один, но исчезли и двадцать два льняных завода, о которых в начале века писал еще академик Севергин. Пусть они были крошечные, но все двадцать два как корова языком слизала, хотя и коров в Острове было мало.

С ремеслами... Как было в начале девятнадцатого века с ремеслами плохо, так и через пятьдесят пять лет не стало лучше. В городе больше всего было хлебников – целых пять, три булочника, четыре мясника, три портных, один колбасник, четыре сапожника, два башмачника, два печника, три столяра, один шорник, один медник, пять кузнецов, один трубочист, один лудильщик, три стекольщика, один бондарь, один часовщик и,

кажется, все... нет, еще один коновал и один ювелир. Как сюда затесался ювелир – ума не приложу. Ни кожевников, ни модисток, ни перчаточников, ни художников, ни красильщиков, ни кондитеров, ни парикмахеров, ни маляров, ни свечников, ни гончаров, ни слесарей, ни часовщиков, ни каретников, ни даже извозчиков... Четыре сапожника в Острове насчитал еще академик Севергин в самом начале девятнадцатого века, но тогда в городе проживало почти в три раза меньше народу. Конечно, к ним прибавились два башмачника, но в башмаках удобнее всего ходить было только по центральной улице города – Полоцкой, потому что ее к тому времени замостили, а по остальным, особенно в межсезонье...

Теперь занимательное. В этом восемьсот пятьдесят девятом году в Острове родилось 85 православных младенцев – 49 мальчиков и 36 девочек. Из этих мальчиков только 36 были законнорожденными, а остальные 13 – нет, то есть 26,5%. Из 36 девочек только 21 законнорожденная, а остальные 15 – нет, то есть 41,7%. В процентном отношении незаконнорожденных детей к законнорожденным Остров был впереди всей губернии²⁰. Включая Псков. От губернии и вовсе с большим отрывом. Вот тебе и патриархальность, вот тебе и православие, вот тебе и незыблемые семейные устои. Теперь уж точно не узнать, почему так получилось²¹.

В восемьсот шестидесятом году произошло событие, открывшее не просто новую главу, а новую эпоху в истории Острова – двадцать шестого января из Пскова в Остров по только что построенной железной дороге пришел первый поезд. Это была не демонстрационная версия – поезд привез вагоны с пассажирами из Санкт-Петербурга. Пришел он вечером, а на другой день рано утром после того, как отслужили молебен, поезд отправился обратно в столицу. Уже через два года после этого события из Острова в Псков по железной дороге вывезли 43 241 пуд льна.

В том же шестьдесят втором году, в Острове заработал кожевенный завод, принадлежащий местному купцу Дементию Шишковскому. Конечно, это не был промышленный гигант даже по тем временам, но пять человек на нем все же работали, и производил он до пяти тысяч кож ежегодно. Кроме кожевенного в городе заработали пивоваренный и винокуренный заводы. Произошли, если верить губернской статистике, изменения в составе островских ремесленников – стало больше хлебников, портных, мясников, сапожников, кузнецов, слесарей, у них появились рабочие и ученики в количестве больше одного, и, самое удивительное, в городе появились парикмахер, семь извозчиков (лошадей в городе стало в три с лишним раза больше), три маляра и один переплетчик. Теперь в Острове можно было и постричься, и прокатиться на извозчике. И вот еще что. В шестьдесят втором году Остров уступил первое место по незаконнорожденным детям Пскову, но дальше второго места не опустился. Далеко было Острову до Порхова, в котором в том же году на сто двадцать мальчиков родилось всего пять незаконнорожденных.

В восемьсот шестьдесят четвертом году в Острове учредили акционерное общество по торговле льном с Высочайше утвержденным уставом. Открылись семнадцать складов с общим оборотом в четыре с половиной миллиона рублей. Вот что сделала с уездным городом железная дорога. Выпустили четыре тысячи акций номиналом по сто рублей. Назначили год для их продажи. Первоначальный взнос за акцию мог быть двадцать пять рублей, а остальное можно было доплатить потом, в установленные собранием акционеров сроки. Деньги присылали на имя островского купца второй гильдии – Льва Лапина. Он был одним из соучредителей общества. Правда, через год «Псковские губернские ведомости» сообщили, что Общество прекращает свою деятельность в городе Острове, но ведь открывалось же, и вообще такое может случиться с любым акционерным обществом потому как конкуренция, рынок, капитализм, который в России после отмены крепостного права стал ходить с гордо поднятой головой.

Буквально на один абзац отвлечемся от капитализма и на полях островской истории отметим, что в восемьсот шестьдесят пятом году при городской тюрьме на

средства председателя Островского тюремного комитета купца первой гильдии Алексея Орлова была построена церковь во имя Св. преп. Алексия человека Божия. Конечно, это не открытие большого акционерного общества с миллионными оборотами и, может быть, не стоило о таком событии и упоминать, но изюминка, вернее, ложка дегтя в этой бочке меда, вернее, еляя, есть, и заключается она в том, что через недолгое после построения церкви время поехал купец Орлов в Сибирь за сбыт фальшивых денег. Интересно, на какие деньги он строил тюремную церковь – на настоящие или...

Вот теперь снова про развитие капитализма в одном отдельно взятом уездном городе Псковской губернии. К восьмьсот шестьдесят пятому году в Острове уже работало десять заводов. Не машиностроительных, конечно, и не по производству серной кислоты, хотя в России и тогда уже такие были, но... три пивоваренных, один водочный, два кирпичных и четыре красильных все же производили все то, что положено им производить. На этих заводах работала очень малая часть островичей, поскольку и сами заводы были очень и очень малы. Большинство жителей занималось обработкой льна в местных льнотрепальнях. Крупными они тоже не были и стали увеличиваться в размерах и оснащаться современной техникой только к концу века. Часть горожан работала на станции железной дороги.

Самое удивительное, что через десять лет, по данным губернского статистического комитета, от десятка заводов не осталось ни одного – только два винокуренных завода, да и те не в городе, а в уезде. В Острове было где выпить – на три тысячи с небольшим жителей²² имелось семнадцать трактиров, четыре буфета, двадцать два питейных дома и штофных лавки. Ко всем этим питейным заведениям прилагались три оптовых склада вина и спирта, склад пива и водочный склад. Что касается объемов выпитого, то Остров, как и в случае с незаконнорожденными детьми, был впереди всей губернии, исключая, правда, Псков. В восьмьсот семьдесят пятом году на душу каждого островича приходилось 1,97 ведра вина в год или, в пересчете на наши литры, 24,23 л. Житель Пскова обгонял островича по этой части на 2,83 л. Ну, Псков все же город губернский, а не уездный.

Оставим, однако, эти низменные материи. Обратимся культуре и образованию. Речь пойдет, не об оперных театрах, издательствах и художественных галереях, а об обычных книжных лавках, библиотеках и типографиях. Так вот, в Острове к восьмьсот семьдесят восьмому году, если говорить о типографиях, имелся литографический станок Островской земской управы, а если о библиотеках, то книжный шкаф на станции Остров. Принадлежал этот шкаф московскому мещанину Александру Васильевичу Хлебникову и продавал он в нем только газеты. Не густо, что и говорить – в соседней Опочке к этому времени было уже три довольно больших библиотеки на чуть меньшее количество жителей, а в Новоржеве, в котором проживало в два с лишним раза меньше жителей, чем в Острове, открылись две библиотеки и книжный магазин.

Что касается образования, то в Острове работали городское трехклассное училище и приходское. Имелось еще четыре частных учебных заведения – три для девочек, а одно общее для девочек и мальчиков. Обучалось в принадлежащих городу и частным лицам учебных заведениях всего 273 мальчика и девочки, а вот в уезде работала тридцать одна сельская школа, в которых учились грамоте 2867 детей обоего пола. Нет смысла напоминать о том, что девочек обучалось существенно меньше, чем мальчиков²³.

Все же не хочется, чтобы читатель думал об островичах как о людях, у которых был только принадлежащий москвичу книжный шкаф с газетами на станции да два ведра вина на душу населения. В восьмьсот восьмидесятом году в Острове открылась трехклассная Александровская женская прогимназия с приготовительным классом. Постановила открыть ее Городская Дума в память 25-летия царствования Александра Второго. Сам император дал согласие на это постановление. Прогимназию предполагали содержать на средства города. Средства в таком городе, как Остров, означали прежде всего деньги от купечества, и потому местное купеческое общество, не откладывая дела в

долгий ящик, постановило обложить капитал островских купцов на пять лет вперед сбором в размере двадцать пять рублей с купцов первой гильдии и десять рублей со второй. Собранный капитал отдавался в распоряжение Городскому общественному управлению по устройству женской прогимназии. Сама Городская Дума тоже не сидела сложа руки и купила за счет городского бюджета дом у купца Быкова под помещение прогимназии и начала в нем ремонт.

В состав Попечительного совета прогимназии был практически всесловным – в него входили и дворяне, и мещане, и купцы, и купеческие жены, и купеческая вдова, и даже один крестьянин²⁴. В восьмьсот девяносто третьем году в прогимназии уже обучалось сто пять девочек, а в девятьсот восьмом она была преобразована в гимназию. Она и сейчас работает, только называется Пятой школой.

Нельзя не заметить, что учиться в частной школе было совсем недешево. К примеру, за год обучения в островском частном училище г-жи Поппе нужно было заплатить шестьсот рублей, а в частном училище г-жи Быковской плата за год была уже в два раза с лишним выше. Это вам не городское трехклассное училище, годовая плата за обучение в котором составляла четыреста сорок пять рублей. Тоже, конечно, не даром. Совсем не даром.

Неправильно было бы думать, что в Острове не было никакой культурной и общественной жизни. Начиная со второй половины девятнадцатого века в городе росли как грибы после дождя самые различные общества. Большею частью это были общества благотворительные, существующие на скромные взносы тех, кто в них состоял, или на финансовую помощь местных благотворителей. В длинном списке таких обществ значились: Общество трезвости (куда же у нас без него), Общество сельского хозяйства, Купеческое общество, Городское общество, Мещанское общество, Пожарное общество, Общество вспомоществования нуждающимся ученицам Александровской женской прогимназии, Островский пункт Общества помощи ручному труду, Городское общество взаимного от огня страхования, Евангелическо-лютеранское общество, Благотворительное общество, Общество любителей музыки, хорового пения и драматического искусства, Островский отдел Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям, Общество улучшения народного труда в пользу царя освободителя Александра II, Попечительное о Доме трудолюбия общество, Кружок трудовой помощи... Между прочим, создать все эти общества было не так уж и просто – уставы светских обществ утверждались в Министерстве внутренних дел или самим министром, или его заместителем, а уставы религиозных – епископом Псковским и Порховским.

Общество вспомоществования нуждающимся ученицам Александровской женской прогимназии было небольшим. В девятьсот седьмом году в нем состоялось семьдесят девять человек, и собрали они почти сто шестьдесят рублей. Деньги, прямо скажем, маленькие, особенно если разложить их на всех членов общества, но и на них можно было купить нуждающимся гимназисткам обувь, одежду и учебные пособия. Это с одной стороны, а с другой... Сейчас такого общества в Острове нет вовсе. Не только в Острове нет. Только представьте себе какой угодно нынешний райцентр с населением в пять, в десять или даже в двадцать тысяч, в котором наберется восемь десятков человек, отдающих свои деньги и обивающих пороги у тех, кто может их дать на покупку... Представили? То-то и оно. Нуждающиеся ученики есть и еще долго будут, а вот с обществами, которые им помогают, дело обстоит не так хорошо, как хотелось бы. Конечно, нуждающимся ученикам должно помогать государство, и оно им помогает как ~~хочет~~ может, но...

С Домом трудолюбия²⁵ вышла целая история. Стали собирать на него деньги и собрали восьмьсот тридцать рублей, которые внесли в городское казначейство. Эти деньги должны были стать неприкосновенным капиталом общества Дома трудолюбия, согласно утвержденному министерством внутренних дел уставом, а потом... потом деньги собирать не перестали, но островичи перестали их давать. В конце июня восьмьсот восемьдесят восьмого года островский уездный полицейский исправник доносил

псковскому губернатору, что Дом трудолюбия открыть никак невозможно, поскольку нет денег на то, чтобы нанять для него помещение. Удивительным образом островский уездный полицейский исправник ротмистр Вениамин Вениаминович Холодковский оказался тем человеком, который пусть и по долгу службы, но больше всех в Острове хлопотал об открытии Дома трудолюбия. В рапорте губернатору он пишет: «...обратился в Островскую Городскую управу с просьбой – не найдет ли она возможным ежегодно давать обществу трудолюбия рублей 200, или нанимать необходимое для него помещение. Мое предложение рассматривалось в заседании Думы 12 июля минувшего года, но было оставлено без последствий за неуказание точных сведений – на сколько человек предполагается открыть дом трудолюбия? 29 ноября минувшего года... вновь обратился в Островскую Городскую Управу с ходатайством о найме и с объяснением, что на первое время предполагается открыть на 10 человек, но Дума на заседании своем 1 минувшего декабря вторично оставила это ходатайство без последствий за неуказанием ей еще более точных сведений: на какие средства предполагается содержать дом трудолюбия и во что обойдется содержание каждого призываемого? Таковых сведений я не мог доставить Управе на основании того, что дом трудолюбия еще в проекте и выяснить средства, на которые будет существовать дом трудолюбия и определить содержание каждого нищего можно только практическим путем – по истечении одного-двух месяцев существования означенного дома. В виду такого индифферентного отношения городской Думы к устройству дома трудолюбия и вообще полнейшего отсутствия сочувствия большинства местных обывателей (они же гласные городской Думы) к делу благотворительности, я считаю долгом доложить Вашему Превосходительству, что если Островская Дума в следующее заседание, которое имеет место быть месяца через два или три и ассигнует какую-либо сумму на наем помещения и следовательно явится возможность открыть дом трудолюбия с попечительным на при нем обществом, то таковой, по моему мнению, недолго просуществует, так как на проценты с имеющегося неприкосновенного капитала 830 руб. возможно содержать лишь одного человека; подписавшихся же членов благотворителей всего лишь 35 человек. На другие же источники, как, например, сборы с концертов и спектаклей нельзя особенно рассчитывать за неимением постоянного кружка любителей драматического искусства».

Некрасиво получается. Выходит, что и городская Дума, и островичи, если верить полицейскому исправнику, какие-то бесчувственные люди и к делу благотворительности... а это не так. Островский почетный гражданин Константин Петрович Калашников²⁶ завещал Благотворительному обществу три тысячи рублей. Городская Дума все-таки назначила Благотворительному обществу пособие в двести рублей, Земское Собрание добавило еще триста. Еще две тысячи с лишним рублей собрали островичи – и те, кто состоял в Благотворительном обществе, и те, кто не состоял. Островское уездное земство взяло на себя расходы по содержанию учителей при школе Дома трудолюбия. В восемьсот девяносто пятом году открыли дешевую столовую, чтобы бедные старики, учащиеся дети бедных родителей могли обедать в ней бесплатно, а все остальные за специальные марки или ночлежные деньги. На Рождество и на Пасху бесплатные обеды раздавались всем. При этой столовой устроили и ночлежку. Почетный гражданин Калашников и тут помог – предложил для этой столовой помещение бесплатно. В столовой разрешили пожить бедной вдове с тремя малолетними детьми и одному бесприютному ребенку. Правда, помещение Калашников дал всего на год, а потом его пришлось арендовать, хотя и недорого, у другого домовладельца. При столовой и ночлежке открыли мастерскую, в которой плели корзины и другие предметы домашнего обихода. Взяли туда одиннадцать мальчиков, занимавшихся нищенством, и бесприютных сирот.

В девятьсот первом году город уже выделил бесплатно землю под строительство дома, уже и план был разработан, и весной хотели начать стройку, но... в том же году островский купеческий брат Александр Дорофеевич Посисеев завещал попечительному

обществу для Дома трудолюбия свой собственный каменный двухэтажный дом со всеми постройками. В него Дом трудолюбия и вселился еще при жизни завещателя. Через два года при Доме открылась школа, в которой обучались «ученики обоого пола беднейшего населения города».

В восемьсот восемьдесят шестом году по инициативе уездного казначея Роберта Федоровича Поппе в Острове организовали вольное пожарное общество. Состояло оно, как и все тогдашние пожарные общества, из жертвователей и тушителей. Через шесть лет после основания общества в Острове было восемьдесят пять жертвователей, внесших в кассу общества почти триста рублей. У островских тушителей на вооружении имелся самый современный американский пожарный насос, или, как тогда говорили, пожарная труба. Правда, он быстро сломался, но сейчас не об этом, а о том, что в восемьсот девяносто четвертом году Островское пожарное общество присоединилось к Российскому пожарному обществу, и сам председатель Российского пожарного общества, его Императорское Высочество Великий князь Владимир Александрович вбил второй серебряный гвоздь в древко знамени Островских пожарных с вензелем Его высочества. Второй потому, что первый гвоздь в древко островского знамени вбил император Александр Третий на Всероссийской пожарной выставке в столице. Тогда двадцать пять знамен российских вольных пожарных обществ удостоились этой чести. На выставке от Островского пожарного общества присутствовали начальник общества Николай Григорьевич Белянинов, брандмейстер Петр Петрович Селюгин и член совета общества Иван Иванович Семендяев²⁷.

Между прочим, выставка была передвижной, и когда она приехала по железной дороге в Остров, действительные члены Островского пожарного общества для ее осмотра проследовали на станцию строем, под знаменем и в сопровождении хора военного оркестра. Воля ваша, а пожарное общество способствовало много к украшению города. Пусть и не кавалергарды, но и не пехотный батальон.

И еще. В восемьдесят пятом году приезжал в Остров Великий князь Владимир Александрович. Выслушал в Троицком соборе Божественную литургию вместе с епископом Псковским и Порховским Гермогеном, посетил николаевскую церковь, потом Земскую больницу, тюрьму и казарму. Позавтракал и укатил в Опочку. Это, конечно, не осада города Стефаном Баторием, и не приезд Екатерины Великой, но тоже событие. Может это и не слова, а междометия или даже знак препинания, но из песни об истории Острова их не выкинуть.

Немного статистики. В восемьдесят шестом году город израсходовал на приобретение и возложение венка на установленный во Пскове памятник Александру Второму 109 руб. 16 коп., на оборудование в городском училище помещения для ремесленных классов ровно сто рублей и на пособие комитету учредителей Общества улучшения народного труда в память Царя Освободителя – 100 руб. 71 коп. Выходит, что к подножию царского памятника положили целые ремесленные мастерские. Если оставшиеся 9 руб. 16 коп. перевести в цены на продукты того времени, то выходит еще 1, 23 кг паюсной икры или 125 кг черного хлеба.

Теперь совсем другая история из общественной жизни Острова последней четверти позапрошлого века. В восемьсот семьдесят девятом году островский мещанский староста Александр Петрович Белавин обратился к мещанскому обществу города с предложением, которое лучше не пересказывать, а процитировать: «В предшествующие года совершался крестный ход со Св. иконами с Печерского монастыря в г. Псков, а потом и в Остров, а именно: 17 октября, в память избавления этих городов и всего нашего Отечества от французов в 1812 году; но с некоторого времени этот крестный ход прекращен в наш город, потому что жителям г. Острова не стало отпускаться никаких сумм на поднятие и сопровождение Печерской Святыни и содержание служащих от Пскова до Острова. Имея ввиду, что благочестивые обычаи низводят на нас Божие благословение и ограждают нас от злых и разрушительных начинаний врагов нашего отечества, как это очевидно

выразилось 2 апреля сего 1879 года над отечеством нашим в лице нашего возлюбленного Государя Императора, чудесно спасшегося Промыслом Божиим от злодейского покушения на жизнь Его Священной Особы, и имея в виду в будущем 1880 году исполнение 25-летнего юбилея царствования возлюбленного нашего Государя Александра Николаевича, я, милостивые государи, имею честь предложить Вам как для укрепления на будущее время в нас и детях наших благочестивых и святых чувств к религии так и в память преданности нашей к отечеству и возлюбленному нашему Монарху возобновить и установить в честь и память сказанных событий крестный ход со святыми чудотворными иконами из Печерского монастыря в г. Остров по примеру давно минувших лет к 17 октября, для чего ежегодно отпускать из запасных средств сто руб. сер. И вносить таковые в Печерский монастырь с тем, чтобы крестный ход был совершаем не только при нас, но и потомками нашими постоянно в назначенное время из Пскова в г. Остров. А потому прошу составить о сем приговор и предоставить мне право просить на сие благословение Его Высокопреосвященства».

Островские мещане долго не думали и на предложение своего старосты ответили согласием и даже постановили старосту благодарить «за столь благочестивые вразумления его». В том же году, в октябре, Псковская духовная консистория крестный ход разрешила. Как только разрешила – так мещане деньги собрали и отдали в монастырь. Власти им не помогали. Могли бы хоть парад расквартированного в городе Второго запасного батальона Псковского пехотного полка провести в Острове, но не провели. Могли бы помочь с деньгами на крестный ход, но не дали. Да у них никто и не просил. Почему-то островским мещанам это и в голову не пришло.

Аналогии с сегодняшним днем... лучше не проводить. Толку от этих аналогий. Через двести лет... Никто не знает, что будет с нашей памятью через двести лет. Даже через сто лет не знает. Что будет с нами, хорошо известно, а вот что с памятью...

Впрочем, мы отвлеклись. Вернемся в Остров конца позапрошлого века. В восьмидесятом году в городское приходское училище был такой наплыв учеников, что Островской Земской управе пришлось даже открыть еще одну школу неподалеку от города. Правда, через год ее закрыли и вместо нее в городском училище организовали параллельный класс. Плату за обучение десяти бедных мальчиков внес город. Городские власти решили выделить триста рублей на преподавание иностранных языков в городском училище, но... передумали и истратили двести рублей на учебные пособия беднейшим ученикам. Если вспомнить первое городское малое народное училище, в которое сто лет назад родители не хотели отдавать детей, на которое островские власти жалели денег... лучше и не вспоминать.

В том же году город украсился городским садом и шестью новыми фонарными столбами. Окончательно была замощена главная улица Острова, на которой селились самые богатые островские купцы, дворяне и чиновники – Полоцкая. Поскольку такие мостовые довольно быстро приходили в негодность, то их нужно было время от времени ремонтировать. В центре фотографии Полоцкой улицы начала прошлого века виден столб, возле которого приехавшие торговать в город в базарные дни складывали булыжники для ремонта. Часть Успенской улицы, как тогда выражались, шоссировали – то есть укатали щебнем. Приготовились замостить еще одну улицу – Ильинскую. И это не все. Через два года открыли лютеранский молитвенный дом и синагогу. Через семь лет приходское училище для девочек, еще через год, в восьмьсот девяностом году в Острове купчихой Степановой открыта первая типография. Правда, через восемь лет она сгорела в результате несчастного случая. В девяносто первом году купцами братьями Петром и Александром Посисеевыми открыта богадельня, в которой поселилось десять женщин. Жили они на средства, которые им определили братья Посисеевы. Выходило по шестьдесят три с половиной рубля на человека в год. Немного, но куда лучше, чем ничего. При том, что братья Посисеевы у города, кроме разрешения открыть богадельню, не попросили ровным счетом ничего.

Братья Посисеевы на благотворительность денег не жалели. Александр Дорофеевич Посисеев завещал тысячу рублей островской женской прогимназии с тем, чтобы проценты с этого капитала, положенного в сберегательную кассу местного казначейства, шли на обучение бедных учениц. Не у всех, конечно, были такие деньги. Купеческая вдова Шишковская пожертвовала сто рублей, чтобы впоследствии на проценты с этой суммы можно было содержать по одной стипендиатке в женской прогимназии и в городской богадельне. Кстати, богаделен в Острове к концу девятнадцатого века было уже три.

Снова о делах благотворительных. В начале января восьмьсот девяносто пятого года в Острове открыли столовую для бедных. Содержало ее островское благотворительное общество. Разносолов там не подавали, но обед, который можно было купить всего за шесть копеек, состоял из щей, супа и каши – гречневой, гороховой, ячневой или просяной. К этим двум блюдам давали еще и фунт хлеба. Черного, конечно. Тех, у кого и шести копеек не было, кормили бесплатно. Годовое содержание столовой обошлось островским благотворителям в 2241 руб. 59 коп. За год существования столовой накормили обедами за деньги и бесплатно 38406 взрослых и детей. В день выходило по сто с лишним человек. Еще и ужинами накормили 5852 человека. Еще и на дом отпустили 7947 порций. Работала столовая не покладая рук. Цифры, конечно, скучные, если за ними не видеть длинные, грубо сколоченные деревянные столы с железными мисками и тех, кто приходил за этими обедами и ужинами в рваных армяках, в ветхих овчинных тулупах, веревочных лаптях или робко просящих каши старых сапогах.

В год открытия столовой в островском благотворительном обществе состояло сто семьдесят пять человек. Общество, кроме содержания столовой, выдавало единовременные и постоянные пособия нуждающимся, оплачивало баню неимущим, покупало бедным ученикам одежду, обувь и учебные пособия.

И о делах богоугодных. В восьмьсот девяностом году упразднили церковь во имя Св. пр. Алексия человека Божия при островской тюрьме. Ту самую, которую за двадцать семь лет до этого устроил купец-фальшивомонетчик Орлов. Упразднили, сломали и выстроили новую тюремную церковь, побольше. Называлась она теперь сложнее – во имя пр. Алексия человека Божия и в память избавления Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича от угрожавшей Ему опасности 29 апреля 1891 года в Японии, в г. Отсу. Церковь была построена на добровольные пожертвования островичей и обошлась в общей сложности в пять тысяч рублей, из которых двести дала сама тюрьма, а четыреста и землю под строительство дала городская Дума.

Перейдем к промышленности. По данным Псковского губернского статистического комитета, Остров к концу девятнадцатого века превратился в один из самых крупных российских центров торговли льном. В восьмьсот девяносто третьем году город и уезд давали пятнадцать процентов льняного экспорта России. Торговля с границей была налажена непосредственно через конторы иностранных компаний, расположенных в Острове. В девяносто седьмом году на пятнадцати льняных складах в городе хранилось продукции на почти три миллиона рублей, а на двадцати девяти уездных складах чуть более чем на триста тысяч. Золотой век Острова был льняным. На этом льняном фоне вся остальная полукустарная промышленность города и уезда смотрелась как собака породы чихуахуа на фоне индийского слона. Заводов и фабрик в городе и уезде было много, но их размер, но количество рабочих, на них занятых, но стоимость выпускаемой продукции... К примеру, имелся в Острове мыловаренный завод. Не то чтобы завод с большой кирпичной трубой, цехами и гудком, который зовет еще затемно рабочих стать к мыловаренным станкам, но завод, на котором работало трое рабочих, и производили они в год мыла на пятьсот рублей. Какая уж тут кирпичная труба и гудок... В уезде был точно такой же мыловаренный завод с тремя рабочими, только производили они мыла в год на двести рублей. Мукомольные предприятия в Острове были не крупнее мыловаренных. Их было два, и работало на них пять человек, то есть по два с половиной на каждом, и

продукции они производили на тысячу с небольших рублей в год. В уезде таких мукомольных предприятий, а попросту говоря, мельниц, имелось сто девять, и работало на них сто двадцать восемь рабочих. Если поделить количество рабочих на количество мельниц... Таким же был и островский завод прохладительных напитков – трое рабочих. Правда, производили они этих напитков на целых две тысячи рублей в год. По сравнению с этими заводами два городских кирпичных завода были просто гигантами – их было два, на них работало целых двадцать человек, и производили они кирпичей на одиннадцать тысяч рублей в год. В уезде кирпичные заводы были куда мельче – на пяти заводах работало четырнадцать человек, и продукции они производили всего на две с половиной тысячи рублей. Были заводы не просто мелкие, а очень мелкие. К примеру, на дюжине дегтярных заводов в уезде работала ровно дюжина человек, выгонявшая дегтя на восемьсот рублей в год. Самыми крупными предприятиями в уезде были лесопилки – их было две, и на каждой работало по восемь человек. Обе они производили продукции на пятнадцать с лишним тысяч рублей в год. Остались не перечисленными только кожевенные, красильные, синильные, овчинные заводы и маслобойни. Впрочем, они вместе взятые давали продукции... и на десять тысяч не наберется. Это вам не льняные миллионы. Доходную часть островского бюджета, составившую в девяносто седьмом году немногим более тридцати пяти тысяч рублей с доходами от льна, тоже лучше не сравнивать. И еще об островской промышленности. На всех островских заводах и фабриках работало около двухсот человек, а в переработке льна было занято более трехсот.

Заканчивая разговор об островском девятнадцатом веке, упомянем еще два события. В девяносто восьмом году сгорела типография купчихи Степановой. Через год другая купчиха – Анна Григорьевна Фуфаева открыла в Острове типографию. В этой типографии в 1913 году будет издана первая книга по истории Острова протоиерея Николая Александровича Панова. «Летопись г. Острова и его уезда Псковской губернии (Материалы к истории г. Острова и его уезда)».

Чуть не забыл. В конце девятнадцатого века проживало в Острове 6258 человек, и помещались они вместе со всеми своими домами, огородами, церквями, собором, молитвенным лютеранским домом, синагогой, трактирами, торговыми лавками, постоянными дворами, кузницами, парикмахерской, больницей, тюрьмой, тремя богадельнями, Домом трудолюбия, городским садом, керосиновыми фонарями, льняными складами, типографией, женской прогимназией, городскими училищами, мыловаренными, кирпичными и красильными заводами на площади в сто три гектара, или чуть более одного квадратного километра.

Двадцатый век в городе начался с того, что городской голова Федор Васильевич Семендяев на собственные средства устроил в городе артезианский колодец, дававший воду в большом количестве и хорошего качества. На пятьсот пятьдесят девятом году существования Острова. Глубиной колодец был чуть более семидесяти метров и обошелся городскому голове в пять тысяч личных, а не общественных рублей. Еще тысячу он заплатил за то, чтобы воду из колодца провести в собственный дом. Самим же колодцем могли пользоваться и все остальные островичи. Даже и не думайте говорить «тоже мне событие» и усмехаться. На рубеже позапрошлого и прошлого веков провинциальная Россия из «немытой» превращалась в мытую. Так было не только в Острове. Так было и в Коломне, и в Серпухове, и в вятском Котельниче, и в вологодском Грязовце... Правда, в соседних Великих Луках водопровод появился только в девятьсот тридцать седьмом, а в соседнем Гдове и вовсе в девятьсот пятьдесят пятом, но сейчас не о них. До устройства городского водопровода в Острове было еще очень далеко, но начало было положено артезианским колодцем, устроенным на средства Федора Васильевича Семендяева. На личные средства потому, что в городском бюджете денег на устройство водоснабжения не было. Что удивительнее всего, не было даже для городского головы. Федор Васильевич и вообще много сделал для благоустройства города. При нем благоустроили набережную

реки Великой – устроено несколько спусков к реке, проложены параллельно реке две аллеи и обсажены деревьями. Горожане прозвали эти аллеи Семендяевским бульваром. Аллеи и сейчас есть, и деревья на них растут те самые, которые посажены при Семендяеве, вот только жаль, что Семендяевским бульваром никто это место давно не называет.

Каких-то эпохальных событий в начале двадцатого века в Острове не происходило – события были такими, которыми они обычно и бывают в небольшом уездном городе империи – в том, который в провинции, но не у моря. Каждый год что-то горело – в девятьсот втором сгорел лютеранский молитвенный дом. Через год его вновь построили, но уже каменный. Неподалеку от города заработал кожевенный завод купца Преображенского. По островским меркам большой – от шести до девяти рабочих. Выделяла эта бригада от восьми до десяти тысяч кож ежегодно. В самом городе промышленности считай что и не было – назвать промышленностью мыловаренную мастерскую и два заводика по производству сельтерской и содовой воды язык не поворачивается. Столовая общества трудолюбия производила больше обедов для бедных, чем все эти заведения мыла и сельтерской воды. В девятьсот втором году она накормила более тридцати пяти тысяч взрослых и детей. Островские благотворители истратили на столовую 1575 руб. 8 коп. Островские обыватели в том же году купили в казенных винных лавках больше девяти тысяч ведер водки на сумму 70544 руб. 99 коп. С учетом того, что проживало в Острове к тому времени чуть больше семи тысяч человек, то получается, что каждый острович выпивал в год почти шестнадцать литров сорокаградусной и тратил на это около десяти рублей. Я это вовсе не к тому, чтобы сравнить затраты на столовую с затратами на водку – вовсе нет. Просто так получилось, что эти цифры встали рядом. Между ними можно поставить множество других цифр, чтобы не возникало никаких ненужных ассоциаций. К примеру, сумму в 978 руб. 9 коп., истраченную на освещение города. В девятьсот третьем году Остров освещали семьдесят три керосиновых фонаря²⁸. К тому времени, по данным Псковского Губернского Статистического Комитета, в городе было восемнадцать улиц и переулков общей протяженностью десять верст. Замостили из них около трети – остальные были грунтовыми. На этих улицах и переулках стояли триста пятьдесят деревянных, полторы сотни каменных и сотня полукаменных домов. Проживали в этих домах, как уже упоминалось, около семи тысяч человек. Женщин и мужчин примерно поровну. Из этого количества 87,2% русских, 5,8% евреев, 3% латышей, 2% поляков, 1% немцев и 1% эстонцев. Лечили островичей три врача и пять фельдшеров. Болеющих серьезно укладывали в одну из двух городских больниц, в которых имелось семьдесят коек. Тем, кто собрался рожать, могли помочь в этом нелегком деле пять акушерок и повивальных бабок²⁹. Купить лекарства можно было в одной вольной, то есть в частной аптеке и в одном, тоже частном, аптекарском магазине, который продавал только готовые, в фабричной упаковке, но не приготовленные здесь же лекарства. Прибавим ко всему вышеперечисленному две нотариальных конторы, типографию, фотоателье, две библиотеки, два начальных училища³⁰, четыре конных ярмарки ежегодно и еще одну, на которой торговали красным товаром, шестьдесят извозчиков, две гостиницы, десять постоянных дворов, две общественных бани, отделение Псковского коммерческого банка, клуб под названием «Общественное собрание», двух полицейских надзирателей, тринадцать городских, одного ветеринара, одну тюрьму, в которой за год перебивало больше тысячи человек, и получим Остров образца девятьсот третьего года. Остров образца девятьсот третьего года еще и долгов не имел. Профицит его бюджета составлял почти тысячу рублей. Маловато, конечно, но ведь и доходов у города в том году было немногим более тридцати восьми тысяч.

В девятьсот пятом, если судить по материалам к истории г. Острова и его уезда, аккуратно и тщательно собранным Николаем Александровичем Пановым, ничего особенного не произошло, за исключением наводнения, когда в весеннее половодье

Великая вышла из берегов и затопила Полоцкую улицу. Высота воды составляла полтора аршина, то есть метр и шесть сантиметров, и стояла она так десять часов. Пять раз в городе начинался пожар и пять раз его тушили. В августе Псковский губернатор утвердил устав Островской Общественной библиотеки, и тогда же состоялось первое собрание ее учредителей. В декабре общее собрание учредителей библиотеки утвердило смету на следующий год в сумме семьсот рублей и постановило открыть библиотеку в январе девятьсот шестого года. Панов забыл написать о том, псковский губернатор граф Адлерберг в разгар русско-японской войны стал формировать в губернии народное ополчение и предписал временно прекратить питейную торговлю. В Острове в связи с этим его предписанием закрыли девятнадцать пивных лавок, семь оптовых складов, четыре винных погреба, два трактира, четыре казенных лавки и станционный буфет.

В мае девятьсот шестого освятили католический храм, в августе делегаты Островского вольного пожарного общества со своим знаменем выезжали во Псков на празднование двадцатипятилетней годовщины основания Псковского пожарного общества, в Острове открыли Общество вспомоществования нуждающимся ученицам Островской Александровской женской прогимназии, островский купец и почетный гражданин Федор Васильевич Семендяев пожертвовал тысячу рублей с тем, чтобы на проценты с этого капитала содержалась одна ученица в женской прогимназии, Островская земская управа просила очередное земское собрание разрешить приобрести ей имение Родовое, чтобы устроить там больницу, сельскохозяйственную школу, сельскохозяйственный склад... Короче говоря, что было в девятьсот пятом, то и в девятьсот шестом и в девятьсот четвертом, и в девятьсот третьем. Это если судить по книге Панова, а если это делать по легально издававшейся во Пскове большевистской газете «Пчела», то выходило не совсем так или совсем не так.

В девятьсот пятом и девятьсот шестом годах в Псковской губернии был неурожай и начался голод. Вот что писала газета четвертого мая девятьсот шестого года: «В нашем уезде в настоящее время выдается хлебная ссуда голодающим крестьянам. Отпущено на уезд на 3 месяца на 125 тыс. едоков 381 тыс. пудов ржи, т. е. в среднем по 3 пуда на человека. Распределение ссуды между отдельными домохозяевами сделано неправильно, что и вызывает много жалоб со стороны обойденных. Раздача хлеба начата еще в двадцатых числах марта, но и до сих пор еще не окончена вследствие слабого поступления вагонов с рожью. Подряд по поставке ржи на всю губернию взял в губернском присутствии миллионер Петербургский хлебный торговец Давыдов, к которому губернская администрация, заключившая с ним контракт, относится очень снисходительно. Подрядчик по контракту обязан был погрузить в вагоны все количество хлеба не позднее 10 апреля, а между тем, погрузка хлеба продолжалась и после 20 апреля, так что, например, в Островский уезд прибыло только немного более половины того количества ржи, какое ему назначено в ссуду, и по качеству прибывший хлеб во многих случаях был неудовлетворительным. На Островской станции, местному уполномоченному Губернского Присутствия, Председателю Островской Земской Управы Беклешеву³¹ пришлось забраковать значительное число вагонов хлеба вследствие сорности и недостатка натурального веса. А на станцию “Корсовка” пришли вагоны с совсем-таки скверным хлебом, который голодающие крестьяне, однако, разобрали. “Поневоле берешь, говорили они, когда дома ни куска хлеба”. Из волостей восточной части уезда... идут дурные вести: хлеб давно вышел, яровые семена проедены, денег нет, сеять поля нечем. Когда крестьяне этих несчастных волостей получают продовольственную ссуду – неизвестно, т. к. поставщик, как выше сказано, не спешит с поставкой хлеба, а губернская администрация, по-видимому, не принимает никаких мер к тому, чтобы поставщик в точности соблюдал условия по поставке хлеба...».

Часть голодающих крестьян потянулась в Остров и там устроилась сезонными рабочими к островским огородникам. Работать им приходилось по восемнадцать с половиной часов в сутки. Мужчины при этом получали по двадцать пять копеек, а

женщины и того меньше, поскольку время от времени отлучались кормить детей. Неудивительно, что при таких условиях они забастовали, требуя, чтобы рабочий день начинался в пять, а не в три утра, и оканчивался с заходом солнца. Удивительно, что забастовали далеко не все, и потому хозяева требования не удовлетворили, а только согласились те два часа, которые рабочие бастовали и предъявляли требования, не высчитывать из заработной платы³².

Забастовка островских булочников была удачнее. Булочники добились и сокращения рабочего дня, и выделения им комнат для отдыха, и доброкачественного питания. В девятьсот шестом году в Острове бастовали еще и приказчики, которых в городе было более двухсот. Они требовали сокращения рабочего дня, поскольку он у них был немногим меньше, чем у огородников – тринадцать-пятнадцать часов, да и работали они практически без выходных. Большевицкая газета «Пролетарий», издававшаяся в Женеве, по поводу забастовки приказчиков писала: «В Острове было движение приказчиков, требовавших 9-часового рабочего дня. Но солидарности не было, т. к. экономическое положение приказчиков слишком разное. Отпраздновали 1 Мая, но практических результатов не добились». Может, сразу и не добились, но в девятьсот восьмом году Островская городская дума составила, а псковский губернатор издал обязательные постановления об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах г. Острова. В постановлении этом было черным по белому написано о том, что «Торговля, а также занятия служащих, связанные с торгово-промышленною деятельностью... не дозволяется совершенно по воскресным дням и двенадцатым праздникам, в первый и во второй дни Рождества Христова; 1 января (в Новый год), в сырную субботу (на масленицу), в 1, 2 и 3 дни Св. Пасхи, а также в дни: 1 октября и 6 декабря».

В конце мая в Острове временным отделением Псковского Окружного суда судили двадцать шесть крестьян, обвинявшихся в незаконной порубке леса в ноябре девятьсот пятого года. Пятнадцать из них еще и оказали сопротивление полиции, когда та пыталась прекратить порубку. Крестьяне, как пишет газета «Пчела», кричали приставу и уряднику: «Черносотенники, брехуны, вон убирайтесь, довольно попили нашей крови, мы сами теперь хозяева»... а один выкрикнул: «если солдат наслете, то у нас в деревне им каши наварено»... Полиция выстрелила в воздух и удалилась. Суд одного из крестьян оправдал, остальных признали виновными. Крестьяне своей вины и не отрицали. Кому-то дали два месяца тюрьмы, кому-то восемь. Самое интересное в этом деле то, что крестьяне незаконно рубили деревья не у помещиков, а у двух крестьян из соседней деревни. Сначала они просили у них дать лес в долг, но после того как те отказали, решили делать это самовольно, поскольку нужда, голод и холод заставили их взяться за топоры. Между прочим, слова крестьян о нужде голоде и холоде подтвердил пристав. Тот самый, которому кричали «черносотенник и брехун». Он показал, что обвиняемые не имеют ни леса, ни выгона и вследствие последних неурожаев и пожаров живут в страшно бедственном положении. Все смешалось в доме Облонских...

И это не все о девятьсот шестом годе. Еще и град побил ржаные поля в тридцати деревнях. В Корешевской волости Островского уезда объявились бешеные волки и перекусили лошадей, коров и людей. Крестьяне жаловались полиции, полиция взяла ружья, охотника и пошла отстреливать волков, но волки куда-то подевались...

Вот такой была подводная часть уже основательно подтаявшего островского айсберга, который грозил вот-вот перевернуться. Впрочем, до его переворота оставалось еще одиннадцать лет, а пока... Пока в конце августа того же года директор народных училищ Псковской губернии разрешил устроить при Островском городском училище народную библиотеку, согласно «правил о народных библиотеках при низших учебных заведениях Министерства Народного Просвещения, утвержденных 28 февраля 1906 г.», в которую за одиннадцать месяцев записалось около четырехсот читателей. Пока губернские статистики в девятьсот девятом году снова пересчитали все, что можно

пересчитать в Острове, и оказалось, что в нем двадцать восемь казенных винных лавок, частных пивных еще больше – пятьдесят восемь, сорок восемь чайных, два лесопильных завода, двести двадцать лавок мелочных, семь заводов кожевенных, один винокуренный, один пивоваренный, четыре кирпичных, девятнадцать красилен, почти две сотни кузниц, два керосиновых склада, две пекарни, сорок четыре торговых кладовых, пять прялочных мастерских, две шерсточесальни и одна прессовальня для сена. Статистики не посчитали только холеру, появившуюся в городе в июле, и сибирскую язву. Впрочем, последняя была в уезде. Холеру в городе удалось прекратить к концу сентября, но пятьдесят четыре человека все же умерло.

Газета «Псковская жизнь» в девятьсот девятом году сообщала, что согласно постановлению Островской Городской Думы, островские чайные обложены сбором в пользу города в сумме девятьсот рублей. Всего чайных в городе было семнадцать, однако сбор в девятьсот рублей поделили на пятнадцать чайных, а две чайных, принадлежащих гласному Городской Думы и члену ревизионной комиссии, в число обложенных сбором не вошли. Потому и не вошли, что принадлежали.

В сентябре открыта сельскохозяйственная выставка, устроенная Островским сельскохозяйственным обществом. Что уж там выставляли, я не знаю (скорее всего, какие-нибудь снопы льна, усовершенствованные веялки и льномяльные машины), но медалей выдали... 16 больших серебряных, 16 малых серебряных, 11 бронзовых, 72 похвальных листа, 8 письменных благодарностей и 2 денежных награды. Островское общество сельского хозяйства еще и издавало «Ежемесячный сельскохозяйственный листок». С девятьсот девятого до девятьсот семнадцатого года он печатался в типографии Фуфаевой тиражом в пятьсот экземпляров и продавался в ее писчебумажном магазине. Стоил пятак. Печаталась там реклама веялок, ручных молотилок, пружинных борон, обзоры льняного рынка, объявления о курсах пчеловодства, статьи о необходимости ветеринарной службы в уезде и даже литературные страницы. У Островского общества трезвости тоже был свой печатный орган – ежемесячная газета «Друг трезвости». Правда, вышла эта газета всего четыре раза в девятьсот четырнадцатом году.

В одиннадцатом году открыто двухклассное реальное училище, в двенадцатом Николай Второй все милостивейше соизволил присвоить островскому реальному училищу Августейшего Имени Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича, Земское собрание поручило городской Управе составить сметы на устройство артезианского колодца при больнице и водопровода и «ввести кипячение воды в тех школах, где врачи признают это необходимым...». Ну, а там, где не признают – там не кипятить, при том что в этом же году в Острове и в пятнадцати пригородных деревнях были эпидемии брюшного тифа и натуральной оспы.

С началом первой мировой войны эпидемиологическая обстановка в Островском уезде только ухудшилась. Линия фронта поначалу проходила от Острова далеко – до нее было более двухсот километров, но постепенно она начала приближаться, и со второй половины июля пятнадцатого года командование Двинского военного округа, в который входила Псковская губерния, решило строить оборонительные рубежи. Один из участков этих рубежей приходился на Островский уезд. Укрепленные рубежи собирались строить масштабные – с окопами, с огневыми точками, колодцами, складами и подведенной линией железной дороги. Местными рабочими обойтись было никак невозможно, и потому из соседних губерний – Новгородской и Тверской на земляные работы пригнали тысячи крестьян, которые вследствие скученности, антисанитарных условий и плохого питания стали болеть. На двенадцать тысяч рабочих приходилось всего три врача. Не замедлил появиться сыпной тиф. Крестьяне стали самовольно разбегаться с этих земляных работ по домам, не забывая прихватить с собой орудия труда. Остров был наводнен беженцами разных национальностей (русских, поляков, литовцев, латышей, евреев) из прифронтовых губерний, солдатами, дезертирами... Беженцы принесли холеру. В Острове организовали изоляционно-пропускной пункт. В феврале семнадцатого года

военфельдшер Василий Юдин привез в город известие об отречении Николая Второго от престола.

Многовековая история досоветского Острова закончилась третьего марта семнадцатого года телеграммой городского головы Левковича в Петроград председателю государственной Думы Родзянко: «Нормальное течение жизни города нарушено. По городу ходят массы народа частью вооруженные. Начальник гарнизона и комендант города обезоружены. Уличными манифестациями руководят несколько лиц, выдающих себя за представителей какого-то комитета из Петрограда. Ждем ваших распоряжений».

Тогда же в Острове был организован Совет солдатских и рабочих депутатов. Правда, возглавляли его не большевики, а эсеры. Кроме того, в городе был создан комитет общественной безопасности, в котором верховодили отнюдь не большевики, а меньшевики и эсеры. Островская организация РСДРП начала свою работу восьмого апреля. В июне в Островском уезде был организован Совет крестьянских депутатов, и тут уже началась экспроприация экспроприаторов – крестьяне самовольно вырубали помещичьи леса, делили и распахивали землю. Дело приняло такой размах, что губернский комиссар Временного правительства просил у командования Северного фронта направить в каждый уезд по взводу конницы и по две сотни солдат. Управляющий имением села Троново Вышгородской волости Островского уезда даже отправил телеграмму министру внутренних дел: «Вышгородецкий волостной продовольственный комитет Островского уезда Псковской губернии в опекаемом мною Тронове разбил самоуправно все сенокосы и таковые отдал за плату моим исполовщикам. Считаю действия комитета незаконными, прошу содействия. Местные бессильны». Можно подумать, что у министра внутренних дел были силы.

В сентябре семнадцатого года в городе и его окрестностях стал на постой 3-й казачий корпус генерала Краснова. В Остров приезжал Керенский, намереваясь уговорить Краснова наступать на Петроград. Александр Федорович выступил перед исполкомом Совета рабочих и солдатских депутатов с участием представителей казачьих частей. Выступление прервали солдаты, захотевшие арестовать Керенского. Пришлось ему под прикрытием казаков срочно сесть в поезд и уехать в Псков.

Керенский уехал, в скором времени и казаки ушли по направлению к Петрограду, а вот приехавшие в город питерские большевики остались, и уже в январе восемнадцатого года состоялся уездный съезд Советов. В исполкоме уездного Совета на руководящих постах уже были не эсеры и не кадеты, а большевики. К тому времени в уезде их было более двухсот. Одна из резолюций съезда гласила: «Мы, крестьяне, депутаты Островского уезда, приветствуем решение Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих о роспуске Учредительного собрания за то, что оно не исполнило волю трудового народа о мире, земле и признании власти Советов. Приветствуем настоящую власть в лице Советов, всецело сплотимся вокруг Советов в тесную революционную трудовую семью. Требуем принятия самых решительных мер, в корне пресекающих всякие контрреволюционные выступления. Да здравствует власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов! Да здравствует социализм!»

Власть Советов и социализм здравствовали недолго. Восемнадцатого февраля Остров и семь из двенадцати волостей Островского уезда были заняты немецкими войсками. Оккупация продлилась до конца ноября. Комендантом города стал лейтенант Брокман, а градоначальником лейтенант Чайковский. В Острове пришлось избрать новый состав городской Думы, поскольку большинство гласных город перед оккупацией покинуло. Решения Думы утверждались германской администрацией, которая могла их и не утвердить. Педантичные оккупанты для того, чтобы собирать подушный налог, произвели перепись островичей³³. Деньги ходили разные – и николаевские рубли, и керенки, и германские марки, и специальные оберост рубли, имевшие хождение на оккупированных территориях. Германская администрация издала приказы о разрешении продажи земли, о передаче всего имущества, принадлежащего русскому государству и

Всероссийскому Земскому союзу, в собственность Германской империи и созданию комиссии для оценки убытков, причиненных имуществу городов в период беспорядков семнадцатого года, с целью возвращения прежним владельцам. К приезду в Остров Верховного главнокомандующего Восточным фронтом принца Леопольда Баварского комендант Острова выделил две тысячи рублей и на эти деньги очистил от грязи и мусора город, отремонтировал общественную баню и привел в порядок на базарной площади артезианский колодец. В Остров из Австрии завезли пять тысяч кос, триста пудов семенного картофеля, безработных заставили работать на полях в уезде, а также ввели жестокий и бесчеловечный запрет на использование зерна при изготовлении пива и водки. Немцы объявили обязательный сбор на всей оккупированной территории по десять рублей с человека для выплаты пенсий лицам преклонного возраста. В мае восемнадцатого года в Острове было организовано Общество господ офицеров, при котором заработала кооперативная лавка и стали проводиться благотворительные вечера и детские утренники. В саду княгини Ухтомской офицеры устроили детскую и спортивную площадки, буфет и эстраду для театральных и музыкальных представлений. Деньги, полученные от продажи билетов на эти представления, шли на единовременные пособия семьям нуждавшихся офицеров. Островское православное братство собрало по подписным листам больше тысячи рублей, которые раздали по пять, десять и двадцать рублей нуждающимся. Возвращавшимся из Германии и Австрии пленным, как только они прибывали на островский вокзал, выдавали хлеб, молоко, табак, деньги. В городе работали рестораны, винные погреба, ювелирные магазины и кинотеатр. При всех внешних признаках благополучия не стоит все же забывать о том, что это была немецкая оккупация – комендантский час никто не отменял. Все газеты, кроме оккупационных, были запрещены.

С началом оккупации Островский совет солдатских и рабочих депутатов эвакуировался на станцию Дно. Часть его членов ушла на фронт, а часть вернулась в уезд, в село Выбор, где и был организован Совет крестьянских депутатов под председательством Матвея Егоровича Егорова. В Выборе прошел Островский уездный съезд крестьянских депутатов, осудивший в своей резолюции восстание левых эсеров. В селе сформировался стрелковый батальон, принявший в составе Красной Армии участие в освобождении Острова от немцев. На территории Островского уезда действовали партизанские отряды, руководил которыми объединенный штаб партизанских отрядов Новоржевского, Опочецкого и Островского уездов.

Ближе к осени, когда стало понятно, что Германии придется освободить все оккупированные территории, в Острове... резко все подорожало, и особенно продукты, стали отключать электричество, прекратились занятия в учебных заведениях, дворяне и купцы стали уезжать из города и началось формирование белогвардейской Северной армии. В нее кроме кадровых офицеров, медицинских работников и священников записывались даже учащиеся реальных училищ, с которыми проводили занятия по строевой подготовке. Островские председатель городской Думы Штемберг и городской голова Левкович пытались привлечь местное купечество к участию в приобретении продовольствия для Северной армии, но успеха не имели – из приглашенных на заседание по этому вопросу семидесяти купцов пришло лишь девятнадцать. Впрочем, средства на содержание Северной армии были все же получены – двадцать пять тысяч рублей дал немецкий градоначальник Острова – лейтенант Чайковский.

Из телефонограммы председателя Воронежского волисполкома отделу управления Опочецкого исполкома от 25 октября 1918 г. «...сейчас получены сведения, что 23 октября сего 1918 г. в гор. Острове в театре “Модерн” состоялся митинг буржуазии, на котором по предложению Симанского, предложено организовать белогвардейские отряды для занятия территории уезда после ухода немцев. Присутствовавшие на митинге немецкие офицеры обещали в этом оказать поддержку и задержать выход войск до

организации белогвардейских отрядов, обещали также помощь людьми и оружием. После этого было приступлено к записи добровольцев в эти отряды».

Двадцать шестого ноября части Красной Армии вошли в Остров. Островский военный комиссар докладывал губвоенкомату: «За время с 1 по 26 ноября в районе Островского уезда произошло следующее. Политическое состояние в уезде довольно хорошее. Население крайне отрицательно относится к выступлению белогвардейцев и поддерживает Советскую власть... Настроение войсковых частей самое лучшее. Люди все имеют бодрый молодежавший вид и вполне удовлетворяют требованиям солдата Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Для их духовного и политического развития имеется пролетарский клуб “Красная звезда”, где устраиваются митинги, концерты и т. д. Вербовка добровольцев идет очень успешно...».

В середине восемнадцатого года новая власть организовала Островский уездный совнархоз. Началась национализация. В декабре Островский уездный экономический отдел принял постановление о национализации тех предприятий, чьи владельцы ушли вместе с частями белогвардейской Северной армии. Одними из первых национализировали находившиеся в Острове кожевенные, лесопильный и маслобойный заводы, паровую и водяную мельницы. В уезде национализировали два кожевенных завода, принадлежавших крестьянам. В одной из волостей Островского уезда Совет запретил мельникам принимать зерно для размола от лиц, не имеющих на то специального разрешения комбедов. У тех, кто такими удостоверениями не обзавелся, зерно отбирали и передавали местным властям. Комбеды в уезде летом восемнадцатого года росли как грибы после дождя... правда, через полгода их стали ликвидировать. Поскольку продовольствия катастрофически не хватало, в уезде была создана специальная комиссия, следившая за тем, чтобы спекулянты не сбывали хлеб за границу, а они его сбывали, так как граница была рядом. Остров находился на положении прифронтового города. Собственно, линия фронта проходила от него в двадцати километрах. За три года – с восемнадцатого по двадцатый – в связи с тем, что части белых подходили вплотную к городу, пришлось трижды эвакуировать все советские учреждения. Уездные леса были наводнены бандами зеленых. Банды, они же повстанческие отряды зажиточных крестьян численностью несколько сот человек, под командой купцов Ивана и Ефима Ивановых полностью ликвидировали Советскую власть в четырех волостях Островского уезда.

И зеленые, и белые с представителями Советской власти не церемонились – в одной из волостей трем попавшим к ним в плен красноармейцам выкололи глаза, в другой председателю волисполкома вырезали на лбу пятиконечную звезду. В одном из боев с зелеными погиб первый председатель уездного Совета крестьянских депутатов – Матвей Егорович Егоров. К осени девятнадцатого года частям Красной Армии все же удалось очистить уезд от белых и зеленых. Мирная жизнь не то чтобы началась, но... еще в июле девятнадцатого года в Острове организовали педагогические курсы. Лекторов пригласили из Москвы и Петрограда. Обучали не только педагогике, но и культмассовой работе и даже сельскому хозяйству.

И еще об одном событии. К культурной жизни Острова его вряд ли причислишь, а все же... В девятнадцатом году в Острове побывал Демьян Бедный. Результатом этой поездки стало стихотворение «Полковник Кулак-Кулакович». Под полковником Кулак-Кулаковичем имелся в виду полковник Отдельного Псковского добровольческого корпуса Булак-Балахович, отряды которого в мае девятнадцатого заняли Псков и терроризировали при поддержке части крестьянства всю губернию и Островский уезд в частности³⁴.

Это были новости культурной жизни, а если говорить о некультурной, но ничуть не менее необходимой, то в городе открылась сапожная мастерская, заработал мыловаренный завод, выпускавший двадцать пять пудов мыла ежедневно. Продовольствия не хватало по-прежнему. Его выдавали по карточкам. Город был разбит на шесть районов, в каждом из которых открыли продовольственную лавку. Островская газета «Плуг и молот» в начале апреля двадцатого года в заметке «Мертвые души» писала

о карточной системе: «Замечено, что население к получению карточек общественного питания относится более чем преступно. Получаются ими часто карточки на лиц в доме на не живущих или давно выехавших. Разными нелегальными способами некоторые идут на то, чтобы за счет желудка другого пополнить свой. Разумеется, если бы представилась возможность, то продорганами была бы сама по себе увеличена норма выдачи, но раз это пока нельзя сделать, то граждане не должны искать способов получать продукты на мертвые души».

Заработали школы первой и второй ступеней. Учеников из бедных семей кормили бесплатными горячими завтраками. Что входило в эти завтраки, сказать теперь уже невозможно, но судя по тому, что в начале двадцатого года в зерновом пайке, который получали островские рабочие и служащие, было не более трех килограммов ячменя и от четырех до шести с половиной килограммов овса в месяц, завтрак был более чем скромным.

В Острове открыли две столовых и чайную... которых еще тринадцать лет назад в городе было семнадцать. Кстати, о столовых. Вездесущие корреспонденты газеты «Плуг и молот» в апреле двадцатого года побывали и там: «На что в столовой плохой порядок позволю посчитать по пунктам: 1) хлеба не хватало (он появился в достаточном количестве с 26 марта); 2) в отношении чистоты столовая желает весьма многого об этом говорят те 2 полотенца, которыми обтираются сотни чашек, и несменяемая вода, в которой эти чашки моются и время-то весьма опасное легко заразиться сыпняком. 3) В нашей столовой меню отличается удивительным однообразием: месяцами были только щи с мерзлой капустой, а теперь только горох. Чем это объяснить? Этим автор отнюдь не желает, чтобы нас, обедающих, перевели на вечные щи. 4) В столовой не хватает посуды. Неужели уже нет возможности завести ее больше? 5) Почему так дорого продаются в столовой микроскопические кусочки сахару? Ведь из общественных лавок сахарный песок выдавался по 13 руб. за фунт...».

Газета «Плуг и молот», пришедшая на смену островской газете «Коммунист», просуществовавшей всего один девятнадцатый год, тоже долго не прожила и была закрыта в феврале двадцать первого года из-за недостатка бумаги, но весь двадцатый год неутомимо освещала островскую жизнь, не пренебрегая самыми мелкими, даже микроскопическими, вроде кусочков сахару, событиями из жизни города. Вот, к примеру, новости островской партийной жизни: «Комитет Островской Р.К.П.(б-в) выносит порицание милиционерам Григорьеву и Кривцову за неприличное поведение в присутственном месте – Корешевском Исполкоме». Газета критикует отдел народного образования за то, что он не признает артистов своими служащими вместо того, чтобы материально обеспечить их и подобрать идейно выдержанный репертуар. В результате артисты бегут из труппы в те места, где платят больше. Корреспондент «Плуга и Молота» требует установить такие цены на билеты, «чтобы театр могли посещать не только люди, получающие тысячи в месяц, но и пролетарские массы населения, для которых собственно говоря, и театр-то существует».

Последняя заметка под названием «На суд читателей» из апрельского номера двадцатого года совсем не такая безобидная, как предыдущие: «На днях, в течение недели помощи шведским рабочим, Кружок еврейской молодежи поставил спектакль, давший, очевидно, порядочный сбор. Не входя в какие бы то ни было подробности и не желая вступать в дебаты по поводу того факта, что устроители вечера не догадались отчислить хоть сколько-нибудь бастующим шведским рабочим, обнаруживая этим самым свои симпатии и моральную поддержку, факт печальный... И невыполнение этой элементарной формальности пролетарской этики дают полное право к осуждению Кружка еврейской молодежи. Нам сообщили, что Кружок будто желает заглавить свою ошибку постановкой вторично спектакля. Напоминание может быть истолковано, как давление на кружок, а потому во избежание отпечатка принудительности на спектакле считаем это дело запоздавшим. Сами собой напрашиваются упреки по адресу организации, существующей в пролетарской стране и не проявившей на деле своей демократичности. Вынося этот факт

на суд читателей, мы только повторяем, что Кружок достоин осуждения и более чем упрека». Пока это только упреки, но и осуждение не за горами... и не только оно.

Сложно сказать, сколько принес поставленный спектакль Кружку еврейской молодежи и сколько было недодано бастующим шведским рабочим, но доподлинно известно, что на одном из спектаклей в пользу голодающих Поволжья, который поставили летом двадцать первого года, было собрано триста тысяч рублей. Сбор от концерта в одной из волостей Островского уезда составил чуть более восемнадцати тысяч рублей и восемь пудов ржи. Раз уж зашла речь о помощи голодающим, то нельзя не сказать, что более трети из пятисот детей, прибывших в Псков из Поволжья, нашли приют в Островском уезде.

Пока продрозверстку не заменили продналогом, о сельском хозяйстве и о промышленности уезда и города говорить не приходилось – они с большим трудом дышали на ладан. В двадцать первом году весь островский уезд с его населением в сто шестьдесят одну тысячу человек купил немногим более восемнадцати тысяч аршин мануфактуры, шесть тысяч пудов соли и пять с половиной тысяч кос и серпов. Выходило примерно по шестьсот граммов соли в год на брата, и на сестру, и на свекра со свекровью, и на тестя с тещей, и на деверя с золовкой. По одному грамму и шестьсот миллиграммов соли в день. И это при том, что физиологическая норма потребления соли в день на человека пять граммов. Как раз тот самый случай, который называют «несолоно хлебавши». Про физиологическую норму потребления мануфактуры нечего и говорить. Делить восемнадцать тысяч аршин на сто шестьдесят одну тысячу человек неблагоприятное дело – получится по восемь сантиметров на сестру, а на брата... Любой крестьянин вам скажет, что это срамota, да и только. И это при том, что ни соль, ни мануфактуру в огороде не вырастишь. Сельскохозяйственные машины, плуги, металл в торговой сети уезда просто отсутствовали. Самым ходовым товаром были лапти – в Острове занималось их плетением почти сто человек, и наплели они за год десять тысяч пар.

В марте двадцать первого года начался НЭП, и сельское хозяйство начало понемногу оживать. В сентябре в городском Летнем саду десять дней шла сельскохозяйственная выставка. Показывали свои достижения в животноводстве, выращивании всего того, что росло на полях островского уезда, не только коллективные хозяйства, но даже и единоличники. Тогда это еще было возможно. Понятное дело, что десятками большие и малые серебряные медали, как это было одиннадцать лет назад на выставке Островского сельскохозяйственного общества, никто не раздавал, но премии все же были. Крестьянину-единоличнику Михаилу Герасимову за откормленного бычка-трехлетку дали премию – восемь килограммов семян клевера и косу с двумя брусками для ее заточки. Совхоз «Шенехово» наградили двадцатью аршинами мануфактуры и сотней тысяч рублей, а совхозу «Стадник» – такую же денежную премию, но мануфактуры на десять аршин больше.

Теперь, с приходом Советской власти, началось шефство города над деревней – горожане стали помогать крестьянам в тех делах, в которых они раньше управлялись сами и помощи горожан не просили. В книге Юрия Петровича Пахрина по истории Острова, изданной в восьмидесятом году, по этому поводу написано: «Для помощи города деревне проводились недели крестьянина. В одну из таких недель из Острова на село выехало двести шестьдесят человек. Горожане вспахали 186 десятин земли, убрали хлебов с 427 десятин, исправили 21 километр дорог, починили 150 мостов, подковали 250 лошадей, отремонтировали крестьянам телеги, плуги, бороны, сбрую... За это же время было проведено пять сходов, двадцать митингов, семь спектаклей, беседы, чтения, лекции». Как писали советские младшие школьники в конце своих сочинений: «Усталые, но довольные, они возвращались домой».

Дома, в Острове, рабочих мест имелось немного. В двадцатом году в городе работало двадцать девять предприятий, на которых было занято двести одиннадцать человек. Большинство этих мелких и очень мелких предприятий, на которых работало в

среднем по семь человек, принадлежало государству. Через три года картина изменилась, вернее, ее изменил НЭП. Предприятий стало больше – тридцать восемь, но большинство из них принадлежало частным владельцам. Государственных было только пять. Все эти предприятия стали еще мельче – в среднем на каждом из них работало чуть больше чем четыре человека. Безработица не то чтобы брала Остров за горло, но создавала в городе, как сказали бы сейчас, социальную напряженность. Власти с безработицей боролись – к примеру, организовали артели для торфяных разработок, восстанавливали старые производства и создавали новые. Построили новый кирпичный завод с нефтяным двигателем, что по тем временам было огромным достижением. В двадцать третьем году разработали проект и составили смету постройки ГЭС на Великой и через три года ее построили чуть выше моста по течению – там, где река образует два рукава³⁵. Это была не единственная электростанция – в двадцать пятом на притоке Великой, Утрое, в сельскохозяйственной коммуне «Рассвет» построили еще одну электростанцию. Мощной она не была, но в радиусе пяти верст в окрестных деревнях зажгла две с половиной сотни лампочек. В Острове цивилизация зашла еще дальше – первого сентября двадцать четвертого года горожане в клубе имени Ленина слушали радиогазету, переданную первой радиостанцией имени Коминтерна.

В первой пятилетке в городе и районе – а к тому времени Островский уезд был преобразован в район Псковского округа Ленинградской области – заработало пять заводов по переработке льна, и не просто так заработало, а в двадцать шестом году из Острова было отправлено пятьдесят девять тонн льна не куда-нибудь, а в Англию. К экспортному льну добавим еще и тридцать тысяч гусей, которые Госторг заготовил для вывоза за границу в Островском и Новоржевском уездах в двадцать восьмом.

В двадцать девятом году Островский уезд занимает первое место в Ленинградской области по производству льна. Тогда же был введен в строй Островский льноперерабатывающий завод. В тридцать втором году по хозяйствам Островского района ездил Киров, которого так впечатлили высокие производственные показатели Островского завода, что он назвал его «льноводным путиловцем». Не бог весть какое сравнение, но в тридцатые годы прошлого века им гордились, и очень. Тем более, что за три года до этого Экономический совет РСФСР при Совете Народных Комиссаров РСФСР решил создать в Псковской области льносеменной рассадник республиканского значения, и Островский район в этот рассадник вошел. Сразу же Островскому району построили машинно-тракторную станцию с парком в шестьдесят три трактора, а еще через три года Ленинградский обком ВКП(б) и облисполком за хорошую работу премировали Островский район еще одной МТС. Это действительно был подарок в условиях острой нехватки тракторов. Почему решили эту МТС сделать женской – неизвестно, но... партия решила – и сделали. Директором назначили тоже женщину – инструктора Островского райкома Наталью Михайлову. Курировал стройку не кто-нибудь, а сам Киров³⁶.

Теперь о коллективизации. Она закончится в Островском районе только в тридцать пятом году, а пока, в январе тридцатого, Остров встречал на железнодорожном вокзале с оркестром и знаменами ленинградских рабочих, приехавших руководить только что созданными колхозами и совхозами. В том же январе газета «Псковский набат» сообщала из Острова, с общерайонного собрания Островской комсомольской организации: «Мы мобилизованы на фронт большевистской посевкампании. Дезертирам не место в наших рядах. 200 человек юных ленинцев обсуждают мероприятия по колхозному строительству. Надо перестроить всю работу – единодушно заявляет собрание – каждую ячейку превратить в боевой отряд. До сего времени отдельные комсомольские ячейки совершенно не участвовали в колхозном строительстве... Комсомольцы в колхозы не вступают... Секретарь Рубиловской ячейки Степанова заявила: – Я колхозы буду организовывать, но сама не пойду... Враг не дремлет. Бьет по слабым местам и имеет успех. Комсомолец Лавровской ячейки кулацким языком написал заявление: “Социализм

хорошая штука, но нам его не построить. Я уйду из коммуны, уйду из комсомола, знаю, что это возврат к капитализму, но он сильнее нас”. Кулацкая агитация доходит до наглости. Братья Степановы из Калининского сельсовета запугивают бедноту и молодежь: не идите в колхозы, скоро власти будет крышка и тем, кто пойдет в коммуну. С Китаем заключен мир за 50 красивых девушек. Собрание решительно осудило кулацкую провокацию, противопоставив свои твердые решения. Всем комсомольцам сельсоветов сплошной коллективизации в месячный срок вступить в колхозы и остальным ячейкам в трехмесячный – создать крупный колхоз. Объявить всю организацию ударной бригадой на период проведения весенней сельхозкампании».

Это было на первой странице газеты, а всю вторую страницу занимали заметки с заголовками: «Дезертиры с фронта коллективизации», «Этим – не место в комсомоле», «Враг обнаглел. На вылазки кулака ответим контрнаступлением. Очистим свои ряды от кулацких прихвостней», «Кулацких подпевал – вон из сельсоветов. Мало-Приезжинский сельсовет в паутине кулацкой агитации»³⁷.

И об общественной жизни. Не о культурной, но об общественной. В двадцать седьмом году в Острове, как и во всей стране, прошла неделя обороны – изучали военное дело, ходили в противогазах, вступали в Осоавиахим, слушали лекции о вооружении Запада, о военной опасности, обороне страны, о международном положении и сдавали взносы в фонд «Наш ответ Чемберлену». В тридцать втором, когда Квантунская армия оккупировала Маньчжурию, на общем собрании членов колхоза «Красный октябрь» Дроздовского сельсовета было принято постановление: «Мы, колхозники... в ответ на происки японских империалистов и всей контрреволюционной своры еще крепче сплотимся вокруг Коммунистической партии и проведем успешную подготовку и проведение 3-й большевистской весны... Мы войны не хотим, но никому не позволим наложить лапу на наши границы».

Немного о бытовых мелочах островской жизни. Некультурных, необщественных, но ничуть не менее важных. В тридцать пятом в городе открылась мастерская по ремонту гармоней и баянов. Как раз в том году жить стало лучше, жить стало веселей, как сказал лучший друг советских физкультурников. Вот она и открылась. Между прочим, первая в округе. В тридцать шестом на городском рынке появился пункт приема подержанных вещей. Проще говоря, комиссионный магазин. Не совсем обычный. Там покупали дешево подержанные вещи, их реставрировали, и потом продавали на четверть дороже, чем купили. Жили, конечно, весело, но очень и очень небогато, если честно.

И последнее о тридцатых годах в Острове. Из воспоминаний А. Д. Алексеевой: «...Какой Остров был для меня, деревенской девчонки, огромный! Перейти мосты было немного страшно, ведь они все-таки качались чуть-чуть. А дом Советов на Большой улице – какой красивый и белый-белый! Ведь в три этажа! И Собор... Мощеная бульжником площадь с братской могилой. А в конце площади был базар. За ларечками “цыганский” рынок с двумя чайными. Тут же повыше на улице Карла Маркса – “Дом крестьянина”. Напротив городской сад с тремя аллеями. А на Большой улице библиотека... До войны Остров был с чистыми, зелеными улицами, многоводной рекой Великой и спокойными (не бегущими и кричащими) людьми. А пьяных я видела в Острове до войны только двух. Так и смотрели на них как на больных людей».

Из воспоминаний З. И. Максимовой: «...Остров был очень чистенький городишко. Улицы мощеные. За дома были ответственные. Были и дворники. Ездили на лошадях. Так если к кому гости приедут, потом хозяева должны были за лошадью убрать. А светло ночью на улице как было, хоть вышивай. Парк был. В три яруса. Панельки, а внизу сцена. Там выступали, были скамеечки, ларечки, по вечерам весь город там гулял. А где Пушкинская, там была аллея. Мы там тоже с девчонками гуляли... Напротив кладбища была немецкая церковь, там же было немецкое кладбище. Во время войны там немцы своих хоронили...»

Война для Острова началась с двадцать пятого июня сорок первого года. В этот день был первый налет немецкой авиации.

Из дневниковых записей выпускника островской школы №1 Н. Петрова: «25 июня. Проявляя фотопластинки услышал нарастающий гул самолета. Не выдержал, выбежал в коридор посмотреть в окно. Рев мотора был рядом, но я ничего не видел. И вдруг со стороны тюрьмы над нашими домами, над самыми крышами, я увидел немецкий самолет-истребитель. В кабине – один пилот, хорошо было видно смеющееся лицо летчика. Мгновение и застрочил пулемет. Это самолет дал очередь в район больницы, Дома культуры, военкомата и полетел в сторону вокзала. Больше он не появлялся... Отец вернулся с работы очень взволнованный. Сказал, что возле больницы были убитые и раненные. Сообщения по радио были тоже очень тревожными. Было понятно, что фашисты близко от нас».

Нельзя сказать, что к войне загодя не готовились – еще в тридцатые годы, до подписания пакта Молотова – Риббентропа, в районе Острова построили несколько аэродромов, а самое главное, начали строить мощную линию обороны, состоящую из трехэтажных железобетонных пулеметных дотов. Последние были снабжены автономными системами водоснабжения и вентиляции. В дотах планировалось расположить артиллерию, стрелков, снайперов, большое количество боеприпасов и продовольствия. Вся эта система укреплений называлась «Линией Сталина». Линия эта проходила буквально перед границей с Латвией. Не зря я сказал, что начали строить, но... после заключения договора о ненападении между Германией и Советским Союзом строительство забросили. Некоторые доты законсервировали, а некоторые и вовсе демонтировали³⁸. Как только началась война, все законсервированные доты и коммуникации между ними стали приводить в боевое состояние. Стали рыть траншеи и противотанковые рвы. На границе Псковского и Островского укрепрайонов в этих работах принимали участие около двадцати тысяч человек – половина из них была военными строителями, а половина – местными жителями. Правду говоря, работы были организованы плохо – техники было мало или, проще сказать, совсем не было, о том, чтобы обеспечить рабочих едой... Не было и транспорта, чтобы развезти людей по домам после работы.

Из дневниковых записей выпускника островской школы №1 Н. Петрова: «3 июля. Вечером на завалинке как всегда собирались соседи. Вдруг разговор затих: от улицы К. Маркса бежали два человека. Это были отец и сын Плотниковы.

– Надо уходить! Немцы за нами идут, – тяжело прокричал дядя Паша.

– Они нас прогнали с оборонных работ. На танках строчили из пулеметов и хохотали.

Двор загудел. Немцы вот-вот войдут в город. Все голоса перекрыл звук разорвавшегося снаряда на соседней улице. Все бросились по квартирам за уже подготовленными вещами. Мы вместе с Судаковыми быстро пошли по Горней к тюрьме, откуда свернули на поля. Со стороны вокзала слышался грохот разрывов...».

Четвертого июля сорок первого года пулеметная и учебная роты Островского укрепрайона, засев в дотах линии укреплений, вместе с артдивизионом пятнадцать часов сдерживали непрерывные атаки 6-й танковой дивизии немцев. В тот же день части 1-й танковой дивизии прорвались к южной окраине Острова и с ходу форсировали Великую. Вечером четвертого июля наши войска получили приказ уничтожить прорвавшихся к Острову немцев. Пятого июля два танковых полка при поддержке сформированного из отходящих частей батальона пехоты атаковали части 1-й танковой дивизии врага и заняли Остров, выйдя на левый берег Великой. Увы, не имея поддержки ни со стороны пехоты, ни авиации, долго удерживать город наши танкисты не смогли. Уже в четыре часа дня немцы, при поддержке артиллерии и авиации, пошли в контратаку. Уличные бои длились недолго – уже в семь вечера наши войска, неся большие потери, начали отход. Со взятием

Острова путь на Псков был открыт. Попытки отвоевать Остров продолжались еще и на следующий день, но все они были отбиты немцами. Начались три года оккупации.

Немцы превратили Остров в крупный опорный пункт, через который проходило большое количество войск и грузов. В городе были расквартированы тыловые службы 18-й армии группы армий «Север», отделение тайной полевой полиции, штаб 1-го воздушного флота группы армий «Север», охранная дивизия с запасным батальоном, приданная этой дивизии разведывательная абвергруппа-313, разведшкола, в которой готовили из бывших советских военнопленных диверсантов и забрасывали в тыл Красной Армии. И это не все – имелось еще отделение тайной полиции СД. Практически все сотрудники этого отделения были эстонцами.

Всей жизнью в городе управляла военно-полевая комендатура. Комендантом Острова был полковник Карл Зассе. За порядок в городе отвечала городская полиция, состоявшая из бывших военнопленных, местных уголовников и всех тех, кто пожелал служить немецким властям. Сразу же после оккупации в Острове штаб полевой жандармерии³⁹ организовал из военнопленных отряд карателей, основной задачей которого была борьба с партизанами⁴⁰.

В сорок первом, неподалеку от Острова, в деревне Грызавино немцами был создан концентрационный лагерь, в котором находилось около тысячи военнопленных. Занимались они большей частью ремонтом дорог. Когда немцы уходили летом сорок четвертого из Острова, то оставшихся военнопленных вывезли из лагеря и расстреляли. Еще один лагерь, в котором содержались военнопленные, находился в деревне Перевоз. В небольшом каменном двухэтажном доме содержалось под охраной двести человек.

Что касается населения, то для всех, кто был старше четырнадцати лет и моложе шестидесяти пяти, предусматривалась трудовая повинность. Поначалу на работы в Германию ехать уговаривали, а потом... Вот что писала газета «За колхоз» Островского районного комитета партии в феврале сорок третьего об угоне населения на работы в Германию: «Сначала в нашем Островском районе немцы объявили добровольный набор на работы в Германию. Но кто, спрашивается, пойдет к лютым врагам добровольно? Как изверги ни агитировали, с добровольческой кампанией они провалились. Тогда поганые крысы пошли на обман. Жителей деревень они выгоняют якобы на работу, ведут на станцию, силою сажают в вагоны, и эшелон едет в Германию. Больше того. Когда народ стал прятаться от немецких разбойников, они начали делать ночные облавы. Придут ночью, окружат деревню, кого застанут дома, того и уводят».

Издававшаяся немцами в Пскове на русском языке газета «За родину» напечатала в декабре того же года письмо человека, оказавшегося на работах в Германии. Письмо, правда, без подписи, но это понятно, поскольку такие письма, как правило, писали сами сотрудники газеты, если судить по тому, как оно написано: «Вартовой Надежде; Остров, Вокзальная 16. Добрый день. Дорогая Надя желаю Вам всего хорошего со своей дочуркой. Я жив, здоров, чего и вам желаю. Живем на очень хорошем месте в Германии, прямо, как на курорте живем; здесь очень красивые места и культурная жизнь. Все без исключения живут хорошо. То, что говорили про Германию, все правда. Прекрасная страна. В некоторых местах даже не чувствуется войны. Погода очень хорошая, фруктов сколько хочешь: кило яблок 3 рубля и не такие, как в Острове, а гораздо лучше. Живем в отдельной комнате. Здесь все обставлено как в хорошей санатории: каждый имеет широкую кровать и свой шкаф. Одним словом, все хорошо. Желательно получить от Вас письмо и сообщите, как Вы живете, что нового в Острове. Привет Марии Адамовне, ее подруге и всем знакомым. Передай также привет от меня Толи. Я думаю, что найдется время для того, чтобы ответить на письмо. Пока всего хорошего»⁴¹.

Газета «За родину» время от времени рассказывала своим читателям о том, как хорошо живется жителям Острова и района при новом немецком порядке. В начале ноября сорок второго года она, как говорится, в самых радужных красках описывала «Праздник жатвы» в Острове: «...Торжества начались с благодарственного молебна в

церкви. В 9 часов в солдатском кино собрались общинные старосты со всего района. С торжественной речью к ним обратился начальник хозяйственного управления, руководивший всеми празднествами этого торжественного дня, а также районные начальники. Собравшиеся прослушали радиопередачу из Пскова и, таким образом, приняли участие также в псковских торжествах. Наступило время обеда. Для общинных старост был накрыт стол в Островском ресторане, а населению в 12 часов на базарной площади бесплатно выдавался обед из пяти походных кухонь германской армии. Тысячи людей толпились около поваров и уносили домой котелки с порцией вкусного гороха или белой капусты. Это общественное питание явилось новым доказательством того, что германская армия, невзирая на личность, охотно помогает каждому, насколько это хоть как-нибудь допускают тяжелые военные условия. В это воскресенье во многих островских семьях обед не варился. Домашние хозяйки потратили свое время на то, чтобы подготовиться к торжествам праздника жатвы, состоявшемся в летнем театре. Благодаря тщательно и удачно исполненным декорациям, помещение театра приобрело торжественный и праздничный вид. Бесчисленные флаги украшали стены, венки, сплетенные из золотистых колосьев спелой ржи, подобно большому канделябру, свешивались с высоких потолков, а сцена была декорирована хвойными гирляндами. Во всю ширину зала высился транспарант, на котором были выведены слова: “За хороший урожай крестьянин отблагодарит работой в духе нового порядка”.

Население города Острова здесь снова собралось в большом количестве. Зал был настолько переполнен, что многие желающие не смогли туда даже попасть. Со стороны германской армии на празднике жатвы присутствовали представители офицерского корпуса во главе с полевым комендантом. Торжества начались с марша, исполненным сборным оркестром. Затем вступительное слово районный начальник Демский. Он кратко упомянул о тяжелом рабстве, вызванном большевистской коллективизацией и о примерном трудолюбии германских крестьян. Он поблагодарил германскую армию за могущественную защиту, оказанную ею русским крестьянам при обработке полей и сборе урожая. На эту землю, сказал он, больше никогда не ступит нога Сталина и его палачей. Мы стоим на пороге счастливого будущего, когда русский крестьянин и все население области будет иметь одно лишь желание: всеми своими силами сотрудничать для достижения этой цели. Районный начальник от имени всего населения Островского района обещал выразить свою благодарность германской армии радостной и хорошей работой в духе нового порядка. Его речь часто прерывалась овациями собравшихся. Затем две девушки подошли к германскому начальнику хозяйственной части и преподнесли ему урожайный венок со следующими словами: “Собран богатый урожай. Как символ нашей глубокой благодарности по отношению к германской армии за то, что она взяла на себя защиту и охрану этого урожая, мы передаем вам, господин командир, этот венок. Мы сплели его из колосьев, растущих на полях, где русский крестьянин теперь снова стал свободным хозяином”. Начальник хозяйственной части на это ответил, что он рассматривает этот символический жест, как доказательство хорошего сотрудничества германской армии и русского населения. В своей речи, немедленно переведенной на русский язык, он указал, что, будучи старым солдатом, он в течение двух войн видел много стран, над которыми пронеслась война, однако нигде он еще не видел такого количества разрушений, такой нищеты и бедноты населения, как та, которая была оставлена большевизмом, отогнанной германской армией. Вождь и главнокомандующий германской армией велел непосредственно за фронтом приняться за восстановление хозяйства... Русский крестьянин больше не крепостной жидо-большевистских властителей, теперь он свободный человек, он трудится и создает сам для себя. Будучи благодарным за эту перемену судьбы, он должен понять, что война вынуждает его отдать часть своей работы и своего урожая на пользу окончательной победы над большевизмом...

За официальной частью праздника последовали сценические выступления, удачно исполненные оркестром, танцевальным ансамблем, отдельными танцорами и танцовщицами. В программе было также сольное пение. Разнообразная и пестрая программа продолжалась свыше часу и доставила зрителям большое удовольствие. Затем в саду раздались бодрые звуки танцевальной музыки и на открытом воздухе закружились в вихре танца сотни радостных пар. Все участники праздника жатвы в Острове остались довольны этим приятно и радостно проведенным днем и многие уже сегодня спрашивают, состоится ли такое же празднество в будущем году».

Кстати, о старостах, упоминающихся в этом репортаже. Исполком Островского Районного Совета обращался к ним в феврале сорок третьего через газету «За колхоз»: «Настали грозные дни расплаты с немецкими бандитами. Сейчас никто не должен стоять в стороне, в том числе и старосты оккупированных деревень. Мы хорошо знаем, что многие из старост насильно назначены немцами. Знаем, что немало старост остались до конца преданными советской отчизне. Они умело помогают родине, партизанам. Но мы хорошо знаем, что в среде старост есть и такие, которые попали под влияние немчуры и прислуживают врагу. Такие старосты стали на путь измены родине, русскому народу. Пусть знают все, что тех, кто изменяет родине, народ сурово накажет. Мы предупреждаем немецких прислужников. Сейчас еще не поздно смыть с себя позор, спасти жизнь себе и своей семье. Для этого нужно мстить немецким извергам, срывать все мероприятия немецких властей. Не выполнять нарядов немцев, не давать рабочей силы, ни грамма хлеба и мяса. Наоборот, всеми мерами старосты обязаны помогать партизанам – защитникам советских сел, мстителям за кровь и слезы русского народа».

В том же номере газеты «За колхоз» было обращение островских партизан ко всем, кто сотрудничает с немецкими властями. Называлось оно «О тех, кто лижет пятки немцам»: «Мы знаем, как живет и действует народ Островского района. Мы знаем тех, кто помогает партизанам, кто вредит немцам, кто срывает мероприятия фашистов. Мы ведем учет заслугам русских патриотов, чтобы в день нашей победы отблагодарить их. Но мы знаем и тех, кто продался немцам, кто лижет пятки фашистским мерзавцам. Нашлись такие в Сошихине и Острове. Объявились сволочи. Мы их знаем. Мы знаем Знаменского, бывшего бухгалтера райпотребсоюза. Он сейчас важно восседает в городской управе. Он – городской голова. На народной крови втерся этот прохвост в доверие к немцам. Дрожи “городской голова” Знаменский! Не сносить тебе головы. Так и знай – не сносить. Несколько лет назад островичи избавились от кулака грабителя Владимира Михайлова, выслав его за пределы района. Сейчас этот бандит снова выполз на арену. Он на четвереньках извивается перед немцами и пробил себе дорогу в полицию. Обер-бандит занял свое обер-бандитское место. Опять у Михайлова руки в народной крови. Опять на его счету десятки грабежей и зверств. Тем хуже для него. Наша месть будет страшна и беспощадна. Мы знаем Федора Фирсова, бывшего начальника станции Сошихино. Это имя проклинается в каждой избе. Бандит Фирсов предал свой народ, свою мать-родину. Он занес нож на русских патриотов. Кровь невинных людей запеклась у него на руках. Эта кровь будет смыта его же собственной черной кровью. Трепещите иуды! Вы доживаете последние дни. Каждый победный шаг Красной Армии укорачивает вашу жизнь. Впрочем, вам не дожидаться Красной Армии. Вы ее не увидите. Вас уберут с дороги гораздо раньше, очень скоро, на днях. Подлые мерзавцы подняли руку против своего родного народа. Ну, что ж, пеняйте на себя. Собакам – собачья смерть. Народ заклемит вас проклятьем и вычеркнет из списка жизни ваши имена. Мы вас уничтожим. Ни один бандит не уйдет от народной мести».

Бояться мести партизан нужно было не только городскому голове Знаменскому. Немцы развернули бурную хозяйственную деятельность на территории Острова и района. В этом им помогали русские эмигранты. Немецкое торговое общество, занимавшееся заготовкой сельскохозяйственной продукции, возглавлял русский эмигрант Борис

Врангель. Известный в прошлом островский купец и тоже эмигрант Михаил Антипов заведовал заготовкой льна.

О партизанах. Надо сказать, что в Островском районе леса в сороковых годах прошлого столетия было мало – всего четырнадцать процентов от общей площади. Уходить в леса партизанам не приходилось, и тем не менее партизаны в районе были и житья от них немцам не было. Основной задачей партизан было разрушение железных и шоссейных дорог в направлении Псков – Остров, Остров – Порхов и Остров – станция Сошихино. Для этого было создано сорок диверсионных групп, за которыми были закреплены различные участки дорог и еще тридцать диверсионных групп для уничтожения мостов, складов и связи. Само собой, участок железной дороги Псков – Остров немцы охраняли. Для того, чтобы пробраться к железнодорожному полотну нужно было форсировать реку Многа, заполненный водой противотанковый ров шириной шесть метров и глубиной четыре метра, преодолеть проволочное ограждение и... немецких солдат, охранявших подступы к железной дороге.

Вот как описывает газета «За колхоз» подрыв железной дороги Псков – Остров в начале сорок третьего года: «Ночью три человека пробирались к железной дороге. За плечами у них тяжелый груз – взрывчатое вещество. Вот и железная дорога. Чернеют на снегу рельсы. Слышится далекий гудок паровоза. По этой дороге ходят поезда из Пскова в Остров. Немцы подбрасывают живую силу и технику. Враги пытаются закрыть дыры на фронте. Не дать немецким мерзавцам маневрировать! – так решили партизаны и так начали действовать. Шнур подожжен. Поезд, громяхая колесами, двигался с большой скоростью. Страшный взрыв потряс воздух. Обломки взлетели вверх. Лязгом и грохотом наполнилось место катастрофы. Паровоз свалился под откос. Вслед за ним опрокинулись 5 вагонов с живой силой и 9 платформ с танками. Партизаны довольные возвращались в свой лагерь». Так, как в заметке, получалось не всегда. В ноябре того же года командир диверсионной партизанской группы Сергей Makeев и подрывник Андрей Жаров, не успевая заложить фугас под железнодорожное полотно и убежать, взорвали себя вместе с немецким эшеленом, идущим из Пскова в Остров.

Большую помощь партизанам оказывали островские подпольщики, собиравшие для них оружие. Оружием этим они снабжали не только партизан, но и военнопленных, которым помогали бежать из концлагерей и уходить к партизанам или переходить линию фронта. С помощью островской подпольной организации удалось спасти сотни юношей и девушек от угона на работы в Германию из специального лагеря, расположенного в черте города. Собирали подпольщики сведения о движении воинских эшеленов на железной дороге, по шоссе и о расположении военных частей и объектов в самом Острове и вокруг него. Без этих данных деятельность партизанских диверсионных групп была бы почти невозможна. Прибавим сюда бланки немецких паспортов и других документов, которые использовались для побега военнопленных, партизанами и армейской разведкой, прибавим секретные немецкие документы, в числе которых был оперативный план немецкого командования, уничтожение построенного оккупантами лесопильного завода, расклеивание листовок и распространение советских газет, вывод из строя немецкой радиостанции и даже переключение, пусть и на несколько минут, городской радиотрансляционной сети на передачу из Москвы.

Руководителю и создателю организации островских подпольщиков Клавдии Ивановне Назаровой было двадцать четыре года. По некоторым данным и вовсе двадцать два. Все остальные подпольщики, за редким исключением, были еще моложе. Вчерашние школьники, получившие аттестаты зрелости в июне сорок первого, спасали пленных, ходили к партизанам и за линию фронта, расклеивали листовки и помогали партизанским диверсионным группам. Островские подпольщики успешно действовали до сентября сорок второго года. Конспирация была строгой – вместе собирались время от времени только пять человек – Клавдия Назарова, Людмила Филиппова, Олег Серебренников, Лев Судаков и Александр Митрофанов. Собирались или в швейной мастерской, где работала

Клава или в кружке художественной самодеятельности, созданном с ведома немецких властей, а иногда на квартирах под видом вечеринок. Эти пять человек составляли ядро организации, а всех остальных было... еще шесть человек.

В сентябре сорок второго подпольщики переправляли через линию фронта двух военнопленных – Овчинникова и Воронова. Вместе с ними шла еврейская девушка – Ева Хайкина, которой по понятной причине оставаться на оккупированной территории никак было нельзя. Сопровождал их один из юных островских подпольщиков, Александр Козловский. По пути за линию фронта группа нарвалась на полицейскую засаду. Саша Козловский отстреливался до последнего патрона и подорвал себя гранатой, Ева Хайкина приняла яд, а вот Овчинникова и Воронова взяли живыми и привезли в Островскую тюрьму. Воронов пыток не выдержал и выдал и Клаву Назарову, и родителей Саши Козловского, и всех тех подпольщиков, которых успел увидеть перед своей отправкой в доме родителей Козловского. Начались аресты. Шестого ноября арестовали Клаву Назарову, ее мать и родителей Саши Козловского. Больше месяца продолжались допросы и пытки. Через месяц, убедившись в том, что никаких сведений от островских подпольщиков получить нельзя, начальник Островской военно-полевой комендатуры полковник Зассе отдал приказ об их публичной казни⁴².

Пятнадцатого декабря сорок второго года на базарной площади Острова при большом стечении народа Клавдия Назарова и еще одна подпольщица Анна Иванова были повешены. Овчинникова и Воронова повесили вместе с ними. Палач накинул веревку не на шею, а на подбородок Клавдии Назаровой и она умерла не сразу. Тела повешенных немцы не разрешали снимать трое суток. Только после разрешено их похоронить. В тот же день, пятнадцатого декабря, в деревне Рядобжа были повешены подпольщики Дмитриев и Михайлов, а в деревне Ногино повесили родителей Саши Козловского.

Тем не менее, подпольная организация не прекратила свою работу. В марте сорок третьего года оставшиеся в живых руководители подпольщиков собрались на встречу с представителем разведки штаба 3-й ленинградской партизанской бригад. По предложению штаба партизан руководителем островского подполья была назначена Людмила Филиппова. Добытые сведения передавались в штаб партизанской бригады раз в неделю. Подпольщики составили подробный план расположения военных объектов города Острова и его окрестностей, план расположения немецкой дивизии, передали сведения о численности гарнизона в Острове, не прекращали организовывать побегі военнопленных и тех, кого собирались угнать на работы в Германию.

В конце августа сорок третьего года одна из партизанских разведчиц, посланная на встречу с подпольщиками, была по неопытности и неосторожности арестована немецкой полицией. Не выдержав пыток, она созналась куда шла и с кем намеревалась встретиться. Начались аресты. Было арестовано более тридцати человек, включая руководителя островского подполья – Людмилу Филиппову. Допросы и пытки ничего гестаповцам не дали, и тогда они привезли Людмилу Филиппову домой на свидание с пятилетней дочерью. Не помогло. Филиппова успела взять с комода свою фотографию и быстро на ней написать: «Милой дорогой моей дочурочке от крепко любящей ее мамульки. Милая моя крошка, храни эту карточку, ибо она тебе напомнит мать, будешь большая, вспомнишь ее... Рости, моя милая, будь счастлива. Мама».

Девятого августа сорок четвертого года военный следователь военной прокуратуры 3-го Прибалтийского фронта капитан юстиции Кольнер в присутствии двух понятых осматривал здание островской тюрьмы и на стене одной из камер обнаружил надпись: «Филиппова Мила. Камера № 24. Сижу с 23/VIII-43. Сегодня 1.IX.43. Допросы кончились. Сижу одна. Жду приговора. Думаю, что расстреляют. Да, жить еще хочется».

Вместе с островскими подпольщиками была арестована командир группы разведотдела штаба Северо-Западного фронта Зоя Круглова. Перед смертью она сумела переправить письмо родственникам: «Здравствуйте, дорогие мои родители – папочка и мамочка, дорогие сестрички Валечка и Шура и дорогой братишка Боречка. Пишу я,

милые, вам из тюрьмы в последний раз. Получите письмо после моей смерти. Милые мои, вот уже год, как вы обо мне ничего не получали, никакой весточки, это время я скиталась, но о вас не забывала. Меня в феврале арестовали, и я два с половиной месяца сидела в одиночной камере в тюрьме. Каждый день ожидала расстрела. Мамочка, мне было тяжело, но я перенесла все это. Меня отправили в лагерь в Псков, там я пробыла два месяца и сбежала, попала к своим. Меня снова послали с заданием, и я снова в этой же тюрьме – вот уже второй месяц. Меня били палками по голове. Жду расстрела, о жизни больше не думаю, хотя, милые мои, мне очень хочется пожить ради того, чтобы увидеть вас, крепко обнять и выплакать на твоей груди, мамочка, все свое горе. Ведь если бы не попалась второй раз, в сентябре я была бы дома. Но, видно, такая моя судьба, на которую я нисколько не обижаюсь. Я исполнила свой долг. Милые мои, вы гордитесь тем, что я не запятнала вашей фамилии и своей чести. Умру, но знаю за что. Мамочка, ты особенно не убивайся, не плачь. Я бы рада тебя утешить, но я очень далеко и за решеткой железной и крепкой стеной. В тюрьме я часто пою песни, а тюрьма вся слушает... Милые мои, обо мне вам расскажут другие девушки, если они будут живы... Еще раз прошу – только не плачьте, не тоскуйте. Мой последний привет тете Лизе, дяде Ване, Лене Алмазовой, всем, всем моим подругам, родным, знакомым. Целую всех крепко, крепко. Прощайте навсегда».

Милу Филиппову, Зою Круглову, Леву Судакова и Сашу Митрофанова расстреляли девятого сентября сорок третьего года в лесу, близ Острова. Место их захоронения нашли только в пятьдесят девятом году. Перед смертью бывший старостой деревни Рагозино при немцах некий Петров, прозванный односельчанами Петлюрой, рассказал своей племяннице о том, что был свидетелем расстрела островских комсомольцев. После довольно сложных поисков останки расстрелянных обнаружили и перезахоронили на центральной площади города. Там же, на центральной площади, в мае шестьдесят третьего года был установлен памятник Герою Советского Союза Клавдии Назаровой⁴³.

Перед началом оккупации Острова в нем проживало немногим менее двухсот евреев. Для города с населением в четырнадцать тысяч человек не так уж и мало. Большею частью это были врачи, учителя, бухгалтеры, юристы, часовщики, портные и фотографы. Немцы, заняв Остров, приказали всем островским евреям зарегистрироваться в трехдневный срок. Кроме того, им было приказано нашить на грудь и спину большие шестиконечные звезды и без них на улицах не появляться. По воспоминаниям жительницы Острова Доры Ротенберг ее отец получил двадцать пять розог за то, что появился на улице без нашитых звезд. Евреям запрещалось ходить по тротуарам – только по проезжей части дорог, но гетто как такового в сорок первом году в Острове еще не было. Его организовали зимой сорок второго года рядом с центром города – на улице 25 Октября. Гетто было открытым – охраны не было и колючей проволокой оно окружено не было. Такая ситуация сохранялась до апреля сорок третьего года. Жители гетто работали на немцев – убирали улицы, разбирали завалы, ходили на лесозаготовки и стирали одежду немецких солдат.

Само собой, евреям за эту работу никто не платил. Иногда им давали хлеб и мыло. Учитель островской школы Соломон Капилевич возил воду в немецкую часть. Он возил ее, запряженный в тележку, на которой была установлена большая бочка. Жительница Острова Ольга Дергачева рассказывала: «Видела я его, летом 1942 г., босого, с оголенной спиной, на которой была выжжена звезда, со сдавленными верёвками плечами, тащившего груз и подгоняемого кнутом эсесовца. В августе 1942 г. Соломона Матвеевича расстреляли в помещении гестапо...».

Из воспоминаний О. Беловой (цыганки по национальности): «Когда немцы пришли в Остров, мне было 13 лет ... евреев тоже забирали, но почти сразу же и расстреливали. С ними ещё страшней обращались, чем с нами. Около нас жил врач Король, когда его забирали, ему все руки переломали, всю семью расстреляли ...».

Практически всех евреев, не успевших эвакуироваться из Острова, немцы частью расстреляли, а частью умертвили с помощью мобильных газовых камер. Тех, кого не расстреляли, в апреле сорок третьего года отвезли в Моглино – лагерь, расположенный неподалеку от Пскова. Один из бывших охранников моглинского лагеря вспоминал: «Из Острова летом 1943 г. привезли евреев. Их было около 100 человек. Позже из Пскова приехало несколько машин, забрали всех этих евреев. На машинах их увезли куда-то за Псков и там расстреляли. Об этом я узнал вечером из разговоров, возвратившихся охранников»⁴⁴.

Не нужно думать, что островичи не сочувствовали евреям. Пусть и не все, и, может быть, даже далеко не все, но сочувствовали и спасали, хотя спасая евреев они и сами подвергались смертельной опасности. Острович Владимир Кирьянов вспоминал, что «...своих соседей Герку и Гельку немцам не выдал. Я их спрятал у себя на чердаке, больше года они там просидели. Покушать им родные приносили, что могли...». Евреев прятали у себя цыгане, которые и сами были буквально на волоске от гибели. Цыганка А. Белова, которой было девять лет в начале войны, вспоминала: «Отец мой в то время помогал партизанам, укрывал евреев. Я помню, как-то вечером пришла к нам молодая, красивая женщина. Тогда по вечерам облавы были, мать моя ей и говорит: “Ложись на кровать под перину!” Мне велела лечь сверху на неё. Мне завязала голову платком, и я лежала как больная. В дверь постучали, вошли немец и полицай. Они спросили: “Есть ли у вас кто чужой?” Мать ответила: “Нет”. Указав на меня, сказала: “Вот девочка у нас больная, может и тифом”. Немцы тифа очень боялись, посмотрели они вокруг и быстро ушли. Отец сказал женщине, чтобы она быстро оделась, и повёз её. На отца, видимо, кто-то донёс. Его арестовали и забрали в тюрьму, но потом выпустили».

В начале декабря сорок третьего в Остров приехали псковские артисты и дали пять концертов. Корреспондент газеты «За Родину» сообщал, что «Концерты прошли с большим успехом и каждый раз при полном сборе. Каждая концертная программа отличалась новыми номерами. Особенно понравились публике выступления И. А. Зарикто в “Арлекинаде” (муз. Дриго), юмористическая песенка “Паренек”, народные песни в исполнении В.В. Чиколини, и “Куплеты водовоза”, исполненные В. С. Нечаевым на собственный текст. Прекрасно спели Э. Ф. Богданова с И. В. Корниловым дуэт “Крики чайки” музыка Гросского и дуэт из оперы “Риголетто” музыка Верди». Линия фронта подошла к Островскому району в конце февраля – меньше чем через три месяца после этих концертов.

Немцы подготовились к обороне основательно. Еще в октябре сорок второго они начали строить укрепления Псковского-Островского оборонительного рубежа – доты, дзоты, землянки, траншеи, сборные железобетонные убежища из блоков, бронеколпаки, в которых были установлены пулеметы, проволочные заграждения, противотанковые рвы шириной до пяти метров, эскарпы, надолбы и противотанковые минные поля на танкопроходимых участках. Для строительства и земляных работ привлекали местное население. Вся эта линия укреплений была глубоко эшелонирована и называлась «Пантера». Общая глубина обороны достигала десяти – пятнадцати километров.

Преодолеть ее сходу нашим войскам не удалось. Части нашей армии остановились буквально в дюжине километров от Острова, и еще пять месяцев им пришлось вести кровопролитные бои на этих рубежах. Тяжелые бои под Островом шли до середины марта сорок четвертого, и результата они не дали. Оборону немцев прорвать не удавалось. Только за две недели в первой половине апреля на Чертовой горе в районе Пушкинских гор погибло девять с половиной тысяч наших солдат. В конце апреля попытки прорвать линию «Пантера» прекратились.

Двадцать второго июня, после сильнейшей артподготовки началось наступление на Остров. Первыми в атаку пошли штрафные части, а за ними части двух стрелковых дивизий – 229 и 225. Они и прорвали первую полосу линии обороны, но... занятые с таким трудом позиции им пришлось через три дня упорных боев оставить и с большими

потерями отступить на исходные рубежи. Немцы сопротивлялись отчаянно и постоянно контратаковали при поддержке танков и самоходных орудий. В начале июля советские части перерезали несколько дорог на Прибалтику и практически окружили Остров. Почти через месяц после начала наступления, двадцать первого июля 44-я стрелковая дивизия обошла город с востока и севера, а 146-я с юга и востока. Еще остававшиеся в городе немцы смогли уйти через железнодорожный вокзал буквально перед тем, как наступавшие части нашей армии замкнули кольцо окружения вокруг Острова. В боях за Остров было убито полтысячи немецких солдат и офицеров, семьдесят взято в плен.

К счастью, удалось спасти от разрушения мосты через Великую, которые противник спешно готовился взорвать. Об этом бое и сейчас нам напоминает табличка, укрепленная на одной из гранитных опор: «21 июля 1944 г. воины 146 СД из батальона Т. Рымара освобождая г. Остров спасли от уничтожения цепные мосты»⁴⁵. За взятие Острова всему личному составу 146-й стрелковой дивизии была объявлена благодарность приказом Верховного Главнокомандующего, а самой дивизии присвоено наименование «Островская».

Двадцать второго июля 44-я стрелковая дивизия форсировала в западном направлении Великую, и город был окончательно освобожден. В военно-историческом музее Острова несколько витрин заполнено личными вещами немецких солдат и офицеров, найденных в островской земле – ржавыми губными гармошками, крестами, алюминиевыми флягами, опасными и безопасными бритвами, зажигалками, спиртовками, полуистлевшими нашивками, погонями, измятыми тубиками с окаменевшими кремами для бритья, портсигарами, фаянсовыми кружками со свастикой, пустой бутылкой из-под французского Сент-Эмильона, вилками и ложками, которыми они ели перед тем, как им пришлось быстро сматывать удочки, и личные жетоны тех, кто не успел их смотать.

Газета «За колхоз» в середине октября сорок четвертого года писала, что до первого ноября «надо полностью закончить разминирование, чтобы ни одной вражеской мины не было на наших освобожденных полях». Сложно сказать, сколько всего мин оставалось в островской земле после войны, но некоторые саперы, среди которых было немало женщин, извлекли и разминировали по триста мин каждый. К первому ноября все же разминировать не смогли, но к пятнадцатому июня сорок пятого весь район от мин очистили.

Освобожденные поля нужно было вспахивать. Из того разбитого, что осталось после войны, удалось собрать восемнадцать тракторов. На весь район. Плюс четыреста лошадей на весь район, на которых пахали в отсутствие тракторов, плюс коровы, на которых пахали в отсутствие лошадей, плюс лопаты, которыми перекапывали... Конечно, государство Островскому району помогало. В сорок пятом и сорок шестом годах район получил шестнадцать тракторов, больше сотни автомобилей, почти две с половиной сотни лошадей, больше тысячи коров и около двух тысяч овец. Часть из этих овец была даже отдана в личное пользование колхозникам. Кто не знает, как советская власть любила раздавать скотину в подсобные единоличные хозяйства, тот пусть и не усмехается. Наверное, лет через сто или даже двести все эти шестнадцать тракторов, не говоря о лошадях, коровах и овцах будут смотреться как... да уже и сейчас смотрятся. Никто про них и не вспомнит, кроме каких-нибудь дотошных краеведов, а зря. В сорок пятом и сорок шестом, среди голода и разрухи, среди землянок и сгоревших изб, от которых остались одни печные трубы, среди баб, шедших за коровами,пряженными в бороны, они очень даже смотрелись. Кстати, об избах. За год, прошедший после освобождения района, построили шестьсот семьдесят изб, а еще около полутысячи заканчивали строить. С землянками как в районе, так и в городе удалось покончить только в сорок седьмом году. Впрочем, в данном случае, при таких катастрофических последствиях оккупации правильнее говорить не только, а уже покончили.

В самом Острове пострадало девяносто процентов жилых зданий. Вернее, не пострадало – было просто разрушено, как и были взорваны, сожжены и разорены две

электростанции, хлебозавод, фетровая фабрика, все клубы, лесопильный и черепичный заводы, выведены из строя школы, библиотеки, железнодорожная станция и взорван один из двух пролетов цепного моста через Великую. Проще перечислить то, что осталось целым.

Вот на этом месте, описывая послевоенное восстановление города и района вплоть до самых перестроечных времен, надобно сделать совсем не лирическое отступление. Рассказ о жизни города Острова подходит к концу – осталось описать около девятой части его бурной и многовековой истории. От конца войны до перестройки прошло около сорока лет – это, если рассуждать с точки зрения унылой арифметики, и вовсе шесть процентов от всей истории города, но как же трудно их описывать так, чтобы читатель не потерял интерес и не отложил рассказ в сторону, и вовсе не потому, что «Ходить бывает склизко по камешкам иным. Итак, о том, что близко, мы лучше умолчим». Да и о чем же тут умалчивать, когда работали на износ, поднимая из руин город и район – расчищали развалины, строили новые дома, магазины, столовые, медпункты, коровники, конюшни, засевали поля льном, который прекратили сеять во время войны, сажали на улицах Острова деревья, проводили воскресники, поскольку по субботам работали, получали ордена, переходящее красное знамя Совета министров СССР, почетные грамоты от правительства, открыли в пятьдесят шестом новый кинозал в районном Доме культуры на целых сто двадцать мест, в шестьдесят пятом промышленность района досрочно выполнила задания семилетки, выпустив сверх плана продукции более чем на пять миллионов... Вот вы уже и заскучили, но это все или почти все, что можно прочесть в книгах, изданных по истории Острова в советское время, в газетах «Островская правда» и «По ленинскому пути». В девятнадцатом веке о живой островской жизни можно было узнать из «Псковских губернских ведомостей» – там печаталось разное, но в островской газете «По ленинскому пути», посвященной 650-летию города, кроме поздравлений можно прочесть о том, что план выполнен, о покровительствующей городу иконе Казанской Божьей матери, о том, что удои нужно повышать, что город не устает возрождаться, о ценах на фунт ржаного хлеба в девятьсот четвертом году, о лагере «Юный строитель коммунизма»... и все. Что примечательно – об этом периоде и местные краеведы не очень-то и пишут. Все норовят написать о дворянах Островского уезда, о героических страницах обороны или даже о временах Алексея Михайловича, но о временах Леонида Ильича...

Все же нужно, правды ради, сказать, что за эти сорок лет Остров сильно прибавил – работали в нем молочный, кирпичный и льнообрабатывающий заводы, мясокомбинат⁴⁶, цех псковского электромашиностроительного завода, хлебокомбинат, завод ЖБИ, домостроительный комбинат, филиал Павлово-Посадского конденсаторного завода, на котором работали большей частью женщины, швейная фабрика «Первомайская заря», сапоговаляльный, столярный, шерсточесальный цеха, сапожная мастерская, кузница и все то, чему полагалось работать, и работало, как и все тогда работало, в обычном советском райцентре областного подчинения. Город разросся, и в городскую черту вошли земли двух военных городков – Остров-2 и Остров-3, начатых строительством еще до войны. Население города в девяносто восьмом году достигло максимума – тридцати тысяч человек. Строго говоря, темпы роста населения стали падать еще с начала восьмидесятых, и к сегодняшнему дню в Острове проживает его почти на треть меньше, чем в девяносто восьмом. Оно и не мудрено – в девяностые годы то, что мы строили, строили и почти достроили начало как-то очень быстро разваливаться. Умерли домостроительный комбинат, завод ЖБИ, мясокомбинат, льнокомбинат, конденсаторный завод вместо конденсаторов стал выпускать скобяные изделия, медицинскую мебель и обычную из натуральной сосны. Зато работает филиал Лужского абразивного завода, выпускающий самый различный абразивный инструмент вроде абразивных кругов и наждачной бумаги. Средняя зарплата на всех этих предприятиях со слов островичей – тысяч двадцать, а если повезет хорошо устроиться, то и двадцать пять, и потому кормильцы семей едут и едут в

город Санкт-Петербург, поскольку он ближе Москвы, на заработки. Молодежь, желающая продолжать учебу, уезжает еще раньше. В городе остаются работники муниципальных предприятий и те, кому уезжать некуда, незачем, поздно, да и не хочется. Остров им не чужой.

Если с набережной смотреть на остров – туда, где когда-то стояла крепость, на мосты через Великую, на Никольскую церковь, город очень красив. Как говорил герой «Очарованного странника» Иван Северьянович Флягин: «Словом сказать – столь хорошо, что вот так бы при всем этом и вскрикнул...».

Ранее июльское утро две тысячи двадцать первого года в Острове состояло из солнца, золотящего кресты на куполе и колокольне Спаса Нерукотворного, из колокольного звона к ранней литургии в Троицком соборе, из тихой и пустынной улицы 25 Октября, по которой тарахтит маленький старый автобус, из большой, белой, в рыжих подпалинах собаки, которая бежит за ним, из небритого мужчины в застиранной голубой майке, идущего за собакой, из старых и очень старых купеческих особняков, глядящих исподлобья, из подвесных мостов через Великую, из едущей по ним на велосипеде с корзинкой на переднем колесе девушки с развевающимися волосами, из красного рюкзака в этой корзинке, из самой реки, из трех пролетающих над ней уток, из еще двух плавающих у берега и еще одной с пятью пушистыми утятами, прячущейся в зарослях рогоза, из двух мальчишек, удящих рыбу с деревянных мостков, из криков неугомонных чаек, из трех или четырех десятков мальков мал мала меньше, из множества их теней, таких же неуловимых, как и они сами, из замершей над этими мальками цапли, стоящей по колено в воде, из бликов, прыгающих по маленьким камешкам, устилающим дно... и все это выглядело как рай, если его, конечно, не потерять.

¹Построили храм из того же известняка, что и стены крепости. О постройке ее имеется запись в Псковских летописях «...в лето 7051... поставиша в городе Острове святого Николу». Что касается строителей церкви, то в метрике церкви 1887 года есть запись, сделанная на основании записи в старом синодике церкви, написанном в 1553 году дьячком Степаном Безноговым, где создателями или строителями названы «Захарий, Николай и Мария, а какого они чина, того не видно... А с того старого Синодика 7061 года списывал Николаевский священник той же церкви Гавриил Петров сын Юрьев лета 7206 июня в 21 день. А списывал своею рукою для ведома впредь идущим людям». На барабане церкви остались фрагменты керамической ленты-надписи, выполненной одновременно с постройкой. Кроме Великого князя Ивана Васильевича в этой надписи упоминаются церковные старосты «...Ларивон Левонтеев да Михаила Кузьмин Кюрила Григорьев сын Иван сее... сове...» и все. По городской описи Ивана Дровнина со товарищи 1584–1585 годов, на звоннице, устроенной непосредственно на Никольских воротах рядом с храмом, были часы с боем: «А на колоколници часы боевые, а купили их до прежних писцов на никольские на казенные деньги, а выдולי 12 рублей». Теперь их нет, и куда они подевались, никто не знает. В начале девятнадцатого века к церкви пристроили двухъярусную колокольню, на которой висело пять колоколов, самый большой из которых весил почти три с половиной тонны.

Что касается архитектурных особенностей, то это классическая псковская церковь. Ничего необычного, кроме того, что церковный алтарь вопреки всем церковным канонам ориентирован не на восток, а на север, то есть на Псков, который и был настоящей Меккой всех псковских пригородов. Правда, строилась церковь в то время, когда Псков уже лет тридцать как потерял свою самостоятельность, но островичи решили все же напомнить себе и Москве, что подчиняться будут только Пскову. Так гласит одна из легенд о строительстве церкви, а другая уверяет, что Никольская церковь среди четырех

других, построенных по границам Псковской республики, смотрит алтарем на псковский Троицкий собор. Таких церквей осталось всего две – одна в Острове, а другая в Порхове.

В Никольской церкви, еще до всех потрясений прошлого века, хранились две местночтимых иконы «Сошествие во ад» и «Богоматерь Казанская». Последняя, по преданию, висела над крепостными воротами. «Сошествие во ад» датируется концом XIV – началом XVI веков. Теперь она хранится в Русском музее*. Большевики церковь разрушить все же не посмели, но устроили в ней склад и только в послевоенное время храм, сильно пострадавший во время оккупации Острова немцами, передали верующим.

В шестидесятых его даже отреставрировали, и во время реставрации на обратной стороне одной из керамических плит были обнаружены две надписи «плотник сей ображец резал Давыд» и «Тимоха печник». Кто они были – эти Давыд и Тимоха? Наверное, плотник был мужчиной в возрасте, солидным и аккуратным, не любившим, когда стружки застревают в бороде, а печник – молодой, вечно перепачканный глиной, разбитной парень, но уже женатый и с оравой детишек мал мала меньше. Кому они писали свои имена на обратной стороне плит? Кому хотели сообщить, что они есть на белом свете? Уж точно не людям. Людям писали церковные старосты Ларион Левонтеев, Михайла Кузьмин, Кирила Григорьева сын, да Иван, про которого мы только имя и знаем, а плотник и печник писали... Ему, кому же еще. Вряд ли они думали о реставрации, которая случилась через четыре сотни с лишним лет.

Интересно, что точно такие же надписи были обнаружены на керамических плитах подземного некрополя Псково-Печерского монастыря. Выходит, что островичи умели держать в руках не только бердыши и пищали. Может, конечно, эти плитки делали мастера во Пскове и оттуда они попадали и в Остров, и в Псково-Печерский монастырь, но кто нам мешает думать, что это были островичи? Никто.

*По преданию эта икона входила в состав иконостаса, подаренного храму еще Иваном Грозным. После постройки в конце восемнадцатого века нового городского Троицкого собора Никольскую церковь, бывшую до этого соборной, приписали к нему, и икона «Сошествие во ад с избранными святыми» была передана новому собору, а уже в 1958 году экспедиция Русского музея забрала ее в Санкт-Петербург. Как такая старинная и ценная икона пережила тридцать восемь лет советской власти и три года немецкой оккупации... Я спрашивал об этом у прихожан Троицкого собора, а они у настоятеля, но оказалось, что они вообще не знают о том, что такая икона была в соборе. В краеведческом музее Острова мне на этот вопрос тоже ответить не смогли. Впрочем, может быть, она и провисела тихонько в соборе все эти годы. Кто-то ее уберег от злоключений. Не будем гадать кто.

²Собственно военных было не так уж и много – две сотни стрельцов и сотня детей боярских. Среди тех, кто сдался на милость победителя, был один польский пехотинец – русин, как уточняет Пиотровский. Аккурат перед артиллерийским обстрелом он бежал к островичам, думая, что крепость неприступна. Это был не первый его побег. Много лет назад он бежал из России в Швецию, потом из Швеции перебрался в Польшу, поступил на военную службу к польскому королю и уже в составе войска Стефана Батория дошел до Острова. Поляки его после взятия Острова забрали с собой под стены Пскова* и через восемь дней четвертовали. Лучше, конечно, не произносить здесь банального «От судьбы не уйдешь», памятуя о четвертовании, но как удержаться...

*Из-под стен Пскова Пиотровский писал в Польшу в конце декабря: «В Острове наших убивают, большие огорчения причиняют нашим...».

³Археологи время от времени копают на территории крепости и вокруг нее, но так, чтобы найти сапог Стефана Батория, или хотя бы его шпору, или его записную книжку, или мушкет с гравировкой «От литовских товарищей по оружию на недобрую память» – этого нет. Находят металлические наконечники стрел, подставки для кремневых ружей, каменные и чугунные ядра, свинцовые пули, малые и большие щипцы для их отливки, позеленевшие медные пуговицы и нательные крестики. Нашли даже керамический свисток то ли четырнадцатого, то ли шестнадцатого века, но кто из него свистел и кому...

⁴Огороды, правда, у всех были разные. У осадного головы Микиты Скудина, если сажени шестнадцатого века перевести на наши сотки, то выходило чуть больше двадцати двух, а огород дьячка Никольской церкви Григория Константинова немногим больше одной сотки. Пушкари тоже имели разные огороды. Пушкарь Макоша Хлоптун обрабатывал огород площадью почти в семьдесят соток и ни в чем себе не отказывал, а пушкарь Ортюша Онтуфьев имел всего две с лишним сотки. За каждый огород платился оброк, пропорциональный обрабатываемой площади, и только огород старцев, живущих в городской богадельне, этим налогом не облагался. К примеру, Макоша Хлоптун платил за свой огромный огород, похожий на колхозное поле, десять алтын или тридцать копеек оброку, а Ортюша Онтуфьев за свои две сотки всего один алтын или три копейки, против которых даже наши три рубля как плотник супротив столяра.

⁵Что уж они там делали этими ложками, я не знаю. Могли свинец разливать в пулелейки, а могли этими ложками и раскаленные железные ядра вкладывать в пищали.

⁶Чеснок здесь не тот, который едят или сажают под зиму, а тот, который противоконное заграждение – маленькое, острое, ранящее лошадиные ноги.

⁷Исай Иванович Дубровской не просто так стал островским воеводой – он этого места добивался и даже писал челобитную Алексею Михайловичу. В докладной выписке по челобитной Дубровского о назначении его воеводой в Остров было сказано: «И великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержцу, бил челом пусторжевец Исай Дубровской, чтоб великий государь пожаловал за службы, и за полонное терпение, и за кровь родимцев его, велел ему быть на своей государевой службе во псковском пригороде в Острове на Осипово место Неелова, как ему, великому государю, Бог известит.

А в розборных книгах розбору боярина и воеводы князя Ивана Андреевича Хованского с товарищи 174-го году написано: пусторжевец Исай Иванов сын Дубровской, в поместье за ним крестьянских и бобыльских 17 дворов, и те дворы позжены и посечены, а иные розбрелись и кормятся по чужим дворам, и с того поместья служит он з детьми сам-четверть, а на воеводстве и на приказе нигде не бывал; окладчики про него сказали, что он за старостью от государевы службы отставлен и с него взят даточной с приверсткою. А в пусторжевском в подлинном списке нынешняго 175-го году написано: выбор, помесной оклад на службы с придачами 700 чети, Исай Иванов сын Дубровской». На обороте этой бумаге две записи. Одна «Справил Федка Левонтьев», а вторая «175-го июня 26 великий государь пожаловал за ево Исаевы службы и за полонное терпение, велел ево в Остров отпустить и наказ и о росписке свою государеву грамоту ему дать».

Вот так начнешь разбирать историю маленького Острова, который и не на всякой карте можно увидеть, а внутри нее обнаружится многовековая история небольшой крепости, а внутри крепости уж совсем крошечная история Ивана Исаевича Дубровского, которого царь пожаловал должностью воеводы, а внутри этой истории и полонное терпение, и кровь родимцев, и разоренное поместье, и семнадцать сожженных и посеченных крестьянских и бобыльских дворов, и трое детей, и отставка, в которую не уйдешь, прежде чем не отдашь в армию вместо себя крепостного, да еще и приплатишь...

⁸История сохранила нам имя подьячего – его звали Роман Шейкинской.

⁹Не будем относить ½ копейки к скупости правительства, которое высчитывало жалование своих служащим с такой точностью. В те времена целую курицу можно было купить за копейку, в крайнем случае, за две, а пуд ржаной муки стоил восемь копеек.

¹⁰Из этих тридцати семи детей дворян и чиновников пятеро, детей купцов – семнадцать, детей мещан – пятнадцать. Все они были не младше пяти и не старше двенадцати лет. Пятилетних и шестилетних было по двое. Семилетних шестеро, восьмилетних девять, девятилетних четверо, десятилетних десять, одиннадцати и двенадцатилетних по двое.

¹¹К обеду и к перемене лошадей готовились заранее. Прислана в Остров была бумага, по которой нужно было приготовить восемьдесят одну лошадь под экипаж царя, его свиты, и список продуктов для обеда. В этом списке были: «говядины 2 пуда, телят – 1, баранов – 1 (где можно найти), провесных окороков – 1, копченых – 1, шпеку – 5 фунтов, поросят – 1, индеек – 2, кур русских – 4 пары, цыплят – 10 пар, рыбы живой какой только можно будет достать, и каких бы званий не было, блюда на два. Разных кореньев и зелени, какой только можно где достать, разных сортов и каких бы званий не было, или где что в урожай быть может. Муки крупчатой лучшей 30 фунтов, муки ситной – 1 пуд (а где можно хлеб, ситной муки не надобно будет). Масла свежего лучшего – 10 фунтов, русского – 5 фунтов, яиц свежих – 100 штук, дрожжей, где можно достать будет. Круп гречневых $\frac{1}{4}$ четверика, соли – 1 фунт, молока – 8 кружек, сливок – 10 бутылок (еще сверх оных чтоб на каждой станции были в запасе), творогу – 5 фунтов, сметаны – 5 фунтов. И по означенным станциям, где обеденные и вечерние столы, на каждой печи топленные и приготовлены были также вода чистая и рабочие мужики и бабы были б; ежели же из оной провизии чего достать будет нельзя, то оным не затрудняясь заменять другою, забранной же провизии, работникам и всему расходу заготовлять в то же время записки, дабы безостановочно на каждом месте платеж чинить можно было». Прочитаешь этот список и подумаешь – с одной стороны, ну и... есть гораздо была свита императора, а с другой – «ежели же из оной провизии чего достать будет нельзя, то оным не затрудняясь заменять другою», а с третьей, и самой, может быть, важной, «заготовлять в то же время записки, дабы безостановочно на каждом месте платеж чинить можно было». Поел и расплатился. Царь со своими же подданными. Не отходя от обеденного стола.

¹²Любопытный Севергин даже переписал рецепты приготовления островского уксуса и пастилы, по которым у себя дома, в Санкт-Петербурге приготовил и то и другое.

«Недостаток ли, или промышленность научила здешних любителей хозяйства готовить некоторые собственные припасы, а особливо уксус и пастилы. Для уксуса берут один штоф простого хлебного вина, которое вливают в ведро; к сему присовокупляют один фунт меду и полстакана клюквы; остальное же доливают чистою водою, и дают всему сему смешению бродить на теплой печи до тех пор, пока окажется так называемое гнездо, после чего произведенный уксус сливают в бутылки. Такой уксус имеет крепость наилучшего ренского уксуса и притом приятной розовой цвет. Когда же помянутое гнездо единожды образуется, то стоит только подливать сыты для продолжения образования уксуса...

Что касается до пастилы, то сперва выдавливают сквозь сито, или прожимают сквозь холстину сок той ягоды, из которой ее готовить намерены, потом его бьют, подмешивают к нему сахару. И паки бьют, пока делается густоват подобно жидкому киселю, и наконец выливают в формы и сушат в легком жару в печи. Таким образом готовят пастилу из всяких ягод, и особливо весьма вкусную из крыжовника и рябины».

¹³Каких только налогов тогда не собирали с островичей. К примеру, по указу восемьсот восьмого года с островских купцов и мещан брали по двенадцать копеек с каждой души на покупку драгунских лошадей для армии. Выходило все равно мало – чуть больше шестидесяти рублей.

¹⁴И еще о сухарях. Когда к концу двенадцатого года через уездные города Псковской губернии потянулись конвои с замерзающими от холода, голодными пленными французами, испанцами и голландцами, островскому городничему пришлось на их пропитание истратить сухари, заготовленные для других нужд.

¹⁵Строительство станции простым не было. В феврале восемьсот тридцать восьмого года псковский губернатор получил из МВД предписание построить в Острове каменный станционный дом с гостиницей. Денег на это строительство ассигновалось 64700 руб. Немалые, между прочим, деньги, которые никто сразу выдавать не собирался, а только по мере выполнения работ – сначала ров под фундамент, потом выкладка фундамента, потом возведение стен... в министерстве внутренних дел умели планировать. Губернский землемер нарисовал план, на котором было обозначено место почтовой станции и... сразу же обнаружилось, что на этом месте находились земли мещанина Мамонова и мещанки Горшановой, которые продавать свои земли не собирались. Уговорить их было велено городскому предводителю дворянства барону Фитингофу. Барон поугovarивал, поугovarивал и доложил губернатору и в МВД, что Мамонов и Горшанова не уговариваются. В начале марта из МВД пришло предписание определить стоимость земли по десятилетней стоимости дохода от огородов и стоимости сараев и построек, согласовав все это с владельцами. Создали комиссию для переговоров, в которую кроме барона Фитингофа вошли представители городского магистрата и помощник губернского архитектора. В итоге договорились о цене за землю, за снос ветхих сараев, за перенос новых... На круг вышло три с половиной тысячи. Подписали сделку и приступили к выплатам, но к тому времени, то есть к маю восемьсот тридцать девятого года, мещанин Мамонов взял да и приказал долго жить. Комиссия собралась еще раз и постановила выплатить деньги наследникам Мамонова. Магистрат еще и обязался взамен проданной земли предоставить наследникам Мамонова и Горшановой предоставить новые бесплатные земли из свободной городской земли взамен проданной.

Началось строительство. Завезли бочки со смолой и тюки с просмоленной паклей для гидроизоляции фундамента, известковые плиты, известь в бочках и другое, разное, необходимое для строительства. Само собой, наняли сторожа для охраны стройматериалов, и когда строители уже были готовы приступить к работе... совершенно неожиданно выяснилось, что строительных материалов недостает. В бочках недоставало смолы и извести, а в тюках просмоленной пакли. Натурально обвинили сторожа, который вину на себя брать отказывался, а вместо того клялся и божился, что охранял не вес бочек, а их количество. Создали еще одну комиссию и выяснили, что недосыпал, недоливал и не докладывал недобросовестный подрядчик, который думал...

Станцию все же построили, и она, хотя Пушкина и не помнит, но нас точно помнить не будет. Впрочем, лет через сто, а тем более через двести вся эта разница буквально в три года между провозом тела Пушкина в Святогорский монастырь и датой постройки станции растворится во времени, и уже можно будет уверенно говорить и писать, что солнце русской поэзии неоднократно бывало на станции и покупало там «Вдову Клико». Меньше трех бутылок за раз Пушкин и не брал никогда.

¹⁶Событием это не назовешь, а все же... Во втором номере «Псковских губернских ведомостей» за 1840 год было напечатано следующее объявление Островского уездного суда о вызове к выслушанию решения: «Наследники Коллежского Советника Брылкина и Бригадирши Алексеевой и Надворный советник Рафаиль Зотов, или их поверенные в положенный законами срок по делу о деревне Смолихиной, полковника Брылкина, проданной сим Правлением с аукционного торга г. Зотову, а потом заложенной г. Брылкиным в Санкт-Петербургском Опекунском Совете и проданной оным с аукционного же торга Бригадирше Алексеевой». Видимо, коллежский советник и полковник Брылкин, пока был жив, Смолихину деревню продал не раз и не два – сначала надворному советнику Зотову, потом исхитрился получить под нее залог у Опекунского совета, потом через другой аукцион, как уже свободную от залога, продать еще раз бригадирше Алексеевой. При жизни Брылкина все эти махинации сходили ему с рук – все же девятнадцатый век не двадцать первый, отсутствие единой электронной базы документов и все такое, но когда он помер, объявились наследники и тайное стало явным. Между прочим, Павел Иванович Чичиков тоже был коллежским советником, но это так, к слову.

Раз уж зашла речь о судах, то Островский земский суд в те годы довольно часто давал в «Псковские губернские ведомости» объявления о нахождении мертвых тел на территории уезда. Как правило, это были крестьяне. Объявления все однотипные, как и должно быть в таких случаях. В каждом есть прилагательные «ветхий», «поношенный», «старый». К примеру, «...Островский земский суд объявляет, что близ сельца Артемина помещицы Поздеевой, найдено на реке Кухве мертвое неизвестного звания мужескаго пола тело, одетое в старую овчинную шубу, опоясанное портяным кушаком, в холщовых белой рубахе и синих портах, обутое в веревочные лапти с суконными онучами... роста среднего, около 60 лет»; «Близ деревни Манасевой горы мертвое тело мужского пола, одетое в серый крестьянского сукна кафтан, опоясанное шерстяным поясом, под ним ветхая овчинная шуба, белая холщовая рубашка с оловянною пуговицей, в холщовых портах, обутое в солдатские сапоги и холщовые онучи. 20 лет, в левом ухе медная серьга»; «Островский земский суд объявляет, что найдены неизвестные мертвые тела: 1) женского пола, одето в ветхую шубу, на голове два платка холщовых, ситцевой красного цвета платок, в черных холщовых нарукавниках, синем набойном сарафане и белой холщовой рубахе, обуто в лапти и онучи с веревочными оборами 40 лет. 2) женскаго пола, роста средняго, около 16 лет... одето в ветхий сераго крестьянского сукна кафтан, поношенный полушубок, холщовую рубаху польского покроя, холщовый камзол и юбку, на плечах суконный пустой мешок, обута в суконки и лапти с веревочными оборами». Выводы... Какие тут выводы на основании нескольких прилагательных. Никаких.

Вот вам другое объявление Островского земского суда, опубликованное в восьмьсот сорок пятом году: «...во время проезда из Острова по Новоржевскому тракту, потерян Титулярным советником Яковым Ивановым Соболевским узел, в коем находились: об отставке его аттестат, выданный ему из Островского Уездного Суда, две доверенности, данные дворянином Осипом Андреевым Маевским, заемное обязательство в 600 руб. сер. данное ему штабс-капитаном Алексеем Васильевым Хорошиловым, фунт цветочного чаю, два фунта кофе, бумажная табакерка, теплые полушерстяные полусапожки, козловые башмаки, 15 свинцовых пуль, два патрона и белый носовой платок». Небось на природу в окно глядел, их благородие Яков Иванович. Хорошо еще, что шляпа не слетела.

¹⁷Кстати, скажем и картофеле. Его в то время довольно успешно выращивали в Псковской губернии, и в частности в Островском уезде. Уездный предводитель дворянства даже написал письмо псковскому губернатору о пользе выращивания картофеля а ~~то губернатор этого не знал~~, опубликованное в губернских ведомостях в восьмьсот сорок первом году.

«В Островском уезде почти все помещики, которые обращают хотя несколько внимания на сельское хозяйство, давно уже начали засеивать у себя картофель и понуждают к тому крестьян своих, видя в растении сем единственное средство, могущее обеспечить их продовольствие в годы таких изменчивых урожаев хлеба, какие бывают в наших краях. Это главная выгода, которая одна, в особенности ежели посев будет производиться у самих крестьян на полях в достаточном количестве, может заставить заняться разведением картофеля. Кроме того, картофель может быть сбываем с выгодами на винокуренные заводы, также употребляемые для крахмала. Наконец разведение картофеля может улучшить у крестьян сельское хозяйство, поправить их состояние и отвлечь от пагубного возделывания в таком огромном размере, с таким неискусством, убытками и ущербом для земли льна, истощившего повсюду почву до того, что одну из главных причин неурожаев в нашем краю должно отнести к этому безмерному разведению льна»*.

*Заметим в скобках, что вслед за предводителем уездного островского дворянства об истощении почвы льном в Псковской губернии, правда, лишь через пятьдесят восемь

лет, напишет человек, раздувший на горе всем буржуям мировой пожар, в своей работе «Развитие капитализма в России».

¹⁸В Острове середины позапрошлого века ориентироваться было просто и удобно. В восемьсот сорок пятом году городская Дума приняла решение об изготовлении трех сотен табличек с названиями улиц и фамилиями домовладельцев.

¹⁹Если быть точными, то 295 915 рублей и 42,5 копейки. Цифру эту островичи решили не забывать никогда и оставить в назидание потомкам. Она написана на памятной табличке, укрепленной на одной из гранитных опор моста.

Все же, не удержимся от некоторых технических подробностей. Первый проект постоянных мостов был предложен еще в восемьсот тридцать седьмом году. Решение было простым и незатейливым – два арочных трехпролетных моста. Посчитали стоимость и... отказались. Уж больно дорого выходило. В восемьсот сорок первом новый проект – два двухпролетных моста с пролетными конструкциями из деревянных дощатых ферм. Посчитали стоимость и... снова отказались. Еще через пять лет был представлен новый проект, который оказался похож на старый, только деревянные фермы предполагалось сделать из бруса. Все эти проекты мало того что были дороги, так еще и требовали установки опор в русле Великой, которая и без опор мелка, узка и практически несудоходна. Рыбы тоже были против. Вот тогда-то инженер Краснопольский и предложил свой проект висячих цепных мостов, который по тем временам был довольно смелым. Учитывая повышенную чувствительность таких подвесных конструкций к колебаниям, автор проекта предусмотрел дополнительные деревянные решетчатые фермы жесткости, а ведомство графа Клейнмихеля даже разработало специальное «Положение о движении по цепным Островским через рукава р. Великой мостам», в котором говорилось, что езда экипажей по мостам разрешается только шагом; лошади, быки и коровы проводятся через мосты шагом не более полусотни голов разом; пехота по мосту должна была обязательно идти не в ногу, а кавалерия шагом справа по три; во время крестных ходов и других публичных церемоний переход по мостам разрешается только рядами, и в это время экипажи по мостам не проезжают.

²⁰У меня нет сегодняшней статистики по незаконнорожденным православным детям в городе Острове потому, что теперь эти дети называются рожденными вне брака, что конечно же правильнее, а статистика по детям, которых родители крестили, и вовсе ведется по другому ведомству. Кроме того, есть еще дети атеистов, мусульман и других конфессий, которых полтора с лишним века назад в Острове, да и во всей губернии было очень мало, но есть статистика по Псковской области, по данным которой в 2021 году родилось 18,4% вне брака. Все же, хотя руки и чешутся сравнить и сделать выводы, лучше воздержаться от этого, поскольку незаконнорожденный, то есть рожденный вне церковного брака, ребенок девятнадцатого века и незаконнорожденный двадцать первого – это все же не совсем одно и то же, но... отметим, что 18,4% это совсем не 26,5% и, тем более, не 41,6%. Хотя внутри области райцентры могут и отличаться. Пусть и не так сильно, как раньше.

²¹Есть, правда, одно предположение... В те годы, о которых идет речь, в Острове размещался один из батальонов Псковского пехотного полка вместе со штабом. Солдаты и офицеры жили не в казармах, которых и не было вовсе, а стояли постоем на квартирах островских обывателей. В Острове батальон доукомплектовали рекрутами из Псковской, Эстляндской и Тамбовской губерний и переименовали в Псковский резервный пехотный полк двухбатальонного состава. Ну, и... Правда, и в других уездных городах Псковской губернии тоже квартировали воинские части. В соседней Опочке, как уже упоминалось, и вовсе стояли лейб-гусары в таких венгерках и в таких усах, от которых у женщин обмороки случались, и ничего, а тут пехота... Впрочем, все это лишь предположение.

²²Население Острова уже тогда, в 1874 г., было многонациональным, разных вероисповеданий. Из общего количества жителей в 3081 человек: иудеев – 255, лютеран – 184, католиков – 92, один армянин, шесть раскольников и остальные православные.

²³Пусть это и скучные материи, но хотя бы в примечаниях нельзя не сказать и о содержании островских городских и сельских школ. Большую часть расходов на образование, то есть 58% от всей суммы в 63391 руб. оплачивало земство. Плата за обучение давала 22,1%. С пожертвованиями от отдельных меценатов, то есть от горожан, дело обстояло плохо – они приносили всего 3,1%. Сельские сообщества давали еще меньше – 1,1%. Доля города составляла 9,4%. Конечно, девять с небольшим процентов, это не бог весть какая сумма – около семи тысяч рублей, но если ее сопоставить с городскими доходами, которых в восемьсот семьдесят восьмом году было 20197 руб. 77 коп., то выходит не так уж и мало – почти треть. Нельзя при этом не отметить, что городской бюджет был тогда сведен с профицитом в 3135 руб. 67 коп. Последняя сумма большой не кажется, но слово профицит в городском бюджете Острова не так уж и часто встречалось до того времени, да и сейчас, если внимательно посмотреть...

²⁴С одной стороны, нет, наверное, никакого интереса нашему современнику читать звания и фамилии этих давно умерших людей, а с другой... прочтите. Они не уплывали из Острова открывать Америку, не забирались на Эверест, не строили самолет, чтобы улететь к чертовой матери или хотя бы туда, где нас нет, а остались и были попечителями женской прогимназии в уездном городке Остров Псковской губернии – распределяли пожертвования, покупали учебные пособия, составляли правила приемных, переводных и окончательных экзаменов, назначали стипендии, пособия, жалованье учителям, оплачивали их квартирные расходы... Список небольшой – всего четырнадцать человек: почетная попечительница – жена островского помещика Елена Николаевна Изъединова, председатель попечительского совета – председатель Островской уездной земской управы, тайный советник Константин Иванович Ларионов, городской голова купец Василий Алексеевич Шелков, доктор медицины и статский советник Карп Федорович Трояновский, действительный статский советник Николай Владимирович Симанский, купец Антон Петрович Посисеев, мещанин Николай Григорьевич Белянинов, крестьянин Иван Савельевич Иванов, купец Иван Павлович Судоплатов, купец Иван Павлович Крылов, мещанин Федор Герасимович Букатин, купеческая жена Клавдия Петровна Антипова, купеческая вдова Алла Алексеевна Быкова, купеческая жена Марья Алексеевна Быкова, купеческая жена Александра Степановна Алексева.

²⁵Дома трудолюбия появились в России в конце позапрошлого века. Придумали их в столице для того, чтобы помогать незащищенным слоям населения, то есть бедным. В таком доме можно было получить работу, еду и даже переночевать. Детей и подростков в домах трудолюбия собирались еще и обучать различным ремеслам с тем, чтобы они могли потом сами найти работу. Хорошо придумали, что и говорить, но денег на содержание Домов трудолюбия власти не давали. Предполагалось, что их на местах добровольно соберут те, которые... всегда добровольно их собирают.

²⁶Между прочим, из рода купцов Калашниковых происходила Мария Васильевна Рерих (урожденная Калашникова) – мать Николая Константиновича Рериха. Родители художника венчались в Острове в восемьсот шестидесятом году в церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Дом бабушки Рериха до сих пор стоит в Острове.

²⁷В восемьсот девяносто восьмом году российскому пожарному обществу был присвоен титул «Императорское» в связи с пятилетием существования. Узнав об этом, Правление Островского пожарного общества по предложению Главного Совета Соединенного Российского пожарного общества постановило ознаменовать это событие торжественным молебном в местном Троицком соборе в присутствии действительных членов общества. По окончании молебна собравшиеся члены единогласно решили послать на имя Председателя Главного Совета Императорского Российского пожарного общества Его Сиятельства Князя Львова телеграмму следующего содержания: «Островское вольное

пожарное Общество, извещенное Вашим Сиятельством о Высочайшей милости, дарованной соединенному пожарному Обществу, движимое чувством беспредельной преданности Его Императорскому Величеству и проникнутое благоговейной признательностью, отслужив сегодня торжественное молебствие о здравии и благоденствии Его Императорского Величества и всего Царствующего дома, ходатайствует пред Вашим Сиятельством повергнуть к стопам Его Величества выражение верноподданнических чувств Общества». За Председателя Правления Член Правления Городской Голова Федор Семендяев.

В том году в Острове было четырнадцать пожаров.

²⁸В девятьсот третьем году инженеру Виттенбергу город выдал триста рублей за составление проекта электрического освещения города.

²⁹Койки для рожениц появились в городской больнице только в девятьсот десятом году, да и то только три.

³⁰В уезде начальных училищ было куда больше – шестьдесят четыре. Содержало их Островское Земство. Обучалось в них 2977 мальчиков и 1099 девочек. Всего за 36 лет обучалось в земских школах 65337 чел. Из них окончили курс 8927 чел. Правду говоря, не так уж и много, если учесть, что в земских школах, как правило, долго не учились – они были трехлетними, а с началом двадцатого века четырехлетними.

³¹Леонид Леонидович Беклешов принадлежал к старинному дворянскому роду Беклешовых, владевших имениями в Островском уезде с шестнадцатого века. В первой половине девятнадцатого века в селе Трумалево, в родовом имении Беклешовых, в семье предводителя уездного Островского дворянства полковника Николая Сергеевича Беклешова и его жены Марьи Васильевны, урожденной Сушковой, воспитывалась ее племянница – Екатерина Александровна Сушкова. Та самая Сушкова, в которую без памяти был влюблен юный Лермонтов. Та самая Сушкова, которой он писал «Смеялась надо мною ты, и я презреньем отвечал...». И это не все. Седьмого апреля восьмьсот тридцать пятого года, в первый день Пасхи в доме у супругов Беклешовых с праздничным визитом был Пушкин. Одного этого визита достаточно, чтобы Беклешовы... Подумаешь, Сушкова. Кокетка и больше ничего. Усадебный дом Беклешовых перед войной, в девятьсот сороковом году, разобрали, перевезли в Остров, снова собрали и разместили в нем неврологическое отделение центральной районной больницы. Оно там и квартировало до две тысячи девятого года, а потом съехало. Опустевший дом постоял, постоял и обветшал вконец. Через несколько лет его разобрали.

³²Газета «Пчела» писала об условиях жизни сезонных и поденных рабочих у огородников: «У всех огородников насчитывается больше 200 рабочих. Рабочий день начинается с восхода солнца в три часа утра и кончается 10–11 часов вечера, так что за вычетом $\frac{1}{2}$ часа на обед и 1 часа на отдых (до 20 июля), общая продолжительность трудового дня составляет $18 \frac{1}{2}$ часов. Раньше заработная плата была выше, но, по мере обострения нужды в деревне, плата стала падать и теперь колеблется между 5–6 рублями в месяц. Много сил нужно рабочему, чтобы быть здоровому, при тяжелом изнурительном труде у огородников. Кроме стола (замечу – очень скудного) рабочие пользуются хозяйской квартирой, если эти клоповники можно назвать квартирой. Такая «квартира» обыкновенно помещается в подвальном помещении. Сырость, грязь, масса насекомых, отсутствие света, воздух, густо насыщенный испарениями грязных тел и гниющего в сырости белья – вот хозяйская «квартира». Свежему человеку трудно провести полчаса в такой ужасной обстановке, а рабочие живут здесь годами. Спят на голых, покрытых соломенными плетенками нарах, подостлавши под себя жалкое отрепье. В праздничные дни рабочие не пользуются своим отдыхом, а должны по приказанию хозяина исполнять разные работы – конечно, без всякого вознаграждения.

В гораздо худших условиях находятся поденные работницы из городской и деревенской бедноты. За тот же рабочий день они получают 20–25 коп. при своей провизии, которая состоит из хлеба с водой или квасом, а которые посостоятельнее – из

воды, прикрашенной кислым творогом. За право сходить домой, покормить голодных детей, бедная городская работница должна платиться четвертью поденной платы в пользу хозяина. Поденные работницы иной раз не пользуются даже отдыхом. Они, из благодарности за право работать, во время отдыха помогают по хозяйству огородничьим «барыням и барышням». Большинство этих работниц не имеют даже где ночевать, и несчастные крестьянские женщины принуждены ютиться в амбарах, сараях хозяев почти на голой земле. Заработанная кровавым трудом плата выдается не аккуратно и по капризу огородника. Кроме того, прежде чем запустить жирные пальцы в мошну, хозяин считает нравственным долгом прочитать нравоучение о пьянстве и лени рабочих, о прелести и пользе труда у огородников, об отеческой о них рабочих заботливости и т. д.

Таким образом, земельная неурядица в деревне гонит забитых, измученных непосильной нуждой крестьян к огородникам и создает такие условия, что на долю хозяина достается барыш и выгода, а на долю рабочих, добывающих им богатство, достается битье на работе и жалкие гроши. Большинство рабочих несознательные. О разумных развлечениях нет и помину. Единственное развлечение – это “шкалик”, уносящий его из одуряюще серой обстановки хоть на время. “Только бы земельки дала Дума, а там и палкой не заманишь на эту каторжную работу”, говорят рабочие-крестьяне... а пока что покорно тянут тяжелую жизнь батрака».

³³Педантичные оккупанты издали распоряжение, по которому «Каждое лицо, у которого имеются куры, должно поставить еженедельно по два яйца от каждой куры по цене, установленной 5-й запасной дивизией... Виновные в несоблюдении этого распоряжения наказуются денежным штрафом до шести тысяч марок и тюремным заключением до двух лет или одним из этих наказаний... Каждый владелец коровы, дающей молоко, обязан от каждой коровы ежемесячно доставить 2 фунта (800 граммов) масла, 4 фунта (1600 граммов) сыру или творогу 4 фунта». В сорок первом они уже так не церемонились...

³⁴В стихотворении были такие строчки: «Скоро в спину получишь ты пулю иль нож от своей же от белой оравы». Ошибся пролетарский поэт. Булак-Булаховича застрелил немецкий патруль, когда пытался задержать в мае сорокового года в оккупированной немцами Варшаве.

³⁵Губернская газета «Псковский набат» сообщала об открытии Островской ГЭС: «3 октября к 4 часам улица 25 Октября была переполнена. Здесь колонны различных профсоюзов, комсомольцы и пионеры со знаменами и оркестром. Стройно двинулись к зданию ГЭС. Расположились у новенького отштукатуренного, убранного зеленью здания. Начался митинг.

Представитель губисполкома объявил ГЭС открытой. Под звуки “Интернационала” и крики “ура!” перерезается ленточка, включается колесо и вспыхивает лампочка, освещающая прилегающие улицы. Восторг!

Крестьянин Володарской волости Ильин сказал в тот день: “Шептуны носились по городу и говорили, что ничего не выйдет, а вот мы видим, что станция построена. Выполняется завет Ильича”».

³⁶В том же году государство устроило розыгрыш крестьянского займа. В Острове по этому случаю был устроен настоящий праздник. Репортаж с праздника вел корреспондент «Псковского набата». С приветственным словом к участникам розыгрыша от Псковского окружка ВКП (б) обратился т. Трусов: «Большевистской весной этого года тысячи железных коней сметут межи и черезполосицу, победно возвестят о нашей победе над трудностями, что стоят на этом пути... Да здравствует сплошная коллективизация. Да здравствует союз рабочих и крестьян. Вперед к новым победам». Торжественное открытие тиража. Торжество открывается речью зам. Председателя тиражной комиссии т. Лурье. «В этом году целые округа, районы переходят на рельсы сплошной коллективизации. Наш Псковский округ в предстоящий год делает гигантский шаг к коллективизации – 11 районов, превращая их в льносемерассадник Всесоюзного

значения... Да здравствует 5 тираж займа укрепления крестьянского хозяйства!». Завертелись тиражные колеса. Первый счастливый номер. В первом заседании разыграно 50 выигрышей по 50 рублей каждый. От имени трудового крестьянства Порховского района выступил т. Григорьев. «Мы, порховичи, задания по последнему 3-му займу индустриализации выполнили на 200% и обязуемся в течение 10 лет держать его на руках. Привет 5-тиражу Займа укрепления крестьянского хозяйства. Да здравствует союз рабочих и крестьян. Бурными аплодисментами встречается предложение о посылке приветственной телеграммы ЦК ВКП (б) и ЦИК СССР на имя М. Ив. Калинина».

Для участников розыгрыша и гостей Острова была подготовлена и обширная культурная программа. В клубе Ленина – спектакль Ленинградского агиттеатра, в клубе «Динамо» тоже спектакль – комедия «Переполюх», в клубе Желдор – выступление живой газеты, в кинотеатре «3 Интернационал» – «Каин и Артем» – драма в 6 частях, в зале школы 2 ступени – кинопостановка «Закройщик из Торжка». Билеты распределяла профсоюзная комиссия.

³⁷Наталья Михайловна вспоминала: «МТС решили строить в Гривах Синеречского сельсовета. В поле, где обычно колхоз сеял кормовую свеклу, землеустроители отбили семь гектаров земли, взяли пробы воды и почвы и уехали. А я осталась одна жить у колхозницы Вишневской, чтобы строить женскую МТС. Было это в 1932 году.

Строилась МТС, скажем прямо, отвратительно. Техника прибывала, а ставить ее было некуда, ремонтной базы – никакой. Вот тут я собрала в портфель всю переписку бюро райкома партии, райисполкома с трактороцентром и поехала к Сергею Мироновичу Кирову. Принял он меня без всякой волокиты, выслушал и говорит: “Иди сейчас отдыхай, а часов в шесть вечера приходи ко мне”.

Когда я в назначенное время вошла в кабинет С. М. Кирова, то увидела там руководителей Островского района и Ленинградского трактороцентра, областного сельхозбанка и других. Киров открыл заседание бюро обкома партии и предложил мне: “Ну, т. Михайлова, доложите, как строится Гривская женская МТС, как работаете?”

Что оставалось мне делать? Я рассказала все. Больше Сергей Миронович никого не стал слушать, а коротко и ясно стал излагать, кому и что из собравшихся в кабинете нужно делать. В заключение, обращаясь ко мне, сказал: “Через три дня позвоните мне, как будет поступать строительный материал, а остальное будут проверять работники обкома партии”. Вот тут-то и завертелась машина. Нашлись и рабочая сила, и строительные материалы».

³⁸Доты «Линии Сталина»* и сейчас стоят. Почему бы им не стоять, если толщина стен у них от полутора до двух с половиной метров бетона. Только на крышах появились чахлые кустики травы, напоминающие волосы, пересаженные на голову облысевшего человека. Вооружение каждого дота состояло из трех станковых пулеметов «Максим» и двух пулеметов системы Дегтярева. Все там было предусмотрено – и радиостанция, и телефонная связь, и вентиляционные системы для отсоса стреляных газов от пулеметов, и изолирующие противогазы, и газоопределятель, и отопительная система, и аккумуляторы аварийного освещения, и фонари «Летучая мышь», и перископ, и даже выгребная яма. Жаль только, что почти всего этого, кроме оружия и боеприпасов, не завезли и не установили – в тридцать девятом и сороковом годах после присоединения Западной Белоруссии и Прибалтики граница отодвинулась от системы укреплений далеко на Запад и все доты законсервировали, недоделав и недооборудовав.

Теперь здесь музей. Стараниями его сотрудников в дотах проведено электрическое освещение, висят фонари «Летучая мышь», стоят полевые радиостанции и телефоны, в некоторых амбразурах установлены ржавые пулеметы времен второй мировой. Больше всего здесь ласточкиных гнезд, прилепленных в самых неожиданных местах. В некоторых из них пищат птенцы. По заботливо реконструированным траншеям лазают неутомимые школьники, которых сюда привозят на экскурсии.

Рядом, в ангаре, собрана военная техника тех времен – автомобили, мотоциклы, пулеметы, противотанковые пушки, зенитки и минометы. Больше всего мне запомнилась маленькая деревянная скамеечка. Ее принес в музей кто-то из местных жителей. Где-то она у него валялась в сарае. На тыльной стороне доски вырезано ножом «Kroger. Handlanger B. Jahr 1944»**.

*Официально «Линией Сталина» СССР никто эту систему оборонительных укреплений никто не называл. Та ее часть, которая была ближе всего к Острову, называлась Островским укрепрайоном. «Линией Сталина» ее называла западная и немецкая пресса.

**Крогер. Склад подсобных материалов. 1944 г.

³⁹Командовал в Острове отделением полевой жандармерии с января сорок третьего по май сорок четвертого Эрих Буркерт, по довоенной профессии булочник. Попал в плен в конце войны на территории Чехословакии. 29 июля 1949 года на допросе показал советскому следователю, что за пять месяцев его пребывания в должности в Острове было репрессировано от шестисот до семисот человек, расстреляно от шестидесяти до семидесяти и пятеро повешено. Точнее он не помнил, но то, что в двадцати казнях принимал участие лично, не забыл, поскольку отвечал за их проведение и охрану.

⁴⁰Из показаний, которые дал в пятьдесят третьем году советскому следователю Иван Антонов – командир карательного отряда ЕКА* в Острове: «Тюрьма в Острове имела 28 камер, рассчитанных на 200 человек. Начальником тюрьмы был немец Отто. Внутренняя и внешняя охрана тюрьмы возлагалась на отряд ЕКА... В сентябре 1943 по указанию немца Шелль группа полицейских (Маевский, Филиппов, Николай Иванов) под моим командованием приняла участие в расстрелах четырех советских граждан, среди которых была одна девушка. Мы вывели обреченных за тюрьму, где была приготовлена яма, поставили их лицом к яме, а сами выстроились на расстоянии 6 метров от них, взяв винтовки наизготовку. Я целился в затылок крайнего справа мужчины. По команде немца мы произвели залп. Убедившись, что они мертвы, мы столкнули их в яму, после чего немцы произвели контрольные выстрелы».

*ЕКА – Ein wohner kampf Abteilung (Местный боевой отряд).

⁴¹В Острове оккупационными властями издавался на русском языке еженедельник «Островские известия».

⁴²О том, что приказ отдал именно Зассе, он рассказал сам, на суде в Новгороде, в сорок седьмом году. Вину он признал полностью и получил двадцать пять лет каторжных работ. Всего двадцать пять за то, что в период с октября сорок второго года по май сорок четвертого на территории Островского, Славковского, Палкинского и Сошихинского районов им и его подчиненными были расстреляны более 500 человек, повешены 17 человек, заживо сожжены 140 человек, умерли от пыток и истязаний 71 человек, сожжено и взорвано 1122 населенных пункта, угнано в Германию 20 тысяч человек. В пятьдесят шестом Карл Зассе был репатриирован в Германию.

⁴³В июне шестьдесят пятого года обком КПСС утвердил текст мемориальной доски на здании цеха №3 электромашиностроительного завода. Именно в этом здании во время оккупации находилась тюрьма. Именно в этом здании работала в шестидесятых годах обмотчицей двадцатичетырехлетняя дочь Милы Филипповой, Инна.

⁴⁴По какой-то причине часть островских евреев осталась в живых. Их, по воспоминаниям Доры Ротберг, в сентябре сорок третьего повезли в Рижское гетто. Везли

через Саласпилс. В Рижском гетто они задержались на какое-то время – убрали комнаты в немецкой комендатуре Риги. Из Риги их повезли в Освенцим. В Освенциме работали на земляных работах. В Освенциме Дора из-за невыносимых условий потеряла слух: «Я долго так работала, оглохла. Долго не слышала, потом слух немного вернулся. Нам давали чашку чая, кусочек хлеба. Съедали и валились спать». Летом сорок четвертого их перевезли в концлагерь Биркенау. «Там было два жилых барака. Остальные – склады для одежды. Вот на этих складах мы и работали. У людей, которые отправлялись в крематорий, отбирали вещи, драгоценности. Вот к нам это всё переправлялось. И мы это всё сортировали. Работали по 12 часов. Дожили до освобождения в январе 1945 г., в том числе и я».

⁴⁵Майор Тарас Степанович Рымар на митинге, посвященном освобождению Острова, сказал, обращаясь к островичам: «Очень тяжёлая борьба с фашистскими мерзавцами за освобождение Острова навечно сроднила меня с вашим городом. Прошу считать меня сыном Острова. Кончится война – приеду работать сюда. Погибну – похороните меня здесь, в братской могиле».

Через два месяца после освобождения Острова майор Рымар погиб в одном из боев в Литве. Было ему двадцать два года. Похоронили его в Острове, как он и просил. Там, недалеко от мостов, есть и улица его имени.

⁴⁶Заместитель директора местного краеведческого музея Наталья Васильевна Суббота, прожившая в Острове уже полвека, рассказала мне, что в советское время, в Ленинграде, на Петроградской стороне работал фирменный магазин от Островского мясокомбината. Когда Наталья Васильевна училась в Ленинграде, то ходила в тот магазин, выстаивала длинную очередь, покупала колбасу островского мясокомбината и везла ее домой, в Остров.

Библиография

В. В. Косточкин. О датировке крепостей Острова и Изборска //Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Вып. 62. М., 1956. С.59–65.

Е. А. Болховитинов. История княжества Псковского. М.: Кучково поле, 2012.

В. В. Косточкин. Древние русские крепости. М.: Наука, 1964.

Н. А. Панов. Летопись г. Острова и его уезда Псковской губернии (Материалы к истории г. Острова и его уезда). Остров, Тип. А. И. Фуфаевой, 1913.

Л. П. Шершнева, Т. А. Тихонова. Маленький город большой России: опыт краеведческого справочника. Остров, 2005.

Станислав Пиотровский. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. (Осада Пскова): с двумя рисунками / издание Псковского Археологического Общества; перевод с польского действительного члена Псковского Археологического Общества О.Н. Милевского. Псков: Типография Губернского Правления, 1882.

М. Н. Тихомиров. Россия в XIV столетии. М., 1962.

А. Э. Экк. Островские керамики // Островская земля. Краеведческий альманах. Выпуск I. Остров, 2004. С. 50–52.

А. А. Векшин. История веков. Путеводитель. Остров, 1992.

Ю. П. Пахрин. Остров. Путеводитель. Л.: Лениздат, 1974.

Сборник Московского архива министерства юстиции т. VI: Псков и его пригороды. Кн. 2. М.: Печатня А. Снегиревой, 1914. – 520 с.

Сборник Московского архива министерства юстиции т. V: Псков и его пригороды. Кн. 1. М.: Печатня А. Снегиревой, 1913.

Псковские летописи. Выпуск второй. Под. Ред. А. Н. Насонова. Изд. АН СССР, М. 1955.

Д. И. Иловайский. Граф Яков Сиверс. Биографический очерк // Русский вестник. Т. 55. М., 1865. № 2.

В. М. Севергин Записки путешествия по западным провинциям Российского государства, или минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда через оныя в 1802-1803 гг. СПб.: Императорская Академия Наук, 1803-1804: Ч. 2. Продолжение записок путешествия по западным провинциям Российского государства или Минералогическая, Технологическая и другие примечания, учиненные во время проезда через оныя в 1803 году, Академиком, Коллежским Советником и Ордена св. Анны второго класса Кавалером Васильем Севергиным. С. 168.

Дневная записка путешествия Её Императорского Величества через Псков и Полоцк в Могилёв, а оттуда обратно через Смоленск и Новгород. Сборник Русского исторического общества. Том первый. СПб., 1876.

А. В. Колибрин. 100-летие Островского городского 3-х-классного училища с 1 янв. 1787 по 1 янв. 1887 г.: историческая записка, сост. ко дню празднования 100-летнего юбилея 25 янв. 1887 г., учителем-инспектором уч-ща А. В. Колибриным. Псков: Тип. Псковского губернского правления, 1887. С. 68.

В. Н. Лещиков. Малые народные училища Псковской губернии (1787–1803 гг.) // Псков: науч.-практ., ист.-краевед. журн. 2016. № 45. С.106–115.

К. Б. Жучков. Как псковские мужики в 1812 г. «все на войну ехали» // Псков. 2012. №37. С. 85–90.

К. Б. Жучков. Псковская губерния в Отечественной войне 1812 г. // Псков. 2011. №35. С. 146–152.

К. Б. Жучков. Псковская губерния в Отечественной войне 1812 г. (по новым архивным данным) // Псков. 2015. №42. С. 173–200.

К. Б. Жучков. Письма псковичей в армию в 1812 г. // Псков. 2014. №41, С. 188–212.

Л. Н. Makeенко. Псковичи – участники Отечественной войны 1812 г. // Псков. 2012. № 36. С.3–9.

Псковские дворяне в войнах 1806, 1812, 1813 и 1814 гг.: (Арх. Справка). Псков, 1912. С. 68.

А. Е. Николенко. Военнопленные наполеоновской армии в Псковской губернии в 1812 г. // Псков. 2010. №33. С. 32–36.

И. С. Елисеев. Почтовая станция с гостиницей // Островская земля: Краеведческий альманах. Выпуск I. Остров, 2004. С. 42–44.

А. Е. Розен. Записки декабриста. С.-Петербург: Издание товарищества «Общественная польза», 1907. С. 467.

А. А. Михайлов. Обаяние мундира. Псков: Псковская областная типография, 2004.

Маленький город большой России: Опыт краеведческого справочника / Составители: Л. П. Шершнева, Т. А. Тихонова. Остров, 2005.

Псковские губернские ведомости № 9, 4 марта. Псков: В типографии Псковского губернского правления, 1878.

Псковские губернские ведомости № 36, 4 сентября. Псков: В типографии Псковского губернского правления, 1840.

Псковские губернские ведомости № 25, 18 июня. Псков: В типографии Псковского губернского правления, 1841.

Псковские губернские ведомости № 5, 28 января. Псков: В типографии Псковского губернского правления, 1842.

Псковские губернские ведомости № 11, 11 марта. Псков: В типографии Псковского губернского правления, 1842.

Псковские губернские ведомости № 27, 2 июля. Псков: В типографии Псковского губернского правления, 1842.

Псковские губернские ведомости № 28, 8 июля. Псков: В типографии Псковского губернского правления, 1842.

Псковские губернские ведомости № 52, 30 декабря. Псков: В типографии Псковского губернского правления, 1845.

Псковские губернские ведомости № 29, 17 июля. Псков: В типографии Псковского губернского правления, 1846.

Памятные книжки Псковской губернии на 1861, 1863, 1874, 1875, 1876 гг. Издания Псковского Губернского статистического комитета. Псков: В типографии губернского правления.

Т. В. Щемелева. История образования в г. Острове. Александровская женская гимназия // Островская земля: Краеведческий альманах. Выпуск I. Остров, 2004. С. 44–47.

Л. Н. Сосина. Островские общества второй половины XIX – начала XX века // Там же. С. 39–42.

Л. А. Фролова. Пожарная охрана в Островском уезде в XIX – в начале XX вв. // Псков. 2002. № 17. С. 150–156.

Краткий историко-статистический очерк городов и городских поселений Псковской губернии. Издание Псковского Губернского Статистического Комитета. Псков: Пар. Типография Губернского Правления, 1904.

Т. П. Алексеева. Беклешова и М.Ю. Лермонтов // Островская земля: Краеведческий альманах. Выпуск 3. Остров, 2010. С. 40–42.

Пчела: Еженедельная общедоступная прогрессивная газета. 1906. № 2, 4 мая.

Пчела: Еженедельная общедоступная прогрессивная газета. 1906. № 6, 31 мая.

Крах германской оккупации на Псковщине: Сборник документов. Л., 1939. С. 282

М. Т. Маркова. Псков и Остров в 1918 г. // Псков. 2007. № 26. С. 137–143.

Газета «Плуг и молот». Орган Островской Организации Р.К.П.(б-ков) Островского Уездного Исполкома и Уездного Совета Профсоюзов. 1920. №7, 2 апреля.

«Псковский набат» в гор. Острове. 1930. № 1, 14 янв. Остров: Типография Райкомбпрома, 1930.

А. В. Филимонов. «Мелочи» жизни Псковского края 1920-1930-х гг. // Псков. 2011. № 35. С. 135–145.

Н. В. Суббота Улицы города Острова. Остров: Островский краеведческий музей, 2008.

За Родину (Псков). 1942. № 52, 8 ноября.

За Родину (Псков.) 1943. № 287, 8 декабря.

За колхоз: орган Островского РК ВКП(б). 1943. №2, 26 февраля

А. В. Филимонов Подпольная организация города Острова: изучение, история, память // Псков. 2014. № 40. С. 22–48.

С. А. Петрова (г. Псков, Россия). Еврейское гетто на территории г. Острова в период оккупации Псковской области (1941–1944 гг.) // Мы не можем молчать: Школьники и студенты о Холокосте. Выпуск 16-17. М.: Центр и Фонд «Холокост»: МИК, 2021.

Островская земля: Краеведческий и литературно-художественный альманах. Выпуск II / Составители Л. Владимирова, П. Гринчук. Остров, 2005.

П. М. Гринчук. Остров. Февраль – июль 1944 г. Остров, 1995.

А. Н. Карпов, Д. А. Тимошенко. Островская доминанта. Псков, 2017.